

ПИСЬМА
И. С.
ТУРГЕНЕВА
к
ЛЮДВИГУ ПИЧУ

С РИСУНКАМИ
ЛЮДВИГА ПИЧЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ

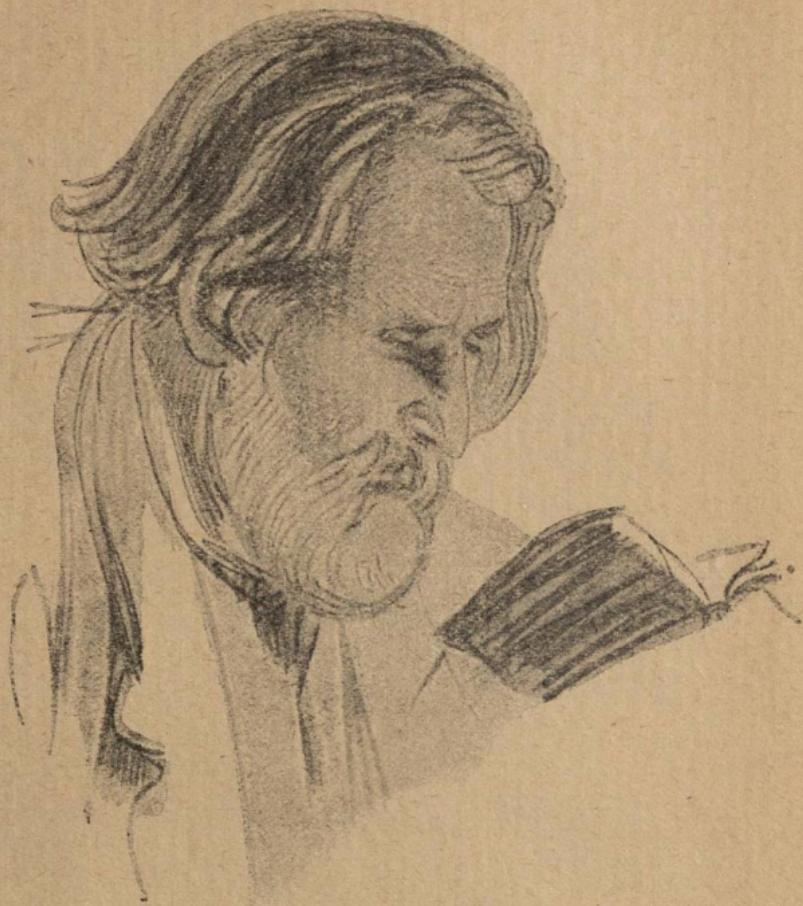
МОСКВА

1925 ЛЕНИНГРАД

84P5-49

T-87

37473.

Kirivj. Romano
Augsten
Baden - Baden ab 68

Тургенев И.С.

84РБ-49+
787

ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА
к
ЛЮДВИГУ ПИЧУ

1864—1883

С рисунками ЛЮДВИГА ПИЧА

Перевод Н. ТРОЛЬ

Редакция, вступительная статья

и примечания

ЛЕОНИДА ГРОССМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

83, ЗРБ-8

ПРОВЕРЕНО 2014

ПРОВЕРЕН 2009

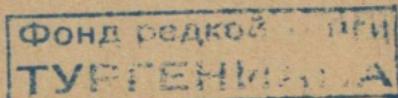
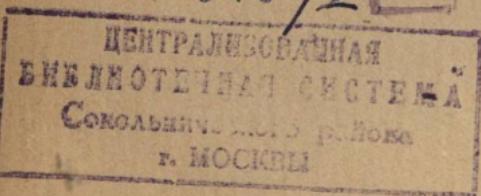

37473

Ленинградский Гублит № 6054 Тираж 2000

21980 /1

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Европейские друзья Тургенева особенно ценили его дар увлекательной беседы. Немецкие журналисты, английские ученые, французские писатели одинаково восхищались живой, острой, умной и образной манерой его пленительной речи.

„Из его романов узнаешь только долю той чарующей прелести, которою он обладал,—рассказывает немецкий критик Юлиан Шмидт,—всюду он был душою общества; когда этот статный, величавый старик с выразительным умным и приветливым лицом принимался рассказывать, все обращались в слух. Слушателя привлекал его рассказ, блещущий умом, грацией и тонкостью оттенков”... Людвиг Пич, знавший Тургенева в молодости, сообщает о начальной поре их дружбы: „Русский гость с первого же вечера стал центром нашего кружка: все его слушали с благоговением, как очарованные”. Впоследствии это первое впечатление углубилось: „Как ни велико богатство

наблюдательности и поэзии, обнаруженное Тургеневым в его произведениях, все-таки оно было только частицей того, что выливалось из его уст в присутствии его друзей. Если бы кто-нибудь стенографировал все рассказы и анекдоты из личной жизни, результаты непрерывного наблюдения природы и людей, все глубокие и оригинальные мысли Тургенева, эти золотые изречения, не заключавшие в себе ни одной громкой или вульгарной фразы, эти суждения, точные, правдивые и логичные, с неумолимым презрением клеймящие всякую ложь, даже и в искусстве, еслиб кто-либо сделал это—подобно Эккерману, записывавшему разговоры Гёте,— тот собрал бы неоценимую сокровищницу вечной красоты и мудрости... Он полными пригоршнями расточал драгоценные сокровища своего сердца и ума. Надо было только воспользоваться всем этим, чтобы иметь на всю жизнь обильный материал для размышлений".

Не одни только немецкие друзья Тургенева сохраняли такое впечатление о нем. Лондонский журналист Рольстон, несмотря на особые требования англичан к красноречию и искусству слова, высказывает такое же восхищение тургеневским разговором: „Менее скучного собеседника трудно себе представить. Он говорил блестяще, обнаруживая удивительный запас знаний по самым разнообразным предметам"... На

обеде английских литераторов „он говорил без натянутости, без стеснения, с такою увлекательностью, с таким чувством, что этого вечера не забудет ни один из присутствующих“.

Даже требовательные французы, мастера увлекательной *causerie*, с редким единодушием отмечают неподражаемое искусство Тургенева-собеседника. Гонкуры восхищаются его даром блестящей речи. Строгий Флобер с увлечением пишет друзьям о меткой, глубокой и остроумной беседе Тургенева. Мопассан поражается его изумительному умению придавать малейшим фактам устного рассказа художественное значение и забавный колорит. Наконец, Тэн сравнивает его разговорную манеру с блистательным *art de converser* французских салонов XVIII века.

Тургенев, видимо, обладал в высокой степени этим счастливым даром увлекательной, живой, художественной беседы. Как Герцен и Тютчев, он был мастером устного слова, артистом непосредственных дружеских импровизаций на самые разнообразные житейские и культурно-философские темы. К нему, видимо, можно было целиком применить слова позднейшего поэта:

И огнедышащей беседы
Ты знаешь молнии и бреды...

Это богатое и неуловимое искусство блестящего и глубокого разговора не поддается никаким

кой фиксации. Очарованные собеседники могут только в общих чертах передать свое впечатление от него, не стремясь восстановить сущность и состав этой летучей устной литературы. И только некоторое отдаленное представление о ней дают дружеские письма Тургенева, те беглые страницы его переписки, где он расточает себя в размышлениях, шутках, беглых оценках, портретах и афоризмах. Таковы его письма к Полине Виардо, графине Ламберт, к Герцену, Флоберу, Аксаковым. К этой же категории следует отнести и вышедшие только что в Берлине письма Тургенева к Людвигу Пичу.

2

В Германии эта связка старых писем встретила высокую оценку. Альфред Дорен, редактор собрания в берлинских „Пропилеях“, отмечает шутливую, грациозную форму этого эпистолярного стиля, в котором пестрая смена вещей, людей и событий охвачена своеобразным ароматом осенней печали и смягчена мудрым юмором многоопытного сознания. „Письмо, в котором Тургенев описывает холод в Веймаре, имеет немного равных страниц в немецкой литературе“¹, — свидетельствует берлинский исследова-

¹ Alfred Doren, „Iwan Turgenjew an Ludwig Pietsch“. Briefe aus den Jahren 1864—1883. Berlin. Im „Propyläen-Verlag“. Vorwort, 7—16.

тель. Таковы и журнальные отзывы о новом издании: „Письма Тургенева представляют крупнейший интерес не только с литературной и биографической стороны, но и в качестве драгоценнейших материалов для истории умственной жизни Европы XIX столетия“¹. Оценки эти вполне правильно отмечают значение этой новой пачки тургеневских писем.

Тургенев здесь выступает как представитель европейской культуры—ее ценитель, поклонник и участник. Общение с известным представителем немецкого художественного мира выдвигает на первый план постоянный пристальный интерес русского писателя к идейным течениям и литературным запросам Запада. Глубокая тяга Тургенева к научно-артистической Европе во всех ее новых образованиях здесь сказывается в полном объеме.

Сценический и музыкальный мир прежде всего привлекают его внимание. Отзывы о новых постановках, концертах, выдающихся исполнителях и замечательных композиторах мелькают почти во всех письмах. Вырисовываются новые штрихи для характеристики Тургенева — коллекционера картин. Литературные события России, Франции и Германии отбрасывают сюда свои беглые отражения. Ученополитический мир по-

¹ „Literarisches Zentralblatt“, 1924, I, 44.

стоянно привлекает внимание писателя. Он упрекает Пича за недостаточность его сообщения о прошумевшей речи Вирхова, он дает меткие характеристики Бисмарку („Аристофан, скрещенный с Маккиавелли“), Наполеону III, крупным текущим событиям — франко-прусской войне, падению империи. Он предсказывает, что французская республика будет „тупой, вульгарной, солдатской и железной“; он категорически предрекает неизбежную опустошительную войну между Германией и Россией по инициативе Германии. Если вспомнить, что все эти прогнозы относятся к 70-м годам, нашему романисту нельзя будет отказать в большой политической зоркости.

Крупный интерес представляют эти письма и для истории творчества Тургенева. Примечательно, что писатель чувствовал себя исключительно художником и с трудом обращался даже к мемуарному жанру. По поводу своих „Литературных воспоминаний“ он сообщает своему корреспонденту: „Как только я отхожу в своей работе от образов, я совершенно теряюсь и не знаю, с чего начать. Мне все кажется, что можно с полным правом утверждать обратное тому, что я говорю. Когда же я описываю красный нос или светлые волосы, то волосы действительно светлы, а нос красен, и этого никак не опровергнешь“.

Mr. M. 21/8 64 B. London. October
Pauline Viardot

Полина Виардо

Примечательно, что этот редкий знаток европейских языков считал возможным творить только на русском: „Как могли вы подумать, что я напишу рассказ на другом языке, кроме моего—русского?“—возмущается он в одном из писем к Пичу.—„Я никогда не написал ни одного печатного слова на чужом языке“...

Интересно отношение Тургенева к одному из его центральных героев. Он был огорчен, что русская молодежь истолковала образ Базарова как обидную карикатуру, как памфлет и клевету в то время, как сам он задумывал его „героически идеализированным“. Представляет интерес и реальный комментарий автора к „Живым Мощам“, и указание на то, что в „Вешних водах“ Тургенев дал сатирический портрет антрепренера в Карлсруэ Девриена с его „жалким театральным хозяйством“. И, наконец, здесь имеются новые сведения об оперетках Тургенева, инструментованных самим Листом и поставленных на различных немецких сценах.

Так на протяжении всей переписки разбросаны ценные свидетельства художника о приемах и процессе своего творчества.

3

Письма Тургенева к Пичу представляют интерес и в биографическом отношении. Обожание Полины Виардо и всей ее семьи нигде не выра-

жено им так открыто и сильно. Знаменитая певица была, оказывается, первым судьей всех его произведений. То, что браковалось ею, сразу теряло для Тургенева весь свой интерес. Он сообщает Пичу о своей „Несчастной“: „Рассказ мой появится в „Русском Вестнике“, но он мало меня интересует — ведь г-жа Виардо нашла, что это самое безобразное из всего мною написанного“.

Новые письма Тургенева непререкаемо устанавливают очень важный биографический факт: одна из дочерей знаменитой певицы — Клавдия (Диди) Виардо — была его дочерью.

Это обстоятельство не составляло тайны для друзей семьи. Извиняясь за запоздалый ответ на письмо Пича, Тургенев пишет ему: „Вы поймете меня, когда услышите, что Диди, — существо, которое я люблю больше и нежнее всего на свете, стала неделю тому назад невестой. Удивительно, все-таки, что на извещение ваше о помолвке вашей дочери — я могу отвечать тем же“... Из дальнейшего видно, что согласие на этот брак зависело всецело от Тургенева.

Это в значительной степени меняет традиционное воззрение на унизительное положение Тургенева в семье Виардо, на его печальную роль „приживальщика“ и проч. Неизвестные факты, раскрывающиеся в этой переписке, проливают новый свет на эти отношения: Тургенев

в кругу Виардо был подлинным „отцом семейства“, не менее авторитетным, чем сам законный муж певицы; отец одной из дочерей, он обожал всех детей своей подруги и встречал с их стороны такое же отношение. — Семья знаменитой артистки представляла своеобразный, для того времени, и совершенно открытый союз, к которому ее участники сумели внушить уважение окружающим. По крайней мере, они не допускали до своего интимного круга обычательских пересудов и праздных сплетен. По свидетельству старшей дочери семьи, Луизы Виардо-Геритт, „злословию, самому по себе, не удавалось нарушить гармонию этих отношений, и оно должно было стушеваться перед снисходительным и гордым презрением, с каким оно принималось“... Тургенев в кругу этой высоко артистической семьи—музыкантов, литераторов, художников—рядом с гениальнейшей артисткой XIX столетия, был несомненно счастлив, на сколько вообще мог сознавать себя счастливым этот „*le plus triste des hommes*“.

Перед близкими друзьями Тургенев и Виардо совершенно открыто признавали свои отношения. К этому кругу интимных друзей принадлежал и Людвиг Пич, которому Тургенев сообщает о своих семейных радостях, и на имя которого написаны первые письма Полины Виардо о смерти русского писателя.

Несколько слов об этом друге семьи Тургенева-Биардо. Людвиг Пич, родившийся в 1824 г. и доживший до глубокой старости (он скончался в 1911 г.), был известным рисовальщиком-иллюстратором и журналистом. Жанр его писаний — преимущественно путевые корреспонденции и статьи по вопросам искусства. Его журнальные писания были собраны в книгах: „Aus Welt und Kunst“, „Orientfahrten“, „Von Berlin bis Paris, Kriegsbilder“ и друг.

О своем знакомстве с Тургеневым Пич рассказывал в целом ряде статей, объединенных впоследствии в его двухтомной автобиографии „Wie ich Schriftsteller geworden bin“ (В., 1892—1894).

Первая встреча их относится еще к молодым годам Тургенева. „В первый раз я встретился с ним,— рассказывает Людвиг Пич,— в незабвенный для меня ноябрьский вечер 1846 года, в Берлине, на лестнице старой газетной читальни Юлиуса, на углу улиц Обервальдштрассе и Егерштрассе. Спускаясь по лестнице, я остановился как бы очарованный видом могучей фигуры и лица молодого иностранца, закутанного в шубу и подымавшегося мне навстречу. Никогда я не испытывал подобного впечатления от одной наружности человека; никогда мое чувство не под-

сказывало мне так непосредственно и инстинктивно: „Это необыкновенный человек“. Могли я тогда предвидеть, какое сильное влияние будет иметь этот человек, несколько лет спустя, на вторую половину моей жизни? Тогда его волосы, поседевшие с 1868 года, были еще темнорусыми, и, вместо полной бороды, только короткие русые усы оттеняли его верхнюю губу. Головой и ростом он напоминал нам Петра Великого в молодости, хотя он и не имел ничего общего с полудикой и необузданной натурой преобразователя России. Эти массивные голова и тело вмещали в себе утонченный ум, добрую и мягкую, гуманную душу”...

Затем наступил длительный перерыв в знакомстве, и Пич снова встретился с Тургеневым через 16 лет в Париже. С этого времени завязываются прочные дружеские отношения, прерванные только смертью писателя. Весной 1882 г. произошло их последнее свидание на Rue de Douai в Париже. „Он в последний раз—вспоминал впоследствии Пич — обратил ко мне на прощанье свое грациозно очерченное лицо, окаймленное окладистой белой бородой и длинными волосами, с привлекательно грустной улыбкой на устах и приветливым выражением в темно-карих поэтических глазах”. Через полгода Тургенев написал свое последнее прощальное письмо Пичу.

Памятником этой дружбы остаются 122 письма Тургенева и 25 рисунков Пича. Отрывки из этих писем были в свое время напечатаны в „Вестнике Европы“. Русским исследователям приходилось до сих пор пользоваться этой публикацией, совершенно непригодной для изучения Тургенева. Прежде всего 25 писем в ней отсутствуют совершенно, из остальных же нет ни одного, опубликованного полностью: это в большинстве случаев отрывки, выхваченные чрезвычайно спешно и небрежно, с курьезным опусканием всех мест, представляющих некоторую трудность для переводчика, с полным игнорированием обычных форм и приемов тургеневского эпистолярного стиля. Предлагаемое издание передает письма Тургенева к Пичу во всей их полноте, при чем в основу перевода положено внимательное изучение русских писем Тургенева с их стилистической стороны.

Среди рисунков Пича, изображающих группы, сцены, концерты в интимном кругу Виардо и отдельных членов и друзей семьи, имеются шесть новых портретов Тургенева (за картами, за чтением, на прогулке, в роли Людоеда и друг.). Редактор немецкого издания справедливо восхищается „великолепной творческой головой“ Тургенева, столь живо запечатленной его другом.

В письмах к Пичу рельефно выступают некоторые характерные черты Тургенева: прежде всего — глубокая артистичность его натуры, его постоянное пребывание в мире художественных интересов и редкая многосторонность его увлечения искусством. Все виды творчества — поэзия, сцена, музыка, живопись, пластика — одинаково интересуют и увлекают его.

Но этим, конечно, не ограничивается жадное писательское внимание к современности. Сложные политические события 60—70-х годов вызывают с его стороны такой же пристальный интерес и зоркую оценку, как и новейшие явления художественного мастерства. При этом, несмотря на важность и значительность затрагиваемых тем, вся переписка ведется в легкой манере интимной беседы, обвеянной живым юмором и взрезанной острыми характеристиками.

Таковы эти ценные страницы одного стариинного писательского архива. Собрание писем Тургенева к Пичу наново освещает его облик живого наблюдателя современности, тонкого ценителя искусств и первоклассного мастера дружеского письма.

Леонид Гроссман.

ПИСЬМА ТУРГЕНЕВА
К ЛЮДВИГУ ПИЧУ

1

Баден, Schillerstr. 277.—12 января 1864 г.

Любезнейший Пич,

много я перед вами виноват: не только не ответил на ваше большое, милое письмо, но даже затерял его, и теперь, не зная вашего адреса, направляю письмо к книгопродавцу, который может быть и не знаком с вами.—Но если оно до вас все-таки дойдет, то знайте, что послезавтра утром, проездом в Петербург, я буду в Берлине и остановлюсь в Hotel de St. Petersbourg. Во всяком случае, разыщу вас. А за сим до скорого свидания.—Сердечный поклон.

И. Тургенев.

2

Баден-Баден, Schillerstr. 277.—Суббота,
30 апреля 1864 г.

Мой милый, добрый друг,

письмо ваше к М-те Виардо поразило меня, как ножом в сердце.—И прежде всего—эта суровая, горькая утрата, этот немилосердно-жестокий удар!—Об утешениях, конечно, и речи быть не может—хочу вам только сказать, как глубоко я сочувствую вам и вашей жене.—Да, жизнь

вообще тяжела — и всего тяжелее в ней эта равнодушная необходимость, эта естественность страдания и утрат. — Она разбивает самые пленительные и прекрасные образы, даже не зная об этом — как колесо, которое раздавило цветок. — Работать, работать, насилино втиснуть себя в какой нибудь труд — как сломанный член в тугие повязки, — вот лучшее средство для вас: оно старо и испытано. Да не покажется оно вам слишком горьким!

И в другом отношении причинило мне ваше письмо боль — но тут я сам виноват. — Ваши дружеские расспросы обо мне заставили меня почувствовать, как неправ я был, не написав вам уже давно. — Для этого нет извинений — без оговорок сознаюсь — „рессави“. — Скажу вам только, почему не разыскал вас в Берлине: дело в том, что я и часа там не пробыл — и немедленно отправился на дрезденский вокзал. В Дрездене ждал меня брат, он очень был болен. — Из Дрездена я поехал в Баден — оттуда в Париж — теперь я снова здесь, и за все это время не было у меня спокойного дня. — Теперь я снова в старом гнезде — и спешу крепко и преданно пожать руку старому другу.

М-те Виардо, вероятно, писала вам, сколько забот и хлопот причинило ей разрешение Луизы. Теперь все в порядке — малютка (это сын) — растет и преуспевает — мать еще слаба и лежит

в постели — но все идет нормально.— Живут они в моей квартире — я занял две комнатки в том же доме. — В конце июня они уедут — и у меня окажутся три лишних комнаты; лучше всего было бы поселить в них друзей. Понимаете ли намек? — Право, для меня было бы большой радостью видеть вас летом у себя. — Сделайте это — и если только есть какая-нибудь возможность, приезжайте.— Мое русское дело кончилось наилучшим образом, и я свободен, насколько это вообще возможно для русского.

Я набросал несколько предварительных этюдов и приготовляюсь начать большое произведение — но увы! — ленился я тоже порядком. — Недавно появился небольшой мой эскиз, но он незначителен.

Несколько дней тому назад М-те Виардо великолепно спела на одном концерте почти всего Орфея — на следующей неделе она поет Норму в Карлсруэ. Жду этого с нетерпением.

Старый, милый друг, до свидания! — Еще раз жму вам руку и сердечно кланяюсь вашей жене.

Ваш И. Тургенев.

P. S. — Сделайте милость, спрячьте ружье, которое я у вас оставил. — Я продал его одному русскому; он зайдет за ним с моей запиской.

Баден, Schillerstr. 277.—8 июня 1864 г.

Дорогой Пич,

давно уже следовало написать вам — но к несчастью, я очень обленился. — Ваше письмо к М-те Виардо встряхнуло меня — и я берусь за перо, чтоб сказать вам, что от конца июня по конец июля ваша комната ждет вас с распостертыми объятиями. — 1-го августа в Баден приедет Вернэ (вы знаете его), он будет жить у меня. — Итак, поскорее кончайте свои дела — и приезжайте сюда ровно через три недели. — Не зову вас раньше: во первых, сами вы пишете, что освободитесь только в июле, а во вторых, все это время я буду в отсутствии — должен проехаться в Франкфурт, Швальбах, Штутгарт и т. д. — Итак, до 29-го июня. Сдержите слово!

Извините краткость этого письма — в следующий раз напишу подробнее. — Мой усердный поклон вашей супруге, дружески жму вам руку.

Ваш И. Тургенев.

Баден-Баден, Schillerstr.—Понедельник, 19 сентября 1864 г.

Милый мой друг,

большое вам спасибо за письмо, хоть и не все в нем хорошо — как, например, известие о вашем недомогании. Теперь вы, надеюсь, снова у своих, здоровье восстановилось, а перспектива такой благородной и полезной работы, как иллюстрации к Рейтеру, придает вам силу и бодрость. Сообщите мне, как нашли вы своих. Здесь все по-старому — часто и дружески думаем о вас — три раза в неделю охота, погода хороша — работа подвигается очень медленно. Зубы мучают теперь госпожу Анштетт гораздо больше, чем Кора; она сердечно вам кланяется. 25 талеров я получил — но, право — не торопитесь уплатой — я свободно могу подождать.

Впечатление, вынесенное вами о вашем пребывании здесь, особенно приятно мне, как залог вашего возвращения в будущем году. — Ведь вы уверены, что встретят вас с радостью?

Вложенное письмо передайте Коневке; одновременно посыпаю ему первый том боденштедтовского перевода.

Желаю вам всего хорошего и дружески жму руку; передайте мое почтение вашей жене.

Ваш И. Тургенев.

P. S. Сего дня начали постройку дома.

Париж, 10, Rue Basse, Passy.—22 ноября 1864 г.

Любезнейший друг,

я здесь с третьего дня (у моей дочери) — через неделю возвращаюсь в Баден — но не хочу больше нести на себе проклятие неблагодарности — и дружески жму вам руку за ваше последнее милое письмо и драгоценный подарок; в Париже я почту его по заслугам, снабжу резным камнем.—Кстати, зайду уже сам к А. Саломону и добуду одну из тех больших фотографий, которые вы хотели иметь.—Я не покину Парижа, не переслав ее вам.

В Нанциге состоялась большая попойка — не без искреннего умиления участников и с несомненным расстройством их пищеварения.— Вернэ женат, я посетил его уже здесь; милая маленькая Жанна глядит в своем чепце бледной и слабой.—Все уладится—они очень счастливы, а это главное.

Итак, еще раз крепко жму руку и до свидания в Бадене! — Кланяюсь вашей милой жене и семье.

И. Тургенев.

Баден-Баден, Schillerstr. 277.—27 января 1865 г.

Любезный Пич,

давно уже следовало ответить на ваше дружеское письмо, но на этот раз мне помешала не только охота.—Я должен был быть в Париже—куда в скором времени и возвращаюсь—выдаю дочь свою замуж за молодого француза—свадьба назначена на 20-ое февраля—и это, хотя и приятное, но для меня, псевдо-отца семейства, новое и непривычное событие, поглощает—если и не все мои силы—то все мои мысли. Придется вам и на этот раз удовольствоваться сухим и коротким письмом—хочется только поблагодарить вас за милые ваши строки и сообщить вам—что я еще, слава богу, здравствую—и притом недурно.—Не знаю, действительно ли голод лучший повар—но уж во всяком случае, безделие—лучший врач.—Только такие исключительно привилегированные натуры, как М-те Виардо, могут совмещать усиленную работу с веселостью и отличным здоровьем.—За последнее время она переложила на музыку 6 стихотворений Мерике—лучшее из всего, созданного ею в этом роде—спела „Пророка“ в Карлсруэ—(мне страшно не понравилась музыка—но сама певица предстала в прежнем величии)—а 31-го этого месяца она

поет в Штутгарте — в концерте памяти Шуберта. — Все домашние в Тиргартене чувствуют себя великолепно — стало быть, и я. С 5-го февраля — до 25-го я в Париже — Rue Basse, 10, Passy — и был бы рад увидать ваш, — на этот раз уже не столь неразборчивый, — почерк. За сим жму вам сердечно руку, кланяюсь вашей супруге и семье и остаюсь

преданный вам И. Тургенев.

P. S. То, что вы пишете мне о Менцеле, возбуждает во мне подлинную гордость. В конце концов, вы сделаете меня тщеславным.

7

Баден-Баден, Schillerstr. 277.—27 апреля 1865 г.

Дорогой друг,

вот вам две фотографии, вы хотели их иметь; зато прошу вас о следующем: пришлите мне, как говорится, „обратной почтой”, строки Коссака об альбоме М-те Виардо — в копии или вырезкой. Смотрите, не забудьте. Вы окажете мне этим большое одолжение.

Обещаю точно известить вас телеграммой о дне моего прибытия в Берлин — надеюсь найти вас здоровым и бодрым. За сим дружески жму вам руку.

И. Тургенев.

Баден-Баден, Schillerstr. 277. 22 сентября 1865 г.

Только-что получил ваше письмо, любезный друг—спасибо вам за все доброе, что высказано в нем. Без лишних слов: ваше пребывание в Бадене было для меня большой радостью — и вы можете приезжать сюда как только пожелаете, — комната для вас всегда найдется.

Все обстоит благополучно на благословенных берегах Оозы — даже слишком благополучно; имею в виду наступившую невыносимо хорошую погоду. Эти великолепные осенние дни буквально высушили все — об охоте и думать нечего: даже лучшей собаке отказывается служить ее нос. Сам Пегас не разыскал наднях двух подстреленных куропаток.

В одном из своих фельетонов вы сказали, что нельзя доверять баденским критикам и журналистам, ибо все они продались Беназету. Это страшно возмутило господ Поля, Лаллемана и др. Собственно говоря, это безобидно — но не безобидно то, что теперь они все это приписывают М-те Виардо, которая якобы сообщила вам свое мнение о здешних произведениях искусства. К сожалению, тут мало чем можно помочь; может быть, можно было бы при случае на-

мекнуть — что речь шла только о французских критиках.

Сделайте милость, перешлите приложенную записку фрейлейн Редер. Дружески кланяюсь вашей семье, Менцелю, Аглае, Бегасу и tutti quanti. Несколько дней тому назад сюда приехал Ауэрбах — я много говорил с ним: он остроумен и интересен — но какое самодовольство!

Будьте здоровы.

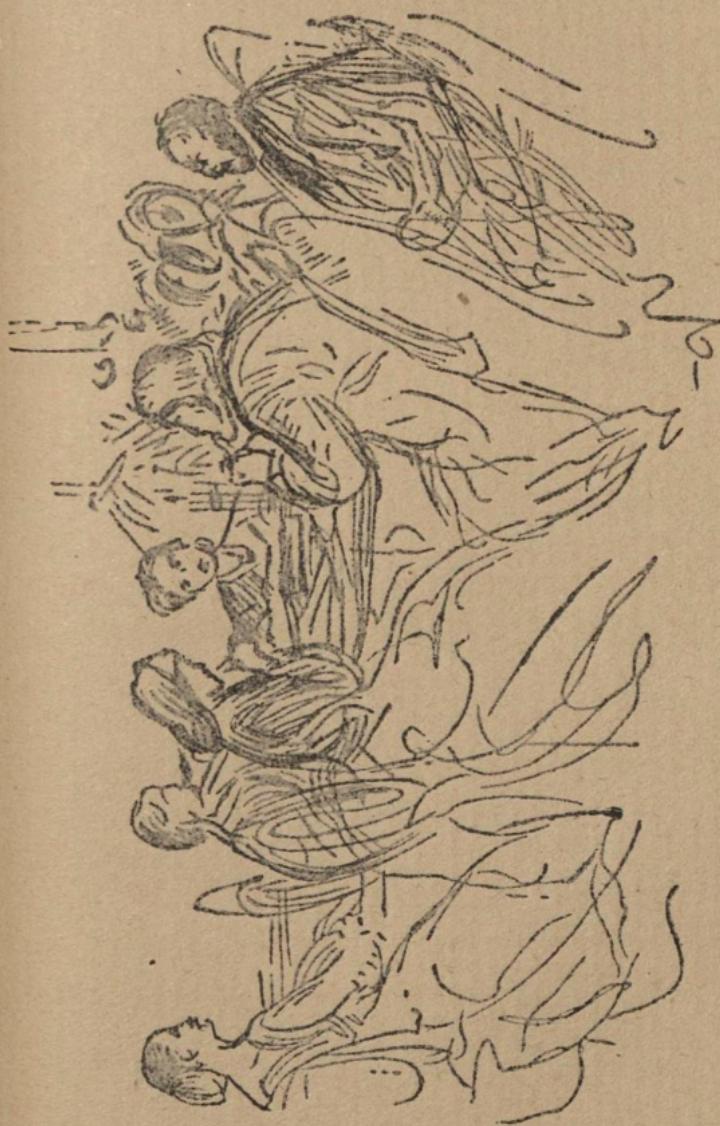
Ваш И. Тургенев.

9

Баден-Баден, 16 ноября 1865 г.

Любезный друг,

сегодня вечером М-те Виардо едет в Берлин, и я прошу ее взять с собой эти несколько строк. — Она расскажет вам о нашем довольно однобразном житье, я же хочу только поблагодарить вас за чудесный подарок к 9-му ноября и за то, что вы подумали об этом. Он доставил мне большую радость. Одновременно посылаю вам с М-те Виардо вышедший, наконец, второй том боденштедтовского перевода (на стр. 294 напечатано: „Was konnte Jch hoffen“ — должно быть: „Was konnte sie hoffen“). Неглубокого „Пасынкова“ Боденштедт выбрал, вероятно, для того, чтобы процитировать два своих лирических перевода.

Бакин Фадим, 1885

Вечерний прием в доме Виардо

А затем — едва ли, впрочем, нужно вам напоминать об этом — мы поручаем вам нашу дорогую путешественнице. Вы пожалованы в ее адъютанты.— Убедительно прошу вас немедленно телеграфировать мне Schillerstrasse 277, если бы с ней случилось что-нибудь, требующее нашего немедленного осведомления. Надеемся, что эта поездка, эти развлечения принесут пользу ее здоровью. Правда, в старом Берлине, кажется мне, слишком холодно и ветренно... Ну, посмотрим — твердо рассчитываю на вас.

А за сим — будьте здоровы. Кланяюсь вашей милой семье, Менцелю, Бегасу и всем прочим добрым друзьям. Вам крепко жму руку.

И. Тургенев.

P. S. Поклонитесь фрейлейн Аглае; фрейлейн фон-Пелльниц пишу сам.

10

Баден-Баден, Schillerstr. 277.—Четверг,
21 декабря 1865 г.

Милый друг,

письмо ваше я читал с чувством истинного удовлетворения и радости, спасибо вам за него. Собственно говоря, вы не сказали мне о M-те В. ничего нового, — но для меня было праздником то, что вы так хорошо знаете эту замечательную

женщину и так великолепно ее описываете. Нет ничего неожиданного и в том, что ее влияние и роль в берлинских кругах оказались столь значительны; и все же, как это отрадно! Какое прекрасное зрелище — в подобном радостном проявлении подлинно гениальной натуры! — Теперь все мы в долгу перед Берлином: она вернулась совсем не той, какой была, когда мы ее отпускали: давно я не видел ее в таком хорошем настроении, — столь бодрой и жизнерадостной. Она много рассказывала нам о своей берлинской жизни, часто упоминая ваше имя. — Теперь нам всем нужно усиленно работать — а летом мы снова все вместе в Бадене — правда?

Я „схватил за рога“ большой роман — не знаю только, одолею ли „зверя“. Я так давно не писал, что ощущаю внутреннюю не то что бы усталость — но некоторую вялость, исчезающую слишком медленно. Может быть, работа наладится — иногда мне кажется, что у меня есть еще, что сказать. — Эта вера необходима, при всей своей наивности.

Я получил милое письмо от Шторма, ответил ему и послал боденштедтовский перевод... Получил он его?

Кланяюсь всем милым берлинским друзьям — и крепко жму вам руку.

Преданный вам И. Тургенев.

P. S. М-те В. сказала мне, что фрейлейн Корнелия Мейербер высказала желание иметь мою карточку — Передайте ей приложенный экземпляр — Он не особенно хорош — но другого у меня нет.

11

Баден, Schillerstr. 277.—Понедельник,
19 февраля 1866 г.

Дорогой Пич,

спасибо вам за милое письмо — жаль только, что в нем прорываются печальные нотки — было бы совсем неприятно, если б что-нибудь помешало вам приехать летом в Баден — нельзя ли как-нибудь помочь делу? Гетцель писал мне, запрашивая ваш адрес, который он снова затерял; может быть, что-нибудь из этого и выйдет. — Да и я не весел, и это по физической причине — (в общем это худшие). Я схватил жестокий мышечный ревматизм в левой руке, осложненный так называемым воспалением надкостницы — первые следы показались еще осенью — но в последнее время воспаление приняло злокачественный характер, и вот уже две недели, как я сижу дома и каждые десять минут меняю

холодные примочки — я совсем не могу двигать рукой — каждое движение причиняет мне жестокие боли — а к тому же говорят, что болезнь эта принадлежит к затяжным — это фатально. О работе, конечно, и речи больше нет. — Вы можете оказать мне услугу. Дело в том, что 3 или 4 года тому назад у меня было воспаление надкостницы на ноге — и комиссионер в Hotel St. Petersburg в Берлине снабдил меня притиркой, — по его словам, она оказала большие услуги владельцу гостиницы, господину Гендтлассу. — Мне она помогла быстро и основательно. Сделайте милость, спрявьтесь в Hotel St. Petersburg — и если возможно, пришлите мне рецепт. Кажется, там еще тот же комиссионер.

К счастью, у нас на вилле все благополучно, — а это главное. М-те Виардо в хорошем настроении и написала в последнее время несколько прелестных вещиц. Погода отвратительная. Вот и все наши новости.

Мне становится трудно писать — крепко жму вам руку, сердечно кланяюсь всему семейству и всем друзьям, Менцель *à la tête*, и остаюсь

преданный вам И. Тургенев.

P. S. У Маркс нет *Vossische Zeitung*; если возможно, пришлите мне фельетоны.

Марианна Виардо

12

Баден-Баден, Schillerstr. 277.—Понедельник,
12 марта 1866 г.

Дорогой друг,

ваша притирка так помогла мне, что я обращаюсь к вам с просьбой прислать мне ее рецепт, — а если нельзя, то хоть еще одну баночку (побольше) — бальзам подходит уже к концу. Если за копию этого рецепта хотят денег, я охотно дам их.

Все остальное тут в порядке — спешно шлю вам дружеский поклон.

Ваш И. Тургенев.

13

Баден-Баден, Schillerstr. 277.—21 апреля 1866 г.

Любезнейший друг,

вернувшись с скучнейшей охоты на глухарей, нахожу ваше письмо. Пылая краской стыда, должен сознаться, что я, действительно, — если и не забывчивое, — то, во всяком случае, очень ленивое животное. — Чем старше становишься, тем быстрее скользит между пальцев жизнь — ни для чего нет времени — хотя ничего, соб-

ственno говоря, не делаешь. — Но подобные философские рассуждения являются обычно ничем иным, как извинениями — и потому перестаю углубляться — и начинаю распространяться — т. е. писать.

По упомянутому в начале обстоятельству вы можете судить — что я, благодаря вашей притирке, здоров — в руке я больше ничего не чувствую. Но что гораздо важнее — здоровье М-те Виардо, после долгих колебаний, наконец поправилось и как раз сегодня — впервые после месячного перерыва, она пела — на блестящем утреннике в Tonhalle с принцессами, княгинями и тому подобной мелкотой. Это было великолепно — особенно одна шубертовская песня — „Двойник“. От нее по спине словно пробегает легкое дуновение смерти, находящее исход в холодных слезах восторга — вы должны это услышать! Замечательно пели и Шредер, и Деконэ, уезжающая в Лондон. — „Tiergarten“ сейчас в цвету — физически и морально: мой маленький замок быстро подвигается вперед — 1-го октября я уже поселюсь в нем. Там есть комната, которую дети окрестили „Chambre de Pietsch“. — Но ведь вы приедете раньше, летом — и еще сможете насладиться лицезрением любезной М-те Анштетт.

Обе ваши статьи о Г. Дорэ превосходны — это я называю попасть в точку — что бы теперь

ни говорили, это правда. — В следующий раз пошлю вам их. — От всего сердца сожалею, что вам все еще приходится мыкаться, но о войне, кажется, перестали говорить — а скоро пройдет и страх перед ней со всеми тревожащими вас скверными последствиями. Но от всего этого останется действительно колоссальное „entrechat“ г-на фон-Бисмарка. Поистине, никогда ничего подобного еще не было видано; и если этот господин, внутренне издеваясь и иронизируя, совершил все же это дело, то в нем несомненно сидит Аристофан, скрещенный с самим Макиавелли. Надо надеяться, что этим будет нанесен последний смертельный удар — нет, просто пощечина, — достославному suffrage universel. — Надо надеяться, сказал я? — Ах! люди ведь жаждут пощечин. Это вызывает в них ощущение реальности.

Что скажете о петербургской истории? — Там теперь все вверх дном. — Спасение царя — (мужиком) — большое счастье для нашей страны.

За сим — до свиданья! — Поклонитесь всем милым друзьям — и вашей семье.

Ваш верный И. Тургенев.

P. S. Роман стоит на месте — но я начал небольшую повесть — идет кое-как, капля по капле.

Баден, Schillerstr. 277.—17 мая 1866 г.

Дорогой Пич,

спасибо за ваше добре письмо. Тут все в общем благополучно—здоровье госпожи Виардо совершенно восстановилось. — Здесь только очень холодно — и к тому же нас тревожит неизвестность относительно войны и мира, вероятный отказ от твердо решенного зимнего сезона в Берлине и отвратительный курс денег в России, наконец, грустные мысли о положении некоторых друзей — все это мало способно поддерживать хорошее настроение. Но все еще может измениться, — итак — нечего вешать голову! Ведь жить все таки надо — и не стоит труда жить малодушно и бесцветно.

Я и мысли не допускаю, что вы не будете этим летом моим гостем; подумайте — что сказала бы М-те Анштетт? Это должно быть — даже, если б ежедневно разыгрывалось четыре сражения! — Дождитесь только настоящих хороших летних дней!

Работа моя по обыкновению ползет улиткой; с нетерпением жду вашей книги. — Статью вашу (о Дорэ) — я пошлю вам только тогда — когда вы пришлете мне точный адрес известного

Марианна Виардо
13/6

Марианна Виардо

берлинского продавца притирок; это средство ведь снова творит чудеса — оно совершенно излечило ребенку руку, парализованную в течение года. Не забудьте же!

Кланяюсь всем добрым приятелям, начиная с Менцеля — и крепко жму руку вам

ваш И. Тургенев.

P. S. 22-го этого месяца я еду на неделю в Франкфурт к моей дочери.

15

Баден-Баден, Schillerstr. 277.—7 июня 1866 г.

Любезнейший друг,

очень тороплюсь, а потому буду краток. —
Итак:

1) М-те Виардо (к общему нашему огорчению, она все еще возится с ногой) — передает вам следующее: — в понедельник утром одна из ее учениц, фрейлейн Гольмсен из Норвегии, едет на 2 дня в Берлин, где ее выслушает и, может быть, ангажирует Редер. — Она совершенно чужая в этом большом городе на Шпре, и М-те Виардо просит вас встретить ее во вторник утром на вокзале (поезд приходит в 8 часов) — и предоставить себя в ее распо-

ряжение. — Фрейлейн Гольмсен высока ростом, стройна, у неё светлые волосы, правильное северное лицо, желтовато-бледный цвет кожи и водянисто-серые глаза; она будет в сером пальто. Вы узнаете её. — Мы рассчитываем на вашу испытанную, неизменную любезность. Да к тому же фрейлейн Гольмсен очень добрая и достойная уважения девушка и обладает очень красивым голосом.

2) Большое спасибо за адрес чудесного доктора.

3) С 10-го июля мой дом к вашим услугам — госпожа Анштетт раскрывает вам свои „материнские объятья“.

Итак до скорого свиданья, дружески кланяюсь!

Ваш И. Тургенев.

16

Баден-Баден, Schillerstr. 277. — 5 июля 1866 г.

Дорогой друг,

не стану говорить вам, как рад я был бы увидеть вас: но должен просить вас несколько отстрочить ваш приезд. Последние события вызвали здесь такое озлобление, что я опасаюсь, как бы оно не отразилось на вас — особенно

в виду того, что в ближайшие дни, вероятно, произойдет столкновение союзной армии (состав которой преимущественно баденский) с пруссаками — и результат предстоящего боя можно уже предсказать. — Я думаю, разумнее переждать исхода событий, который — по всему судя, — не заставит себя долго ждать. Пока, во всяком случае, не приезжайте — как только это станет возможным, я немедленно сообщу вам.

Madame Виардо лучше — но нога ее еще не совсем залечена — и ей надо щадить себя; я здоров, все прочее обстоит благополучно, — но в странные мы живем времена!

Надеюсь, до скорого свидания —

ваш И. Тургенев.

17

Баден-Баден, Schillerstr. 277. — 6 ноября 1866 г.

Дорогой друг,

непростительно, что только теперь отвечаю на ваше письмо — да что поделаешь! — Много охоты, много лени, немножко работы да к тому еще неприятные известия из дома — вот причины моего молчания. — Но уже пора мне подать признак жизни. — Итак:

а) В Тиргартене все благополучно — здоровье госпожи Виардо гораздо лучше — в последнее время она написала несколько прелестных вещей.

б) В Берлин она поедет, вероятно, лишь в январе и пробудет там несколько месяцев — она берет с собой только двух своих девочек.

с) В начале февраля буду и я в Берлине — но останусь там только две, самое большее, — три недели — так как в России мне придется пробыть дольше, чем я это думал. Но мы приложим все усилия к тому, чтобы жить эти 2—3 недели как можно больше и как можно лучше (что собственно выходит на одно).

д) Талер вручен госпоже Анштетт — она благодарит и кланяется — вы вообще единственный пруссак, о котором у нее сложилось сравнительно благоприятное мнение.

е) Фрейлейн Маркс не держит больше «*Vossische Zeitung*» — и потому я не читал вашего описания торжественного въезда, о чем очень сожалею — ведь вы обладаете подлинно фотографическим даром изображения подробностей, при умении располагать целое изящными группами.

Поклонитесь всем добрым берлинским друзьям. Поблагодарите Бегаса за его предложение — бюст М-те Виардо его работы был бы великолепен. — Что же касается моего изображения, то пусть он лучше вылепит лишнюю

Клавдия (Диди) Виардо

статую — для нашего брата и фотография достаточно хороша.

А за сим будьте здоровы и до свидания.

Ваш И. Тургенев.

18

Баден-Баден, Schillerstr. 277. — 16 ноября 1866 г.

Дорогой друг,

большое вам спасибо за вашу дружескую посылку к 9-му ноября. — Фотографии очень интересны и возбуждают желание взглянуть на их оригиналы — как мил и трогателен такой привет с дальней стороны! Итак, еще раз — спасибо!

Отправляю сегодняшней почтой Бегасу экземпляр моих рассказов. То, что это может его порадовать — искренне радует и меня; да и вообще это очень много — и притом удивительно! — когда один человек возбуждает в другом приятные переживания. — Как идет его работа? У меня всегда перед глазами прекрасные женские фигуры его памятника Шиллеру.

В Тиргартене все обстоит, слава богу, благополучно. Все растет и расцветает, обе девочки становятся действительно прелестными. Каждый

день после обеда они ставят пантомимические танцы под музыку, которую импровизирует госпожа Виардо. При этом происходит много замечательного: так, например, вчера Клавдия сделала себе из антимакассара (знаете — эта штука, которую вешают на спинки кресел) род тюрбана — она была похожа на молодую, еще дикую богиню из мифологии будущего. Все это вы — надо надеяться — увидите в Берлине.

Сердечно жму вам руку и кланяюсь вашей семье и друзьям.

И. Тургенев.

P. S. Не знаю адреса Бегаса, и потому посылаю книгу вам.

19

Спб., 14/2 апреля 1867 г., воскресенье.

Любезнейший друг,

вчера я приехал сюда из Москвы и нашел ваше сердечное письмо. — Отвечу только, что я совершенно подавлен делами, людьми и т. п.: послезавтра еду — и если не случится ничего особенного, то в четверг утром я в Берлине. — Сделайте милость — тотчас по получении этого письма, сходите в Hotel de Petersbourg и заказжите мне комнату. — В четверг вы, конечно,

завтракаете со мной. — Мне многое нужно рассказать вам. — Нога моя все еще не в порядке — и об охоте пока и думать нечего.

Итак — до скорого свидания! Кланяюсь вашей семье и друзьям.

Ваш И. Тургенев.

20

Баден-Баден, Schillerstr. 277.—Воскресенье, 21 апреля 1867 г.

Снова я здесь, любезный друг, и весело смотрю на мир из моего гнезда. — Если даже французы и придут, им не спугнуть меня. В Тиргартене все благополучно, вам кланяются. У госпожи Виардо прекрасный вид, даже железное лицо Луизы стало мягкее. — К тому же здесь больше зелени и золота, чем у вас, в ваших песках. — Я еще хромаю, но уж начинаю ковылять по галлерее. — Вкладываю 2 фотографии для милейшего доктора Ю. Шмидта — пусть выберет ту, которая ему больше понравится. Тут ждут войны, настроение в пользу Пруссии. — А ведь в прошлом году так усиленно склонялись в сторону Австрии!

Крепко жму вашу руку и прошу вас поклониться всем друзьям.

Ваш И. Тургенев.

Баден-Баден, Schillerstr. 7.—Вторник, 11 июня 1867 г.

Любезный друг,

ваше письмо пришло слишком поздно, и ответ мой не застал бы вас уже в Берлине.—Поэтому пишу в Париж — чтобы сказать вам — что в пятницу 14-го я еду туда же — и остановлюсь в Hotel Byron, Rue Lafitte.—Приходите туда в субботу к 8 $\frac{1}{2}$ часам утра — или же в 12 в русский ресторан на территории выставки.—Вручу вам тогда все требуемые рекомендации.

Итак, до скорого свидания.

Ваш И. Тургенев.

Баден-Баден, Schillerstr. 7.—8 августа 1867 г.

Дорогой друг,

вы должны твердо вбить себе в голову: в Бадене к вам питают самые теплые чувства — и если долго молчат, то это только доказательство нашей лени или чрезмерной деятельности.—На этот раз причиной является последнее: М-те В. написала музыку для двух (прелест-

ных!) опереток, а я составил текст — теперь мы принимаемся за третью. — Все это вы увидите и услышите — театр в моем новом доме, в котором я, конечно, не живу. — Если вы не приедете — за вами до Берлина будет следовать «tutti - проклятие» — но приезжайте — и мы прижмем вас к нашей общей груди. Жить вы будете, конечно, у меня.

Тут все благополучно; М-те В. здорова, клянется вам. — Диidi хорошеет с каждым днем — а друг Вернэ великолепен в роли паши Пигнуфа во второй пьесе — «Trop de femmes». — Désirée еще не приехала — ее ждут со дня на день.

Привет — и до скорого свидания!

Ваш И. Тургенев.

23

Баден, Schillerstr. 7. — 20 октября 1867 г.

Дорогой друг,

на этот раз посылаю вам только фотографии детей — вы хотели иметь их — послезавтра вы получите большое письмо, я многое расскажу вам.

Vale et me ama.

Ваш И. Тургенев.

Баден-Баден, Schillerstr. 7 — 26 октября 1867 г.

Дорогой друг,

я должен отвечать на два письма — для большей точности сделаю это по пунктам. Итак:

1) Прилагаемый снимок детей во весь рост в костюме эльфов устраниет все вопросы о покрое и т. д. Надеюсь, вы хорошо используете его.

2) Профиль Леснарда будет немедленно выслан.

3) Поручения ваши к Madame Виардо и к госпоже Анштетт я исполнил.

4) Согласно моему желанию, на почте послали повестку вслед за моим (потерянным) письмом. Но если вы получили деньги — даже не сполна — тем лучше!

5) „Rigasche Zeitung“ дает полный перевод „Дыма“, и, если судить по нескольким прочитанным мною фельетонам, перевод довольно удачен.

6) Вы на редкость возмутительный человек — что это еще за мысли о „презрении“ (!!!) к вашим вещам! — Если вы тотчас не пришлете мне все, напечатанное вами за последнее время, я буду думать, что вы кокетничаете и напраши-

1908

Лев Толстой
как Людоед

Тургенев в роли „Людоеда“

ваетесь на комплименты — и вообще никогда вам этого не прощу.

7) Итак, Абекен рассказывал вам о моей игре... Ну, тогда мне не зачем входить в подробности. Должен только сознаться, что когда я — в роли „паши“ — лежал на земле — и видел, как на неподвижных губах вашей надменной кронпринцессы медленно играло легкое отвращение холодной насмешки — что-то во мне дрогнуло! — Даже при моем слабом уважении к собственной персоне, мне представилось, что дело зашло уж слишком далеко. — При всем том — представления эти были милы и очаровательны!

Кланяюсь всем друзьям, начиная с Менцеля и Ю. Шмидта. Дружески жму руки вам и всем вашим.

Ваш И. Тургенев.

25

Баден-Баден, Schillerstr. 7. — 2 декабря 1867 г.

Милый друг,

я еще не поблагодарил вас за очаровательный подарок к 9-му ноября. — С великим удовольствием прочитал оба тома. — Многое в них было для меня новым и интересным, как например — вся статья о берлинских скульпторах и т. д. —

Стилистически вы колорист, суждение ваше тонко и метко — только, кажется мне — не всегда достаточно строго. Еще раз большое спасибо — посыпайте мне все, что только выйдет. — (Статьи из „Vossische Zeitung“ М-те Виардо, действительно, получила). В Тиргартене все благополучно; только со мной опять несчастье — Три недели тому назад я на охоте оступился — мое колено опухло и я должен сидеть неподвижно с вытянутой ногой — об охоте и думать нечего. Каждая зима приносит мне такой приятный подарок — es ist wirklich miserabel! как сказал как то принц Гессенский; — на охоте, на которую он нас пригласил, мы за все утро видели одного только зайца, да и то издали. — Я пытался работать... не идет. „Дым“ скоро выйдет в Париже у Гетцеля — вы получите, конечно, экземпляр, и Юлиан Шмидт тоже — кланяюсь ему, Менцелю, Бегасу и всем остальным друзьям. Я много читаю теперь в „Bilder Deutscher Vergangenheit“ Фрейтага. Там есть превосходные вещи — когда увидите его, поклонитесь ему.

Будьте здоровы и до свиданья в марте.

Ваш И. Тургенев.

P. S. Вы хорошо уловили „суповую“ улыбку Ди迪. Как она хорошеет!

Баден-Баден, Schillerstr. 7. — 14 января 1868 г.

Дорогой Пич,

спасибо за прекрасные снимки — даже Madame Анштетт — хотя и пруссофобка, но женщина нежная — дает волю своему сердцу, кланяется и благодарит. — Начало вашего письма грустно — но ведь уже Гете сказал — „и печальному явила красок звонкую игру“, — будем же надеяться на лучшее. То, что вы хотите писать доклады о балете — одна из капитальных мыслей мирового духа: дайте, бога ради, взлететь всем вашим Поль де-сен-Викторовским ракетам — „wage du zu irren und zu träumen“ — не отступайте ни перед каким бродом — углубляйте свой „sujet“ — и пришлите мне все! Тут все более или менее в порядке. — Мое колено отошло, и я был уже несколько раз на охоте. — Работать тоже понемногу начал. — В феврале еду в Париж и привезу несколько экземпляров „Fumée“ — и уж, конечно, и вы, и мой благодетель — Ю. Шмидт, получите по книжке. А propos — если уже вышло русское издание Штара — сделайте милость, пришлите мне экземпляр. Не забудьте об этом.

M-me Виардо действительно гениально переложила на музыку „Перед судом“ Гете! —

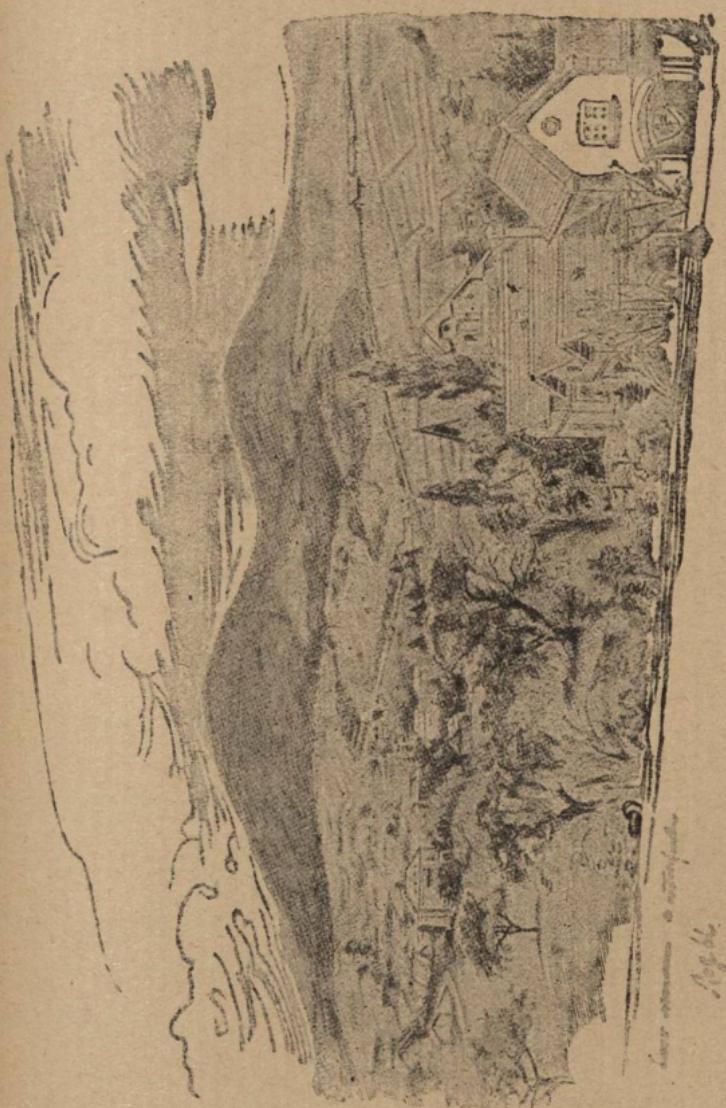
Публично это, конечно, никогда не будет исполнено — но друзьям суждено пережить высокое наслаждение. Чувствует она себя в общем довольно хорошо — только время от времени эта... (конец отсутствует).

27

Баден-Баден, Schillerstr. 7. — 11 марта 1868 г.

Милый друг,

третьего дня я послал вам два экземпляра „Fumée” — один для вас, другой для Ю. Шмидта — известите меня о получении — и ответьте мне, в Берлине ли — или где в другом месте — Ауэрбах, Пауль Гейзе и Г. Фрейтаг? Я хотел бы послать „Fumée” и им. — Если их нет в Берлине, не будете ли вы так любезны и не перешлете ли им экземпляры? Тогда я послал бы их вам. Здесь все, наконец, снова благополучно. Виардо на пути к решительному выздоровлению. М-те Виардо оправилась — одна только старая Берта еще больна, но это не важно. — „Веет в воздухе весна голубою легкой лентой”... и т. д. — Через пять, шесть дней еду в Париж (стало быть, у вас есть время ответить на мой вопрос) — но останусь там недолго — с 20-го апреля я буду

Вид из дома И. С. Тургенева в Баден-Бадене

жить в моем новом доме... à bon entendeur
salut!

Кланяюсь всем приятелям и крепко жму
руку вам.

И. Тургенев.

28

Баден-Баден, Schillerstr. 7.—19 марта 1868 г.

Любезный друг,

сегодняшней почтой вы получите три экземпляра „Fumée“ — для Гейзе, Ауэрбаха и Фрейтага. Имя написана в каждой книжке. — Слово „благодарность“ в экземпляре Гейзе относится к тому, что несколько лет тому назад он посвятил мне книгу и прислал мне ее в Россию. Когда увидите его, скажите ему об этом. — Ауэрбаху я должен был дать книгу, ведь он подарил мне все свои произведения — а дать ее Фрейтагу, хотя с ним лично я и не знаком, большое для меня удовольствие. — Извините за то, что взваливаю на вас это поручение.

У нас в общем все благополучно. Виардо выздоровел и мы работаем уже над третьей нашей оперой. В воскресенье еду на неделю в Париж. 15-го апреля я перееезжаю. — Chambre de Pietsch и теперь уже готова и ожидает своего обитателя.

Кланяюсь всем приятелям. — Будьте здоровы.

Ваш И. Тургенев.

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3. — 20 апреля 1868 г.

Любезный друг,

по вышеозначенному адресу вы видите, что я, наконец, переехал в новый дом — и чувствую себя здесь хорошо — только немного слишком грандиозно и „endimanché“. Но все это наладится. „La chambre de Pietsch“ готова и ждет своего обитателя. Мы усердно работаем над третьей оперой — позавчера была уже первая репетиция двух хоров. — Насколько можно уже судить, это новое произведение далеко превзойдет „Dernier sorcier“. — В душе нашего друга поистине открылся источник самых свежих, самых сладостных мелодий — и струится великолепно и свободно. Все это вы еще увидите — может быть, и сами должны будете выступать, как „немой гость“.

Тысяча поклонов всем добрым приятелям, Менцелю, Шмидту и пр. — (что делает Лессинг, он оставил здесь очень приятное воспоминание о себе). История литературы Шмидта мое излюбленное чтение.

Поклонитесь сердечно жене и семье — cordialiter жму вам руку.

Ваш И. Тургенев.

Баден, Tiergartenstr. 3. — 27 мая 1868 г.

Victoria! дорогой Пич!

Три дня тому назад состоялось представление новой оперетки „L'ogre“ — присутствовала королева прусская — успех блестящий.—Музыка прелестна, звучна, поэтична: это совсем не то, что „Krakamiche“: больше огня, больше разнообразия.—Аккомпанировал Эккерт; madame B. пела великолепно — все шло легко и гладко.—Во втором акте у нас „pas oriental“ — „réglé par M. Beauval, maître de ballet du Théâtre Grand Ducal“ — так стояло в программе — excusez du peu! Почему вас не было? Pends-toi, brave Crillon!

Самое позднее — через две недели — буду в Берлине и задержусь на два дня. То-то наболтаемся! — Я рад, что вам понравились Fumée и маленький мой чортик в Лейтенанте. — Гартмановский перевод Fumée в „Wochenblatt der allgemeinen Zeitung“ превосходен — но в Митаве вышло отдельное издание — я, к сожалению, разрешил его — это грандиознейшее, возмутительное по своей тупости свинство! — Все живое безжалостно вырвано — caput mortuum из общих мест. И эту свинскую книгу всюду рассылают, и некий господин Эккарт присыпает мне рецен-

зию на нее. Это способно вызвать рвоту — и собственно говоря, это совершенно не важно.
До скорого свидания!

Ваш верный И. Тургенев.

31

Берлин, понедельник, 17 июня 1868 г.

Любезный друг,

слишком уж я устал, чтоб поехать сегодня за город — да к тому же и не думаю, чтоб сегодняшний день был подходящим для этого. — В такие минуты новое лицо всегда мешает. Поклонитесь Менцелю и уверьте его в моем искреннем участии и почтении. — Поклонитесь кстати своей жене и детям — и как можно скорее приезжайте в Баден, где вас будут ждать с нетерпением.

Преданный вам И. Тургенев.

32

Баден-Баден, Tiergartenstr., 3.—15 сентября 1868 г.

Что поделываете, старый друг? Неужто так закрутил вас вихрь вашей берлинской деятель-

ности, что у вас не остается больше времени думать о Бадене? — Здесь часто произносят ваше имя. — Все тут понемногу подвигается. Должен вам сказать, что третьего дня я был в Карлсруэ и видел фрейлейн Аглаю в Гугенотах — и заявляю — что со времен Валентины М-те Виардо я не видел ничего подобного. Я был поражен пылом страсти (да, да!), трагической силой трактовки, благородством пения и каждого движения, проявленным ею особенно в четвертом действии. Шарлэ (?), бывший с нами, заявил, что на нынешней сцене нет ничего равного и что он повторит это *verbatim* в Атенее. По сравнению с таким явлением, Désirée может возбудить разве только улыбку, колеблющуюся между сожалением и насмешкой. — Здесь просто надо обнажить голову и поклониться — это я и сделал — тем охотнее, чем меньше ожидал. — Это настоящая артистка, играющая не одним только темпераментом или даже умом, но и нервами.

Поклонитесь всем приятелям — и попросите Шмидта отослать мне назад Ергунова, он очень мне нужен.

Будьте здоровы — присылайте отрывки из *Vossische Zeitung* — и другие.

Ваш И. Тургенев.

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3.—
Четверг, 8 октября 1868 г.

Кой чорт вас торопит, милый друг? Разрешите мне вас выругать! Чего ради вы прислали мне 45 талеров? Я великолепно мог еще очень долго ждать.—Они будут лежать в особом ящике, чтоб в случае надобности совершить обратное путешествие в Берлин.

В Бадене происходят великие события! И прежде всего: четыре дня тому назад умер господин Анштетт и третьего дня его похоронили — госпожа Мина Анштетт стала вдовицей и носит черные платья! Она очень ярко описала мне — как ее муж отдал богу душу — (здесь имело место самое изумительное подражание хрипу, стону, вытягиванию рук и ног) — и как звук пилы, проникавшей при вскрытии в череп Анштетта — пронизал ее до мозга костей и т. д. Теперь она конечно думает о том, чтобы защищать свое завещание — т.-е. завещание своего мужа, и я, тоже конечно, буду ее поддерживать как помощник и Chevalier d'honneur — даже перед судом. Но какие звукоподражания! — Не был забыт даже скрип кровати под агонизирующим супру-

Désirée Artôt.

гом — указано было даже на то обстоятельство, что там, где доктора искали воду, они нашли сало! — Слова сало выскочило из ее рта, как ружейный выстрел: Ss-pe-ckhh! Но все это — между нами — не правда ли?

Другое великое событие присутствие Ауэрбаха в Бадене! Я должен был перевести ему мое предисловие — и выслушать его остроумные и глубокие замечания — оно появится в печати! (Я ведь просто скопировал немецкий оригинал). Там были такие замечания: „Вот видите, это вы у меня глубоко почувствовали — и это могли только вы!“ — Я сидел с глупым видом и только думал: О если б ты знал!! Но и об этом silentium!

В общем здесь все благополучно. — Либретто новой оперетты почти установлено — один хор уже написан. Часто ходим на охоту с Виардом — моя подагра исчезла. Здесь прусские король и королева — они очень любезны. М-те Виардо божественно спела на утреннике сцену из Алкесты.

Шлю поклоны вашим родным и друзьям.
Крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев.

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3.—Четверг, 29 октября 1868 г.

Милый друг,

вот ответы на ваши вопросы:

1) 17-го октября у нас было такое же представление, как 17-го октября прошлого года — и та же публика: король и королева прусские, кронпринц и кронпринцесса, великий герцог и великая герцогиня баденские и т. д.

2) Состоялся спектакль в моем доме—театр— с обычной баденской поспешностью — будет готов только весной.

3) Поль не написал рецензии на спектакль— так как еще раньше королева при случае намекнула ему — через камергера — что он не разглашал о ее пребывании в Бадене.

4) Имя Ди迪 по пьесе Наина; Марианну зовут Грациэллой.— Аглай была очень красива и пела очень хорошо — успех колоссальный!

5) Не могу послать вам либретто — послезавтра мы даем наипоследнейшее представление — а другого списка нет.

6) На следующей неделе госпожа Виардо переселяется с семьей в Карлсруэ: я поеду туда только 20-го ноября, сперва побываю в Париже.

7) Вопрос о фрейлейн Буссе разрешается просто. Девушка — как это часто случается — раз-

вилась внезапно, делает огромные успехи — и обладая притом одним из прекраснейших голосов, какие вообще существуют — стала любимицей утренников. — Она так исполняет песню Фески с высоким As в конце — что ее нужно слушать, преклонив колена.

Предисловие к Ауэрбаху должно теперь появиться в „Allgemeine Augsburger“. Он очень им доволен и постоянно цитирует места из него. Преподнес мне даже статуэтку своей босоножки (Кауэра — entre nous soit dit, очень плохую). „Mein Liebchen (т. е. вы), was willst du mehr“? — Боюсь только ужасно, как бы дело не обнаружилось. — Но тогда я буду опровергать это с полным хладнокровием! — Заранее говорю вам это.

Статья Ю. Шмидта обо мне — конечно, лучшее, что вообще было сказано о моем ничтожестве — я очень ему благодарен.

Здесь все благополучно. — Королева подарила М-те Виардо очень красивый браслет, а г-ну Виардо великолепную вазу — она в восторге от Ди迪 — Абекен сравнивает всю ее фигурку с Сакунталой.

Работайте прилежно — и в том направлении, в котором можно заработать побольше денег — и будьте здоровы. Клянясь всем

Ваш И. Тургенев.

Карлсруэ, Hotel v. Erbprinz.—
Вторник, 1 декабря 1868 г.

Милый друг,

бесконечно благодарен вам за действительно прелестную фотографию.—Она будет вставлена в раму и станет отныне украшением моей комнаты.

Да, друг мой, мне минуло 50 лет — или, как вы мягко выражаетесь — я прожил первую половину моего века; надеюсь, однако, не увидеть и конца следующей — ближайшей — четверти. — Впрочем, я точно знаю год моей смерти: 1881.— Мне предсказала его моя мать — во сне — те же цифры, что и в году рождения — 1818 — только переставленные — так и знайте: я наверное умру в 1881 году — если только это не случится раньше — или позже. Но 50 скверное число! — Приходится покориться.

Madame B. заняла очень красивую квартиру — Lange Strasse 235 — с большим салоном, в котором музыка звучит великолепно. Она уже пела раз на вечере у приятеля Поля — арии Шуберта и Шумана (особенно одну — „Тоску“ — это надо слышать!). Там был Лессинг — он похож на австрийского отставного майора. — Такая суро-

вая, грубоватая, прямая фигура — и такой вялый — дряблый, не сочный талант! Был там художник — фон Бреннер — он много говорил о Рифстале и других берлинских художниках — но сам он, кажется, довольно поверхностный и не совсем искренний *hurluberlu*. Знаете вы его? — Вольтмана я еще не встречал — приму его, понятно, с распластертыми объятиями — как и Рифстала. — Диidi усердно работает; ко дню моего рождения она приготовила мне „Снятие с креста“ — настоящее чудо! У ребенка в голове больше воображения, чем у 10 Лессингов! В остальном — все обстоит благополучно; но бедный Виардо очень стареет. К счастью, Берта осталась в Бадене!

Я все-таки переведу мою мрачную и безобразную повесть; в Петербурге она друзьям понравилась.

Сердечно радуюсь вашим веймарским успехам: — смотрите — вы еще получите дворянство и белого сокола первого класса!

Меня огорчили печальные известия о здоровье вашей супруги; будем надеяться, что дело пойдет на лад!

В декабре у вас будет гастролировать Аглай — она ведь живет теперь в Берлине — если поставят Гугенотов, непременно пойдите!

Пишите мне сюда *poste restante* и поклонитесь всем добрым приятелям — Менцелю, особенно

Юл. Шмидту и его жене, Эккертам — (надеюсь, вы часто их видите — хотя и не упоминаете о них) — Бегасу и прочим.

Еще раз благодарю вас и дружески жму вам руку.

Ваш И. Тургенев.

36

Карлсруэ, Hotel Prinz Max. —

Вторник, 5 января 1869 г.

Милый друг,

прилагаю 50 гульденов — если не ошибаюсь — это и есть отложенная в ящике сумма — надо было обозначить ее в вашем письме. — Если было больше, напишите.

Здесь все более или менее сносно. Сегодня состоится первый музыкальный вечер у М-те В. Диди делает большие успехи и полюбила своего учителя. — Ежедневно она работает 2, 3 часа в ателье.

Что касается меня, то я, к сожалению, работаю очень мало — да уж как нибудь дело наладится!

Имя русского, который хвалил мою работу — вероятно, Кавелин — потому что Анненков в Петербурге, а Ханыков в Самарканде, где он играет торжественную роль, как губернатор и преемник Тамерлана. — У него толстое лицо и он малоподвижен, так что в восточном ве-

личии недостатка, верно, нет. — Рассказ мой появится все-таки в „Русском Вестнике“; но он мало меня интересует — ведь М-те В. нашла, что это самое безобразное из всего, мною написанного.

Будете ли вы так добры сравнить и поправить доставленный мне — по моему, весьма деревянный — перевод „Ергунова“ — если я пошлю вам его вместе с французским текстом? — Особенного труда вам на это, понятно, тратить не стоит.

Беседа с Ауэрбахом ярко юмористична. Угрызений совести я не чувствовал: я ведь, как вы знаете, очень безнравственен.

Кланяюсь всем добрым друзьям... Страшно хотел бы видеть портрет Менцеля! — Не забывайте моего доброго Ю. Шмидта.

Ваш И. Тургенев.

37

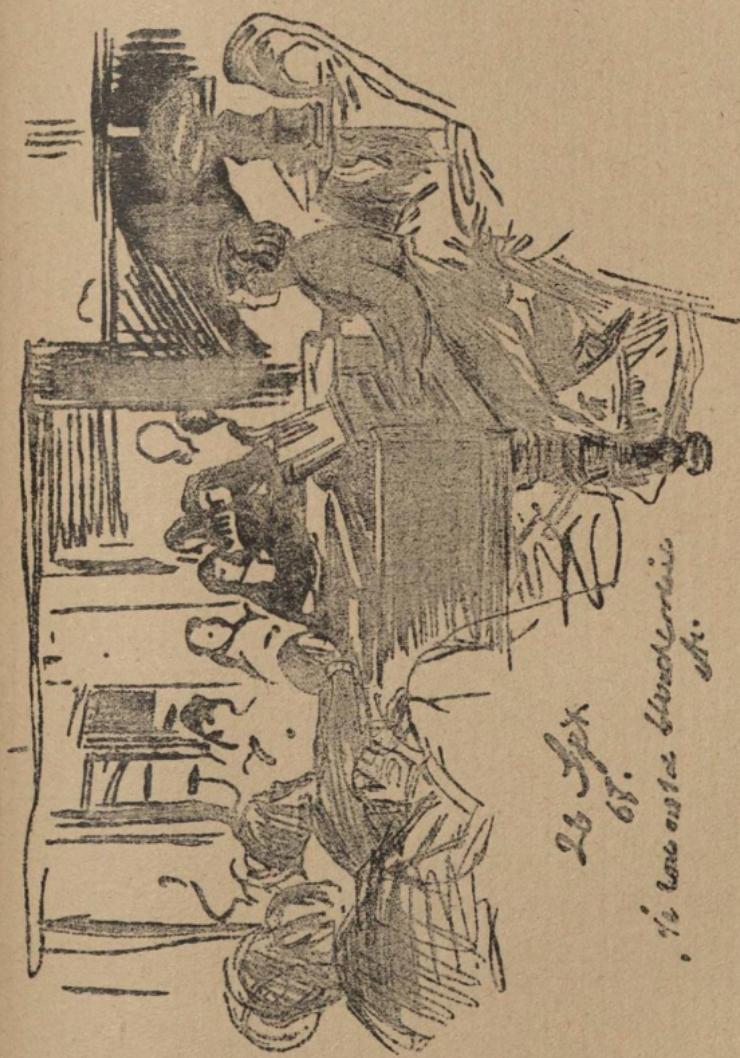
Карлсруэ, Hotel Prinz Max. —
Пятница, 15 января 1869 г.

Милый друг,

... затем следует длинная история, которую по возможности сокращу.

В городе Риге имеется смешной издатель, во что бы то ни стало желающий издать мои

„Избранные сочинения“. — Он предполагал начать с „Отцов и детей“ и обратился по этому поводу ко мне. Я рекомендую ему перевод этого романа, вышедший в Штутгарте и знакомый мне только по наслышке, как весьма удачный. Он покупает этот перевод — и посыпает его мне в виде печатного экземпляра для просмотра — с просьбой переслать его затем в типографию в Рудольштадт. — Я принимаюсь за пересмотр — и нахожу, что перевод (с французского, конечно) весьма неудовлетворителен. — Мучаюсь на протяжении дюжины глав — но продолжать не могу — слишком слаб в немецкой стилистике. — Поймите мое положение! И главное — я сам перевод рекомендовал! Не в силах терпеть дольше — признаюсь — „теба судят“ добродетельному, бескорыстному (потому что какой же барыш может это ему принести?!) издателю — и предлагаю ему переслать экземпляр вам, дражайший, для просмотра. — Он, вероятно, согласится — и вот вам мельничный жернов на шею. Но не стану расписывать эту историю черезчур мрачными красками: я уверен, что при той молниеносной быстроте работы, какой вас милостиво одарило небо — вы справитесь с этим в 2 дня: все дело в том, чтобы сличить этот перевод с французским — (превосходным) — но „этого я не могу“, как поет Шуман. Если рижский издатель — (идеал этот именуется К. Берс)

26 Фрк

бг.

1/2 час оно из блоковъ
ши.

Музыкальное утро в доме Виардо

обратится к вам — назначьте ему свои условия — потому что gratis pro Deo — или pour le Roi de Prusse — вы этого делать не должны. — Платить буду, конечно, я — ведь я виновный — издатель только последовал моему совету.

Отвечайте немногими, но содержательными словами — и заранее примите мою благодарность — (Вы можете и отказаться — если вы перегружены. — О Боже! Боже! — зачем меня хотят переводить! Ведь я им ничего дурного не сделал!)

Дружески жму вам руку. — Кланяюсь всем.

Ваш И. Тургенев.

38

Карлсруэ, Hotel Prinz Max. —
Среда, 3 февраля 1869 г.

Любезный друг,

ваше письмо вызвало в моей груди смешанное чувство сожаления, благодарности и поклонения! Без шуток! — человек, занятой, как вы, которому время так дорого — и эта кропотливая, треплющая нервы работа по исправлению! Это громадное доказательство дружбы! — Чтобы хоть отчасти отблагодарить вас, посылаю вам недавно сделанную здесь фотографию Ди и Ска-

жите сами, можно ли найти лицо милее и очаровательнее? Покажите Менцелю—его это очень порадует.

Что касается перевода — то вам дается, понятно, полная *carte blanche!* Если хотите, можете женить Базарова на Одинцовой; я не буду протестовать! Напротив!

У Базарова есть привычка выражаться презрительно: свое старое пальто он называет — *une loque* — *ein Fetzen* — употребите какое хотите слово.

Не можете ли вы мне послать статью из „*Breslauer Zeitung*“? Сделайте это: нас всех это бы очень позабавило.

Передайте мой дружеский поклон фрейлейн Райар (?) если увидите ее.

Будьте здоровы — и не пеняйте на меня за неожиданный груз, свалившийся на ваши плечи!

Кланяюсь всем друзьям

Ваш И. Тургенев.

39

Карлсруэ, Hotel Prinz Max. —
Четверг, 12 февраля 1869 г.

Любезный Пич!

Сегодня (за недостатком времени) пишу лапидарным стилем.

1) Вы получаете дюжину снимков (они уже заказаны); воспроизведена и прилагаемая фотография.

2) М-те Виардо уехала вчера в Веймар: там 8-го апреля хотят ставить Dernier Sorcier — в инструментовке Листа... (Silentium об этом).

3) Я написал ей сегодня обо всем, что вы мне сообщаете.

4) Что касается перевода, то вы колосс, и я смиренно ползаю у ваших ног.

5) Будьте здоровы и поклонитесь всем приятелям!

И. Тургенев.

40

Карлсруэ, Hotel Prinz Max. —
Среда, 24 февраля 1869 г.

Дорогой друг,

точно и добросовестно отвечаю на ваше письмо. Итак:

1) Оперетку нашу ставят 8-го апреля. — Но М-те Виардо не останется до тех пор в Веймаре — сегодня она вернулась, устроив все необходимое в 12-дневный срок. — Великий герцог, Лист, Лассен и Директор проявили необычайную любезность и услужливость.

2) Салону я (к сожалению!) обещал, правда, маленький рассказ — *inédit*; моя трусость и податливость, как вы знаете, безграничны — но я не написал и первого слова. — Один бог знает, когда это будет!

3) По терпению и добродушию вы колосс! — Я давно уже отправил бы ко всем чертям „Неистового“! — С предисловием дело обстоит так. — Я обещал ему несколько строк, в которых я должен был сказать о переводе. Вы найдете эти строки — „*si-joints*“; придайте им более немецкий вид и отправьте их с богом в Рудольштадт!

4) Я хотел взять все расходы на себя, потому что ведь это я по глупости рекомендовал Неистовому этот позорный перевод, и он его, быть может, оплатил и теперь имеет, конечно, право отказаться от дальнейших затрат. Но если он этого не сделает — и все таки запросит вас об условиях — то выставьте их; если же теперь уже поздно, то заплачу, конечно, я — хотя вы и отличный, лояльный подданный, но „pour le Roi de Prusse“ вы работать не должны. — Итак: либо Неистовый, либо я!! Вы можете успокоить свою совесть тем, что сам я ничего с него не требую. — Но заплатят вам во что бы то ни стало, хоть бы земля провалилась!

5) Четыре „volumes“ для Юлиана Шмидта я уже получил из Парижа. — Недостает еще двух; как только прибудут, перешлю все в Берлин.

6) Почему вы так мало сообщаете подробностей о речи Вирхова и о поводе, вызвавшем ее? Как, где, почему и что? — Я все должен

Мария Бурд, ученица Полины Виардо

знать. — Ведь это страшно интересно! — Нельзя ли достать речь?

Чувствую я себя хорошо, и вот уж неделя, как стал меньше лениться. — Но работа не из приятных: обрывки литературных воспоминаний, в недобрый час обещанные моему издателю! — Как только я отхожу в своей работе от образов, я совершенно теряюсь и не знаю, с чего начать. Мне все кажется, что можно с полным правом утверждать обратное тому, что я говорю. Когда же я описываю красный нос или светлые волосы — то волосы, действительно светлы, а нос красен — и этого никак не опровергнешь! Но что поделаешь! „Der Bien muss“.

Кланяюсь всем добрым друзьям. Будьте здоровы и веселы!

Ваш И. Тургенев.

P. S. К 8-му апреля буду в Веймаре; тогда, верно, увидимся — там или в Берлине.

41

Карлсруэ, Hotel Prinz Max.—
Воскресенье, 7 марта 1869 г.

„La illah il allah, Mohammed rezul allah!“ — Наконец то вы сбросили с плеч это бремя, любезнейший друг — от души поздравляю вас!

Неистовый должен заплатить по крайней мере по 2 талера с листа — если он этого не сделает, мы прервем с ним всякие отношения... но он заплатит!

Отсутствие ваше 8-го апреля для нас очень чувствительно — но я был бы слишком большим эгоистом, если бы не выразил вам своей радости по поводу этого неожиданного и интересного путешествия! Итак — если все остальное в порядке — посылаю вам мое благословение и наилучшие пожелания!

Как могли вы подумать, что я напишу рассказ на другом языке, кроме моего — русского? Пошлю его Роденбергу, он позаботится о переводе. Но когда пошлю? Может быть, вы это знаете? Я — нет.

Здесь все хорошо. Клавдия делает огромные успехи. Госпожа Виардо в хорошем настроении и много работает. Я мучаюсь над моими „Воспоминаниями“; но они совершенно не годятся для не-русской публики.

Пишу сегодня ужасно — почти так же неразборчиво, как вы: руки невыносимо мерзнут.

Кланяюсь всем приятелям. Жму вам руку так крепко, как только могу застывшими пальцами.

Ваш И. Тургенев.

Карлсруэ. Hotel Prinz Max.
Воскресенье, 14 марта 1869 г.

Pietschius amabilis, grandiflorus semper virens—(как это называется в ботанике)—вот вам—с обезьяней быстротой—ответ на ваше письмо.

1) 30-го этого месяца М-те Виардо приезжает в Веймар — я буду там 4-го апреля; вы пишете, что уезжаете „(?)” апреля. Но что означает этот странный не арабский и не римский знак? — Будем надеяться, что обозначенный таким образом день придется достаточно поздно на апрель — и entrevue будет возможна.

2) Недоразумение с фотографией я вашими собственными словами— „ipsissimis verbis” — разъяснил М-те Виардо — и теперь оно устранено.

3) „Неистовый” обладает, повидимому, не столько познаниями, сколько страстью к литературе (болезнь, которую в издателе надо поддерживать). — „Ергунов” появился по-русски в русском журнале на целый год раньше, чем в Revue des Deux Mondes. Повторяю: я никогда не написал ни одного печатного слова на другом языке.

Завтра отправляюсь в Баден — и пошлю вам французский текст „Ергунова”. — За одно напишу Неистовому, чтобы выбрал для второго

томика не мою новую повесть, а Рудина или Анчар — и перевод поручил, конечно, вам. — Сначала, однако, обождем, чтоб выяснился вопрос о 50 талерах.

4) Насколько я знаю, перевести „sentiment factice“ иначе нельзя. — По-русски здесь стоит эпитет, дословно означающий „чувство, которому человек, неизвестно как и почему, позволил овладеть собой“. — Все это заключается в одном единственном словечке: „напускной“. Но потому-то мы и варвары!

Кланяюсь вашей жене и всем приятелям. — Жму вам руку.

Ваш И. Тургенев.

43

Карлсруэ, Hotel Prinz Max.—
Вторник, 16 марта 1869 г.

Любезный Пич!

Неистовый бушует и требует переводов. Несчастный думает уже о 2-ой части! — посему посылаю вам французского „Ергунова“. — Не потеряйте только экземпляр — другого у меня нет.

Желаю вам терпения и здоровья — и до свидания!

И. Тургенев.

Карлсруэ, Hotel Prinz Max.—
Суббота, 20 марта 1869 г.

Любезный Пич!

Внезапное молчание Неистового наводит на размышления! Советую следующее: запросите его от моего имени, купил ли он штутгартский текст перевода? В этом случае должен платить я, рекомендовавший ему этот текст (!!), и, конечно, заплачу.

Вы не поняли меня: это слово — „напускной” — не значит: то, что случилось с нами помимо нашей воли — (как холера или чтонибудь подобное) — а то, что охватывает нас по нашей воле, но без причины — таким образом слово — *factice* или *gemacht* — все-таки самое подходящее.

С нетерпением жду „Septemberabend”.

Госпожа Анштетт вкушает свою свободу, как состоятельная и независимая вдова; совершает прогулки за-город и вообще в чудном настроении.

Итак, вы уезжаете 8-го апреля? — Это фатально! Я должен видеть вас до отъезда.

Вам дружески кланяется

Ваш И. Тургенев.

P. S. Только хотел запечатывать письмо, как мне принесли „Septemberabend“. — Все, что могу сказать, это — О! О! О! но не в смысле леди Макбет. Сегодня вечером прочтем его collegialiter.

45

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3.—
Вторник, 1 июня 1869 г.

Любезный Пич,

вчера отправил почтой по вашему адресу три экземпляра моих только что вышедших „Nouvelles Moscovites“ — один для вас, другой для Шмидта, третий для Фрейтага. Для вас там, собственно, нет ничего нового: но вы должны иметь все мои вещи.

Только что прочитал последний корректурный лист „Ергунова“ — все превосходно — нашел только три ошибки. Une cuiller en vermeil — не значит: hochroter Löffel — но серебряная и ползолоченная..., — soldats chevronnés — не значит: närrische Soldaten, но солдаты с золотыми треугольниками на рукавах — как их носят унтер-офицеры, выслужившиеся солдаты; il n'y a pas que les méchants qui tuent — не значит: nur die Bösen töten — но: не только злые убивают. — Все это

я исправил и сообщаю вам только „pour votre gouverne“.

Мы работаем уже над новой оперой для здешнего театра: в конце этого месяца, может быть, дано будет первое представление — если все пойдет хорошо.

Погода — собачья. Здоровье — хорошее.

Вот уже несколько дней, как имеем Vossische: — но писем с дороги нет! Посылайте их — если возможно.

Дружески кланяюсь всем приятелям и вам

Ваш И. Тургенев.

46

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3.—
Четверг, 8-го июня 1869 г.

Любезный Пич,

хочу возвыситься до уровня 19-го века — и «misérablement» клянчить рекламы. Уделите мне ваше благосклонное внимание!

Вы пишете мне, что хотите дать отзыв об „Отцах и детях“, прекрасно! — Дайте отзыв сдержанный и строгий — но выражите в нем ваше недоумение и удивление по поводу того, что молодое русское поколение истолковало образ Базарова, как обидную карикатуру, как памфлет

и клевету. Больше того, укажите на то, что я задумал молодца даже черезчур героически идеализированным (так оно и есть) — и что у русской молодежи слишком уж повышенная чувствительность. — Ведь вы не знаете, какой грязью и гадостью меня из-за Базарова забросали — (и продолжают забрасывать) — сколько оскорблений и ругательств пало на мою бедную голову, преданную за это всем духам ада (лучшее из того, что обо мне говорилось, это — Видок, подкупленный Иуда, дурак, осел, гадина, плевательница). Вот почему для меня было бы удовлетворением показать, что другие нации смотрят на это иначе. — Я решаюсь просить вас о такой рекламе, потому что она соответствует строгой истине и, конечно, не противоречит вашему убеждению. В противном случае я не стал бы вас беспокоить. Если вы исполните мою просьбу, то сделайте это поскорее — чтоб перевод наиболее важных мест я мог напечатать, как приложение к моим литературным воспоминаниям, которые скоро должны выйти.

Dixi et animam meam salvavi! Со вчерашнего дня госпожа Виардо в постели; она простудилась — но слава Богу — ничего опасного.

Дружески кланяюсь всем друзьям и будьте здоровы.

Ваш И. Тургенев.

P. S. A „Feuilletons“?

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3.—
Понедельник, 21 июня 1869 г.

Милый друг,

Много вам благодарен за быстрое исполнение моей просьбы: статья в „Vossische Zeitung“ в тысячу раз лучше, чем требуется — нужное место я уже использовал.—Штанговские „Feuilletons“ мы прочитали с большим удовольствием; хотелось бы большей сжатости, mais vous n'avez pas eu le temps d'être plus bref. Вчера, после долгого перерыва, состоялся, наконец, в первый раз утренник. Была королева, спрашивала о вас и о ваших фельетонах; она желает прочитать их, но вы должны прислать продолжение: во первых, если в кабинете для чтения теперь и имеется „Vossische Zeitung“, брать ее на-дом все же не разрешается, и во вторых, она так испачкана и пропитана запахом человеческих рук, что если бы даже и можно было ее получить, то оскорбить ею королевский нос никто бы не решился.—Итак, поскорее продолжение— и упивайтесь мыслью, что вас будет читать королева Августа!!

Когда приедете сюда? — Мы работали над опереткой — первое представление вряд

ли состоится до 5-го августа: можно даже точно назначить его на 10-ое августа. Стало быть à bon entendeur salut!

Поклонитесь всем приятелям и семье.—Корректуры 2-го томика закончены: Неистовый говорит уже о 3-м, даже о 4-м!!! Вот замечательный субъект! Не испытывайте угрызений совести из-за микроскопических ошибок в Ергунове; да они ведь уже и упразднены.

Итак, до свидания!

Ваш И. Тургенев.

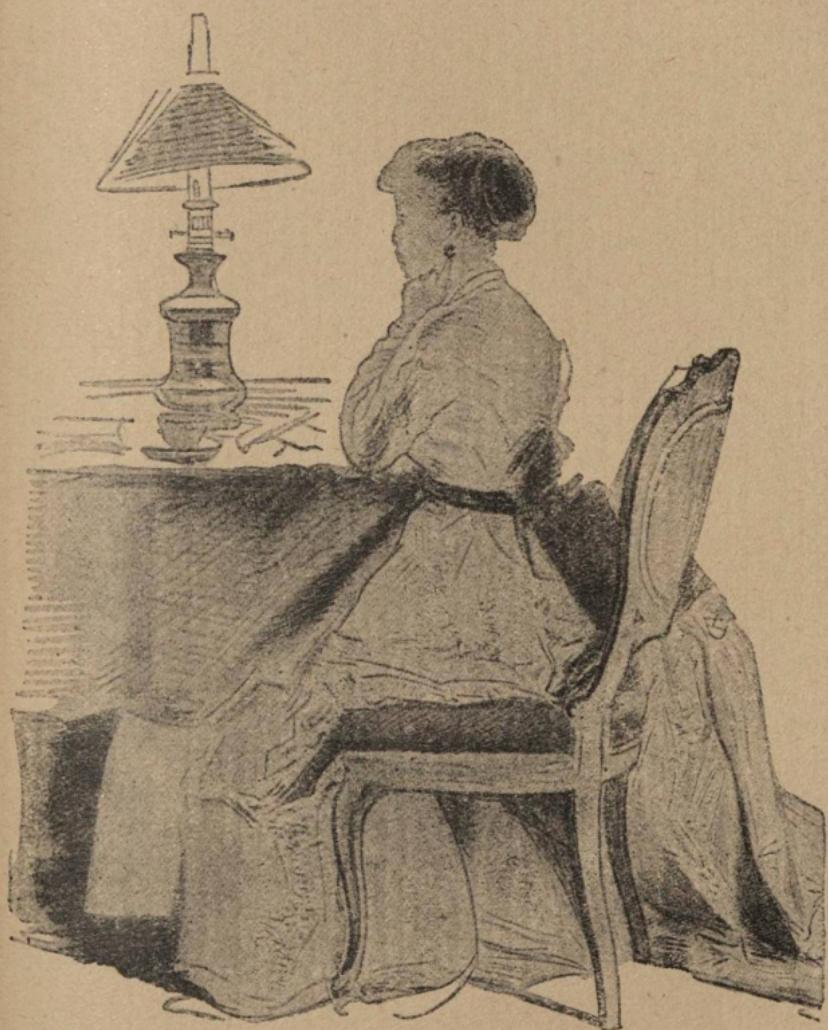
48

Веймар. Воскресенье, 26 декабря (1869 г.). Hotel de Russie.

Дорогая госпожа Пич,

Завтра утром я буду в Берлине; — если наш восточный пилигрим, вечно юный Людвиг Пич, уже вернулся, скажите ему, что для меня будет большой радостью позавтракать с ним завтра по обыкновению в 11 часов в Hôtel de Petersbourg. Во всяком случае, до скорого свидания!

Преданный вам И. Тургенев.

19th 68,
7th 86 Baden-Baden
Désirée Artot

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3.—
Среда, 5 января 1870 г.

Дорогая госпожа Пич,

Только что получил я от вашего супруга длинное и интересное письмо от 15 дек.—помеченнное: 130 миль южнее Каира—и затем: Луксор. Он собирался обратно и думал, как сам он говорит: „по возможности скорее и без задержки поспешить за море в Бриндизи и перелететь через Италию на давно желанную родину”.

Знаю, что вы ожидали его в канун нового года: приехал ли он действительно в этот день или же несколько запоздал—и находится ли в настоящее время в Берлине? Если последнее верно, скажите ему, чтоб он написал мне несколько строк; если нет, напишите вы.—Надеюсь, однако, что теперь он уже в лоне своей семьи—и я могу приветствовать вас с возвращением мужа, его же—со всеми восхитительными наслаждениями, о которых он пишет, и с теперешним его благополучием.

Я прибыл сюда здрав и невредим—и нашел семейство Виардо в наилучшем состоянии. Вы не забыли о своем обещании посетить Баден? За сим жму вам всем руки и остаюсь
преданный вам И. Тургенев.

Веймар, Hotel de Russie.—
Четверг, 17 февраля 1870 г.

Милый друг,

вот вам полная правда об „истории в Карлсруэ“, как вы ее называете. — Незначительность успеха нашей оперетки (потому что это вовсе не было „Fiasko“, свиста я никакого не слышал—только никого не вызывали и мало аплодировали) была вызвана — говоря новым бисмарковским языком—следующими факторами: враждебность старого Девриена, о директорстве которого М-те Виардо и я отзывались совершенно определенно—чувство зависти со стороны остального театрального персонала, особенно Гаузера, как учителя пения—недовольство тем, что М-те Виардо всю последнюю зиму держалась вдали от них, ревность к проявлениям милостивого отношения двора, привычка к оппозиции против великого герцога, который, собственно, и провел все дело—и особенно презрение к иностранцам и их претензиям—вот главные причины „истории в Карлсруэ“, как вы ее называете. К счастью, вся настоящая ярость обратилась против моего несчастного либретто — „Badische Zeitung“ уверждала даже, что о музыке можно сказать много хорошего, но что текст —

подлинное свинство.—В „Badischer Beobachter“ меня прямо таки заклеймили, „марашим чушь варваром“. Прибавьте к этому сплетни маленького, жадного до денег, городка: распространяли слух, что госпожа Виардо получает за каждый вечер 400 гульденов—я 200, а Рихард Поль—ваш друг—100! Подумайте, какое негодование!!! Один любящий искусство офицер кричал на улице: „за такие большие деньги можно было выписать самого лучшего тенора(?)—и, право, не стоило совать в голодную пасть писаки, позорно выброшенного из собственной страны и литературы, такие большие суммы, несомненно, во много раз превышающие весь его годовой гонорар“... Дословно.—Да, милый мой друг, в Бадене я стою теперь на той же ступени, что и у себя на родине.—Я, конечно, не должен говорить вам, что мы не потребовали и не получили ни одного крейцера.—Но повторяю: главный удар пал, к счастью, на меня: а я многое могу вынести.

Мы очень сожалеем, что вы не можете приехать сюда—о поездке в Берлин не могу еще сказать ничего определенного: через десять дней—(в воскресенье)—ставят „Орфея“. А к тому же все мы еще так постыдно замерзли,—что не можем думать ни о чем, кроме отогревания наших тел—NB. Со смягчением температуры холод в комнатах значительно увеличился.

Клавдия нашла учителя в лице художника Верлата.

Поклонитесь берлинским приятелям и сохраните ваше расположение к „Марающему чушь варвару“.

И. Тургенев.

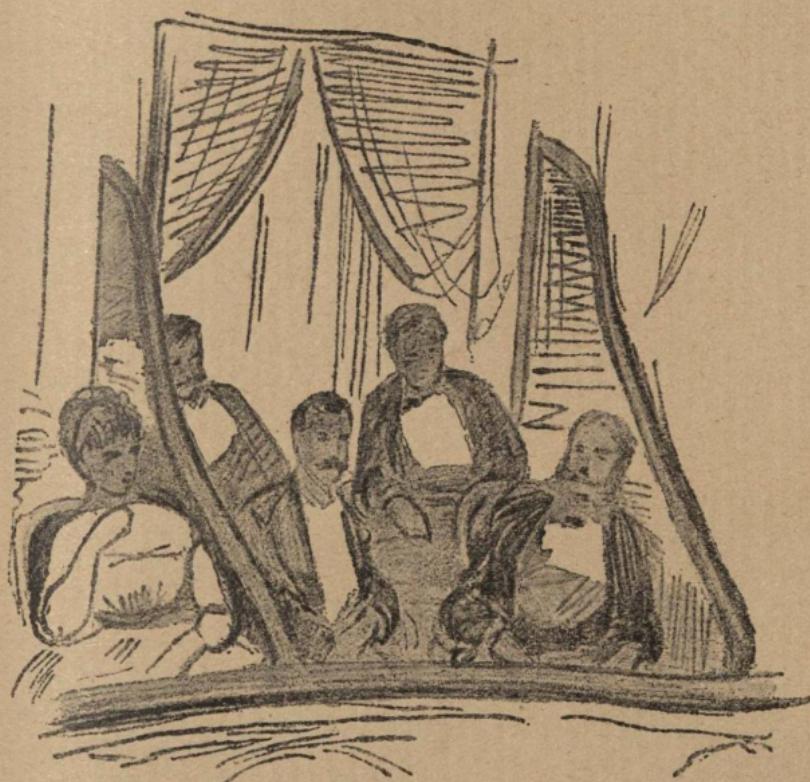
P. S. Если увидите Ауэрбаха, скажите ему, что просьбу его я исполнил и послал мой автограф (!!! *risum teneatis, amici!*) господину Левальду.

51

Веймар, Hotel de Russie.—
Воскресенье, 17 февраля 1870 г.

Любезный Пич,

вся семья уже в течение нескольких дней здесь — и мерзнет! Отчаянно мерзнет! Холод лютый — дома в Веймаре выстроены из старого картона и скрупо залеплены старой слюной. В моей комнате, несмотря на бешеную непрерывную топку, я не могу добиться больше 7°! Ночью вода в стаканах замерзает, и просыпаюсь я с оледенелой бородой. Единственная мысль — огонь, огонь, тепло! Все бегают с дровами и углем — руки грязны и шершавы, носы красны и влажны — у всех насморк, кашель, все

К. // С. Р.
С. В.
Бауман

На представлении „Лоэнгрина“ в Баден-Бадене

говорят хриплыми, низкими басами — намотали на себя все, что имеют — смотрят друг на друга тупыми, остекленелыми глазами. Даже мысль о том, что живешь в том самом городе, где творили два благородных поэта, потеряла всякую ценность и не производит на душу ни малейшего впечатления! Больше того, склоняешься к предположению, что два этих тучных бронзовых господина перед театром только усиливают холод своим металлическим составом и в сердце прокрадывается тайная злоба! Лишняя причина — не прощать Гёте его переселения в Веймар! — Ни о какой работе, конечно, и думать нечего! — Моя *pia mater* замерзла и та искра воображения, которая еще тлела слабо, — пшттт! погасла на веки с хрипло-сиплым треском. — На моем Олимпе царят теперь только Юпитер-кашель, Юнона-ангина, Аполлон-насморк и Венера-бронхит! Амур — маленький белый медвеженок — и кувыркается в снегу! „*Horrible, horrible, mort horrible!*“ — Еще могу вам только сказать, что все семейство сердечно вам кланяется. — Конечно, я тоже. Вот идея: если бы вы приехали в Веймар, то может быть, согласно гомеопатическому принципу: *similia similibus*, холод убрался бы во свояси, потому что вы ведь воплощенный насморк! Во всяком случае, мы собрали бы те остатки жизненной теплоты, которые в нас еще есть, чтобы приветствовать

vas. Сейчас кашляет даже маленькая собачка, Мими!...

Иди, полузамерзшее письмо, из холодной дыры Веймара в еще более холодную—но большую—дыру Берлин—и дай хотя бы слабое представление о наших муках!—Едва соображая, кланяясь еще всем вашим, Менцелю, Шмидту, Эккертом, Ауэрб... Но здесь я оседаю, как ледяная глыба.—Adje!

Ваш И. Тургенев.

P. S. Один Дом не мерзнет! При 25 градусах холода, он берет свою тросточку,—гуляет—и потеет!

P. S. S. С того момента, как я сел за это письмо, у меня появилась стреляющая боль в пояснице!

P. S. S. S. Не вскрывайте письма в слишком теплой комнате—оно немедленно растает!!!

52

Веймар, Hotel de Russie.—
Суббота, 26 февраля 1870 г.

Pietschissimo carissimo,

у меня к вам просьба. Дело в том, что я послал господину Отто Левальду, присяжному поверенному (Wilhelmstrasse 82) автограф (!?!?), в котором я процитировал три гетеевских стиха

и сделал две ошибки! Мне это неприятно—ведь могут подумать, что я не тверд в Гете. Я написал: „Greift nur hinaus (вместо hinein) ins volle и т. д.“ — и nicht jedem (вместо: nicht vielem). Коленопреклоненно молю вас, пойдите вы к этому присяжному поверенному, вручите ему при сем приложенный автограф (!?!!) и отнимите тот—я присовокупил бы —wischen Sie sich damit den Podex, если б бумага не была такой твердой.

Пока в Веймаре живется недурно (у меня уже теплая комната). — Все очень любезны и предупредительны — (не говоря уж о театре). — Надеюсь, вашим мрачным предчувствиям не суждено осуществиться.

Поклонитесь всем приятелям, жму вам руку и желаю всего лучшего.

Ваш И. Тургенев.

P. S. „Орфея“ дают в воскресенье, через неделю; 3-го марта госпожа Виардо поет в концерте в Иене.

53

Веймар, Hotel de Russie. —
16 апреля 1870 г., суббота.

Милый друг,

Неистовый снова ярится! Теперь он хочет выпустить 4-ый томик, с „Накануне“ — и пишет

мне, что через две недели рукопись пойдет в типографию. Рукопись я прочел — и по мере сил исправил больше 300 ошибок. — Но держать корректуру я не имею возможности — уезжаю в начале мая — а вернусь лишь в конце июля. Хотите взять это на себя? (За деньги, конечно!) Можете вы это сделать? — Возможно, что вы снова предпринимаете какую-нибудь штанговскую или другую поездку. — Я, конечно, предположил бы вас всем другим переводчикам; во-первых, насколько мне известно, у вас для сравнения имеется под руками (очень удачный) французский перевод (заглавленный «Elena» в *Nouvelles Scènes de la vie Russe*); во-вторых — по долголетнему опыту — вы знаете — „каков я и как я сражаюсь“. — Отвечайте кратко, ясно — и быстро; потому что Неистовый дик и злобен! Как вы думаете — удобно ли мне обратиться к Дому, если вы не можете взяться за это?

Вы вернули нам госпожу Виардо совсем простуженной; она болела сильным гриппом, страшно кашляла, и всего несколько дней, как чувствует себя лучше. — Завтра она, вероятно, будет петь в концерте, а затем Пророка. Все тут подвигается понемногу. Лист здесь — он успел уже *pas mal* пококетничать. — При всем том это все-таки замечательная личность — и так как он действительно любит госпожу Виардо — то и я его люблю.

Я закончил повесть; по своей грубости она производит на меня впечатление большого зада, но не в рубенсовском стиле—с розовыми щечками, нет, совсем обыкновенного тучного и бледного русского зада.—Боюсь, на десятой странице госпожа Виардо встанет и уйдет.— Я еще не читал ей моей повести.

Итак, жду ответа, чтоб тотчас сообщить его Неистовому!

Поклонитесь жене, семье и всем добрым приятелям.—Сердечно жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

P. S. В конце концов, отвратительные „Мейстерзингеры“, кажется, все-таки победили.— Приап-евнух (Вагнер) может потирать себе руки.

P. S. S. Если будете писать Шторму, спросите его, получил ли он мою последнюю посылку (3-ий томик)?

54

Веймар, Hotel de Russie.—
22 апреля 1870 г.

Добрейший друг и благодетель—

Судя по письму Неистового — „Накануне“ выйдет лишь в сентябре — так что до тех

пор у нас еще много времени. Я неверно истолковал его слова.

Вот план моей жизни:

До 10-го мая — здесь.

От 10-го до 15-го — поездка в Баден.

15-ое и 16-ое — Берлин и Пич.

От 16-го мая до 16-го июля — Россия, Петербург, Москва, Орел и т. д.

17-ое июля — Берлин и Пич (если только он там будет).

18-го июля — (день рождения госпожи Виардо) снова в Бадене — на неопределенный срок.

Очень радуюсь вашим „Путевым впечатлениям“: это будет изящная живописная книга.

Поклонитесь всем добрым друзьям.—Вышла ли уже книга Ю. Шмидта?

Тут все обстоит отлично. Завтра госпожа Виардо устраивает блестящий утренник — со всеми honneurs — (Лист и т. д.). Здесь играли великолепную симфонию и скучную оперу Раффа.

Эккерты хранят глубокое молчание. Думаю, что из Кудесника ничего не выйдет — и в Берлин мы не приедем.

Во всяком случае, до скорого свидания!

Ваш верный И. Тургенев

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3.—
Пятница, 9 сентября 1870 г.

Милый друг мой Пич,

это уже не события, а удары грома, следующие один за другим — не успеваешь опомниться — совсем оглушен! — Император и 100000 французов взяты в плен, республика! — через несколько дней, может быть, будет занят Париж, и Людвиг Пич триумфально въедет через Arc de l'Etoile, сметая с неба звезды челом, венчанным лавром и победой. Чего еще?!!

Мы живем здесь в напряженном ожидании. Первое письмецо с поля битвы при Вёрте, хотя и запоздало, но дошло. В начале августа настроение здесь было „qui vive“: — все было упаковано, чтобы тотчас уехать в Вильдбад — если бы тюркосы двинулись за Рейн. Теперь мы давно уже успокоились.

Все семейство Виардо обретается в полном здравии. Мы работаем для раненых, музеницуем, читаем вслух — и так проходят часы. Падение империи было для бедного Виардо большим удовлетворением. Конечно, сердце его обливается кровью — но вероятно, он сознает, что все это заслуженная Францией кара. Что касается меня, то я, как вы должно быть знаете,

совсем немец—уже потому, что победа Франции была бы гибелью свободы — напрасно только вы сожгли Страсбург. Это был шаг неловкий и нецелесообразный. — Что то будет под Парижем?...

Но истинное счастье, что привелось быть свидетелем тому, как низвергнулся в клоаку этот жалкий негодяй со всей своей кликой. Почему с этим молодцом обращаются так почтительно? Все, чего он заслужил — это отправиться на съедение вшам в Кайенну.

Очень будем рады, если вы, действительно, сдержите слово и приедете в Баден. — Комната ваша готова: теперь она пуста. Недавно в ней жил другой старый друг, Мюллер-Штрюбинг.

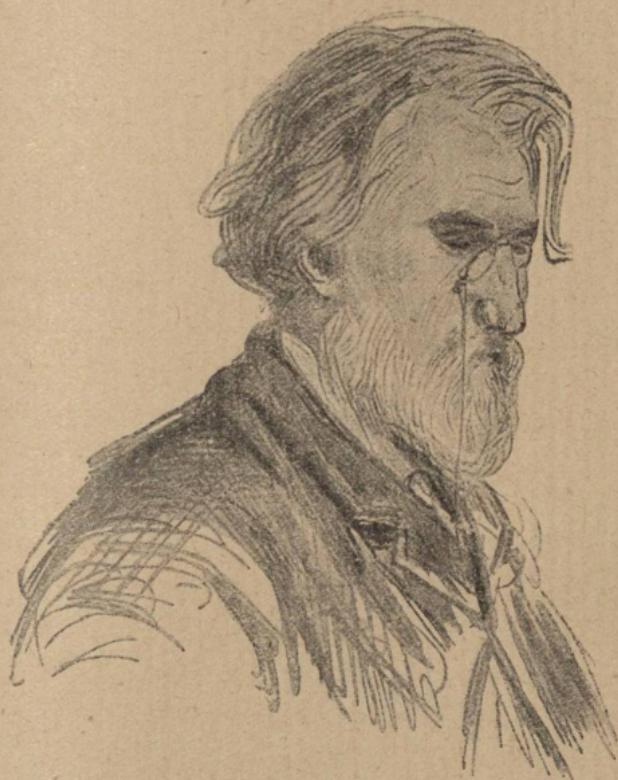
Сердечный привет—и до свидания!

И. Тургенев

56

Лондон, 15 ноября 1870 г.

Так вы снова в Версале, непостоянный вы мотылек! — Я в Лондоне с воскресенья—приехал вместе с Виардо — (отвратительный переезд!) и нашел, к несчастью, прескверную холодную и дымную квартиру, которую, конечно, оставлю, как только это будет возможно—пока мой адрес: Devonshire place 30, у Виардо.—В общем, семья чувствует себя хорошо — только у госпожи

le joueur de *Всегда* 64.
11/8
Тургенев *Тургенев* В. Н. *Макаров*

Тургенев за карточным столом

Виардо сильный кашель и насморк; при здешнем скверном климате иначе, конечно, и быть не должно, но это может расстроить все ее ангажементы — и лишить ее возможности осилить эту дороговизну. Будем надеяться на лучшее! Мне все иногда представляется в черном свете — и тогда... Но как не быть мизантропом, когда пальцы коченеют, а всего пробирает мороз? Со времени succès под Orléans Виардо в повышенном настроении — но долго ли это продолжится? Я оставил всякие размышления о будущих политических и военных возможностях. Но вам, пруссакам, предстоит теперь раскусить твердый орешек. Может быть, все-таки раскусите.

Итак, страсть? И любовная тоска? И мучительное томление? (Следует неудобопередаваемая фраза). — Разрешаю вам выругать меня величайшим циником.

Итак — твердость, решимость, выдержка — и большое спасибо за память о 9-ом ноября.

Ваш верный И. Тургенев.

57

Лондон, 16. Beaumont street Marylebone.—
11 мая 1871 г.

О Pietsche, Pietsche

(латинский звательный) — этого я от вашей проницательности не ожидал. Как вы могли

испугаться? Неужели вы думаете, что если бы госпожа В. действительно умерла — я был бы в состоянии вырезать объявление об этом и на克莱ть его?? — O Pietsche! Pietsche! Но вы верный друг — и это главное.

Очень грустно мне — слышать о болезни вашей дочери — но можно ли ждать другого от этой собачьей погоды? Если когда-нибудь вообще наступит лето, вашей дочери несомненно станет лучше.

Конечно, вы должны приехать в Лондон — обязательно. Комнату я вам, к сожалению, могу предоставить только в Бадене — но мы подыщем вам не слишком дорогое помещение.

Поцелуйте за меня Кати — и скажите ей, что я ношу ее в своем сердце, наперекор всем „eunuques enragés“... Да и вообще поклонитесь всем приятелям и родным.

Итак, до свидания!

Ваш И. Тургенев

58

Лондон, 16. Beaumont street, Marylebone.—
9 июня 1871 г.

Pitschio de mi alma —

(по испански — душа моя, Пич). Все семейство остается здесь до 1-го августа — стало быть, живо, приезжайте! Торжественный прием,

рукоплескания и т. д. — как в Берлине — в несколько меньшем масштабе.

Супруг Лукки несколько присочинил — но *furia antitedesca* в значительной мере улеглась. Когда свои избивают тебя до синяков, забываешь о чужих щелчках!

О Париже я и говорить не хочу — впечатление на умы здесь все это произвело потрясающее. Там, где стоял француз, осталось только мокрое пятно — но *дристоу ѿдвор* — из этой мокроты может еще вырасти прекраснейший цветок былого существования.

Во Франции устанавливается временная республика — что будет дальше, может быть, и знает господь бог; — но скорее и он не знает.

Остальное все благополучно — только по утрам у нас в бороде ледяные сосульки. Так я мерз только в Веймаре!

Дружески кланяюсь всем вашим, Шмидту, Менцелю, Эккертам. Крепко жму вам руку и до свидания!

И. Тургенев

Неопровергимая аксиома:

„Англичане не имеют ни малейшего понятия о том, что такое искусство. Они от природы антихудожественны“. Докажу вам это, когда приедете! (NB. Говорю, конечно, не о литературе и поэзии).

Лондон, 16. Beaumont Street.—

18 июля 1871 г.

Вечно юный Пич — Ахиллес, Дон Жуан и
Алкивиад!

Ты, кому дано судьбою
Легким локоном Фортуны,
Не робея, овладеть
И, засинув ей головку,
Победительно прильнуть
К ней задорным поцелуем,
Что зовется: „langue fourrée”...¹⁾

С быстрой молнией отвечаю на ваше
письмо:

Все семейство — (и я) — отправляется 29 июля
в Булонь, где остается до 8 или 10 августа
дышать морским воздухом: затем семья пере-
езжает в Баден-Баден — где пробудет два ме-
сяца — я же 8-го поеду из Булони в Эдинбург
(на празднование столетнего юбилея Вальтер

¹⁾ Du, dem es allein vergönnt ward,
Der Fortuna flüchl'ge Locke
Mit entschlossner Faust zu packen
Und sie rücklings überliegend,
Sie mit jenem übermü'l'gen,
Siegsgewissen Kuss zu küssen,
Den man nennt: „langue fourrée”...

Скотта) — и оттуда на неделю к приятелю в Шотландию; буду там стрелять великолепнейших grouse. — Потом вернусь в Баден и пробуду там до 1-го ноября.

Итак, если вы должны или хотите приехать в Англию — браво! Правда, мы лишь недолго пробудем вместе. — Но во всяком случае, вы должны приехать в Баден. Семья будет жить там очень уединенно — но тем лучше!

Поклонитесь родным и друзьям! — Привезите свою книгу. — Здесь все благополучно. — К своему 50-му (!) дню рождения госпожа В. здорова, свежа и весела.

[Конец письма и подпись отсутствуют].

60

Любезнейший Пич!

Мой „Стук-стук“, конечно, к вашим услугам — „and welcome“ — как говорят англичане. — Письмо М-те Виардо убедит вас в том, что вы не принадлежите к мертвым. Жаль, что вы не приехали — я был мизантропическим ослом — теперь мне лучше. Поклонитесь всем приятелям — и наслаждайтесь жизнью.

Ваш И. Тургенев

P.S. Французский перевод я только бегло просмотрел — он, кажется, хороши — иные выраже-

ния, может быть, не точны — если вы думаете, что стоит труда, пришлите мне корректуру.

P.S.S. Я здесь до 1-го ноября — после 1-го ноября — Paris, rue de Douai, 48, chez M-r Viardot.

61

Баден-Баден, Tiergartenst. 3. —
24 августа 1871 г.

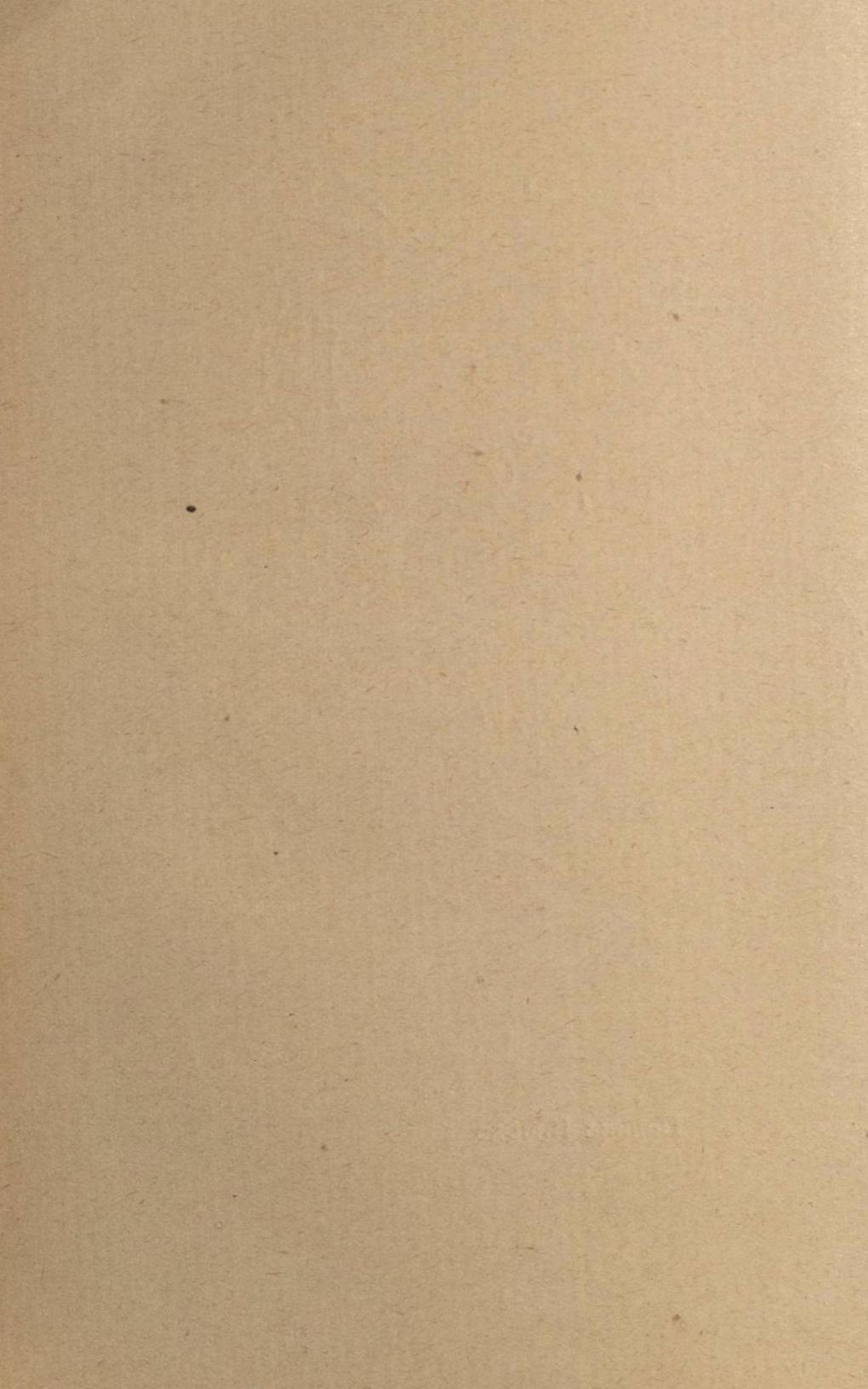
Любезнейший Микобер,

я хотел сказать — Пич — я приехал в понедельник и нашел всю семью живой и здоровой; М-те Виардо также чувствует себя лучше. — Я сдержал слово и написал вам из Эдинбурга: то, что вы письма не получили, только лишнее доказательство жалкого состояния всех официальных английских учреждений; за одну эту зиму у меня пропало писем и телеграмм больше, чем за всю мою жизнь. — Об эдинбургском торжестве и моем в нем участии сказать, право, нечего: совершенно незнакомый человек — Torgunoff — говорил о совершенно неинтересном предмете: русской литературе.

Не могу послать вам это письмо в Бонн — сегодня ведь четверг — так что посылаю его в Берлин. — Очень дурно с вашей стороны, что вы не приезжаете в Баден: вас приняли бы сердечно — но вы не верите мне.

Полина Виардо

Поклонитесь всем друзьям и не забудьте передать книгу Ю. Шмидту.

Зимой увидимся. До тех пор будьте здоровы и веселы. — По старой дружбе

Ваш И. Тургенев

P.S. Остаюсь здесь до конца октября.

62

Баден-Баден, Tiergartenstr. 3. —
15го сентября 1871 г.

Любезный Пич!

Во первых, должен вас побранить: можно считать друга способным на всевозможные злодеяния, даже на убийство — только не на отсутствие такта. — Если бы Микобер был типом человека, занимающего деньги, я скорее откусил бы себе язык, чем дать вам эту кличку; — но в Микобере Диккенс хотел вывести человека, постоянно колеблющегося между глубочайшим отчаянием и восторгом, и в этом смысле вы — Микобер.

Во вторых, хотя и против воли — должен сказать вам следующее; не приезжайте в Баден. Дом продан одному московскому банкиру — и должен быть сдан к началу октября — часть мебели уже вынесена — и из вашей комнаты

тоже. У меня отчаянный припадок подагры в колене — вот уже семь дней неподвижно лежу, как бревно, в постели, и пролежу еще по крайней мере месяц; на всем соответствующая печать конца, уничтожения, ухода навсегда; в такой дом не должен входить веселый и здоровый человек. Самое его присутствие — диссонанс. Видите — и я умею быть откровенным.

Итак, дорогой Пич, до свидания в Париже — если все будет благополучно. Но тогда будем веселы — тоже, если все будет благополучно. А теперь надо тихо и одиноко смотреть на то, как властвуют злобные демоны.

Поклонитесь всем вашим, всем друзьям и передайте мою глубокую благодарность Ю. Шмидту за его доброжелательную и как всегда меткую статью в „Allgemeine Augsburger Zeitung“.— Он проникает „до мозга костей“ своим острым критическим взглядом.

Ваш И. Тургенев

63

Баден-Баден, Villa Viardot. —
14 ноября 1871 г.

Caro amico Lodovico, много благодарен за дружеское письмо и за добрые пожелания. В 53 года дребезжа катишься под гору! Затормозите! Бога ради, затормозите!

Я все еще сижу здесь, с детьми — г-жа Виардо и г-н Виардо давно уже в Париже, — но дом, в котором мы все должны поселиться, все еще не готов! Надеюсь, мы выедем в субботу 18-го — „...Иду от вас и не приду к вам вечно!“ — Уже 5 дней — с 9-го ноября — я живу у Виардо. Дом мой совершенная развалина. — Новый владелец хочет переделать все до основания. На здоровье!

Какой вид имеет памятник Шиллеру под открытым небом?

Почему вы не пишете г-же Виардо?

„Стук-стук“ — переведено дважды, что весьма меня удивляет. — Ваш перевод, конечно, окажется наилучшим. — Я как раз, начисто переписал эту певучую, небесноголубую вещицу — и к величайшему моему удивлению заметил, что она похожа на ядовитый гриб! — Я никогда еще не был безнравственнее. — Horreur! — Поклонитесь всем добрым старым приятелям. Зимою увидимся — а пока будьте здоровы, работайте усердно и не теряйте бодрости!

[Подпись отсутствует].

64

Париж, 48, rue de Douai —
15 декабря 1871 г.

Итак, после долгого молчанья вы подаете признаки жизни! — Но никогда еще, великолеп-

ный Пич, вы не писали так неразборчиво. Мне с трудом удалось расшифровать половину письма.

Здесь у нас все благополучно — только дом все еще в хаотическом состоянии. В Париже нет больше рабочих — а те, что есть — не работают. Г-жа Виардо очень занята и бодро настроена. — Я еще почти ни с кем не видался. — Сначала был болен (все проклятая подагра!) — потом отдельывал свою повесть — и ничего не знаю о парижской жизни.

О том, когда повесть эта будет переведена на французский язык, мне ничего неизвестно — и я пальцем о палец для этого не ударю; не знаю, стало-быть, когда вам удастся прочесть это произведение.

Что касается „Стук-стук“, то ничего значительного вещица эта не представляет. По правде говоря, она не имеет никаких прав на перевод.

Ваш post-scriptum поверг меня в недоумение. — Не понимаю, что эта вещь означает и как она попала к вам в руки. — К тому же, как раз к этому месту относятся лучшие образчики каллиграфического почерка мейстера Пича, например:...

„К тому же мне, мне местами кажется, что вы могли бы, чаще могли бы и вы так... (неразборчивое слово) — писать... (опять неразборчиво)“.

Дочь Полины Виардо

Извольте тут что-нибудь разобрать!! Вся история осталась для меня загадкой!

Что касается вашего грустного настроения, то, несмотря на все мое сочувствие, все таки скажу:

„В ручье на камнях он лежит безмятежно“...
Право, все уладится!

Республика превращается здесь в настоящий «Cabinet inodore». — Всякий пользуется ею и никто не хочет признаться, что имеет с ней дело. Повидимому, перевес окажется скоро на стороне дома Орлеанов. Но мирно это не обойдется. Ну, ладно — поживем увидим. Тут царит великая ненависть к Германии! Это единственное великое, что тут есть.

Увидимся в январе, непременно — а пока будьте здоровы, поклонитесь семье и друзьям.

Ваш И. Тургенев

65

Париж, 48, rue de Douai.
Вторник — 9 января 1872 г.

Разумеется, любезный Пич, я все еще здесь — и еду в Россию только в середине февраля, но тогда уж непременно проведу два дня в Берлине. — В Париже мы не развлекаемся, у г-жи Виардо здесь достаточно работы, — здоровье

ее хорошо — и дом скоро будет готов для приема гостей. Что касается меня, то я живу совсем, как улитка — и иначе жить не желаю. Не то я начну, чего доброго, думать, что Франция смертельно больна.

Мой „младший ребенок“, как вы его называете, появится 31/1 января в Петербурге, в „Вестнике Европы“. — О том, когда он будет переведен, мне ничего неизвестно. Быть может, скоро, быть может, не скоро, возможно, что никогда. Если же он все-таки будет переведен, то, конечно, вы первый его получите.

Раз навсегда установлено, что это произведение безнравственное — но Митридат, подобный вам, сумеет принять и не такой еще яд, и чувствовать себя при этом отлично.

Итак, в самом деле — не нужно никакой „второй весны“? — Мы катимся под гору — под гору — вот она слепая, немая, темная, холодная, нелепая, жадная, вечная ночь!

Пишу вам кратко:

Я понятия не имею об этой исповеди, никогда не писал ничего подобного и не постигаю, кто это вас мистификовал?!

Хотел бы я посмотреть на эту штуку.

Поклонитесь всем добрым друзьям и будьте здоровы.

Ваш И. Тургенев

P. S. Верно ли, что А. Вернер такой великий художник?

P. S. S. Вы опять не сообщили вашего адреса. По счастью у меня имелось прежнее ваше письмо. И так поступает немец!!!

66

Париж, 48, rue de Douai,
Суббота — 17 февраля 1872 г.

Мой достойный друг и благодетель, Людвиг Пич!

Я заметил, что в самых лучших отношениях между друзьями наступает момент, когда один из них внезапно превращается для другого в мертвого пса и теряет право претендовать на всякое другое значение. На основании многочисленных примет и симптомов заключаю, что могу считать этот момент наступившим для меня по отношению к немецким Пифиям. Если это так — о, тогда вам нужно только молчать — мое исполненное предчувствий сердце поймет все до конца! Но оно не разобьется. Если же я ошибаюсь — ошибаться свойственно человеку — тогда скажите хоть слово — и я буду доволен.

С Францией и Парижем дело обстоит очень скверно — с семейством Виардо очень хорошо.

В конце марта еду в Петербург через Берлин.

Моя звонко-рокочущая повесть потерпела фиаско.

Поклонитесь вашему семейству и будьте здоровы.

Ваш И. Тургенев

67

Париж, 48, rue de Douai.
Понедельник.—18 марта 1872 г.

Любезнейший Пич,

давно уже следовало ответить на ваше дружеское письмо — но я ведь преленивое жизотное! Хотя и не лишенное чувства благодарности! — Очень меня порадовало, что вы все еще меня любите; я упрекал себя за то, что мог в этом усомниться.

Жизнь здесь сносная. Г-жа Виардо выступала дважды — в Консерватории и в Cirque Pasdeloup, с огромным успехом. Это подняло ее настроение — она весела и бодра, но работает слишком много. Остальным членам семейства тоже хорошо живется. — Я пока болтаюсь без дела и приготовляюсь к поездке в Россию. 20-го апреля покидаю Париж — и через Баден, где задержусь на несколько дней — еду в Берлин, а оттуда дальше. Числа 25 апреля мы непременно увидимся.

Здесь открылась выставка картин и эскизов Г. Реньо — (того самого Реньо, который в прошлом году был несчастным образом убит за несколько дней до заключения мира). Стоит приехать сюда нарочно для того, чтобы поглядеть на нее. — Реньо бесспорно величайший колорист нового времени, — как много он мог бы еще дать!

Итак — поклонитесь всем приятелям и всем вашим. Будьте бодры и здоровы.— До свидания!

[Подпись отсутствует]

68

St. Valery sur Somme, Maison Ruhaut,
Суббота—19 июля 1872 г.

Pitchissime carissime —

вы уже знаете, что я опять разминулся с вами! — Это положительно фатально, — как в Belle-Hélène.

Сейчас я живу в прелестном, очень живописном и тихом месте — но, к несчастию, опять страдаю подагрой и едва ползаю на двух костылях. Проклятая болезнь тянеться, на этот раз, выше месяца. — Подождем.

В семействе Виардо все обстоит благополучно. У всех волчий аппетит и богатырский сон, все предаются полному бездействию. —

Одно только не в порядке: большой палец г-жи Виардо все еще болит и опухает. Мне приходит на память знаменитая берлинская притирка, которая когда-то мне так помогла. — Если не ошибаюсь, ее изготавлял Циммерман, хирург или цырюльник, Rosenthaler Strasse 20. Сделайте милость, любезный Пич, пойдите туда сейчас же, купите небольшую баночку — и, не теряя времени, пришлите ее сюда, — если же это неудобно, то, по крайней мере, в Париж, rue de Douai, 48, на мое имя. Вы можете переслать пакетик почтой. — Пожалуйста, сделайте это поскорее!

Я стал дедом — наконец-то! Позавчера моя дочь родила здоровенькую дочурку.

Будьте здоровы и поклонитесь вашим и приятелям.

Остаюсь здесь до конца сентября.

Vale et me ama.

И. Тургенев

69

Saint-Valery sur Somme, Maison Ruhaut.
Суббота — 27 июля 1872 г.

Любезнейший Пич!

Когда вы писали ваше письмо от 20-го этого месяца — вы, повидимому, не получили еще мо-

его (в котором я просил вас о присылке мази) вероятно, вы покинули Берлин, так и не получив его. Принужден еще раз просить вас выполнить мое поручение, как можно скорее, немедленно же по возвращении в Афины-на-Шпрее.

Ю. Шмидт уже сообщил мне о том, что вы не уехали в Америку. Тем лучше! Все-таки больше вероятности как-нибудь повидаться с вами; на этот раз обещаю предупредить вас за несколько дней о моем приезде в Берлин.

Август и сентябрь мы все проведем здесь. Семейство Падисса обитает на своей даче в Ville d'Avrey.

Боже! Какими неженками стали немцы после своих великих успехов, какими мнительными старыми девами!

Вы не можете перенести, что в моей последней повести я чуточку вас поцарапал? Но ведь на мой родной и несомненно любимый мною народ я обрушивал и не такие удары!

В Санктпетербургской (немецкой) газете некий критик поднял на меня травлю. Он призывает офицеров германской армии стереть с лица Земли клеветника и дерзкого лгуня (т.-е. меня!).

До сих пор я считал, что у немцев больше сдержанности и беспристрастия. Поневоле приходится хвалить русских.

Неужели вы действительно верите тому, что я разделял этого ничтожного Девриена, с его

жалким театральным хозяйством, в угоду французам? Моя последняя повесть неудачна,—но лучшее и самое правдивое в ней—это именно эти немногие уколы.'

Итак — императрица Августа говорила так милостиво:

— Ну-с, очень мило со стороны столь выскопоставленной дамы и т. д.

От всего сердца желаю вам счастья в беспокойной вашей жизни и во всех ваших противоречиях и осложнениях.

Как Франциск I, вы должны были бы изобразить на своем щите саламандру.—Истинная жизнь только в огне!

Насколько мне известно, г-жа Виардо недавно писала вам. Со всем семейством все обстоит благополучно. Жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

P. S. В Мюнхене ли еще Поль Гейзе?

70

St. Valery sur Somme, Maison
14 сентября 1872 г.

Итак carissime Pietsh, вы побывали в России, в Москве, и видели в Эрмитаже сфинкса! Рад тому, что мой сфинкс понравился вам. Вы наверное напишете в Vossische несколько фельето-

нов о вашей поездке: вот было бы мило, если бы вы мне их прислали. Сделайте это!

Остаюсь здесь до 23-го этого месяца. Затем отправляюсь к моей дочери крестить внучку, затем на несколько дней в Ноан, поместье Ж. Занд, затем на 4 или 5 дней в Баден-Баден, чтобы привести мои вещи в порядок — и обратно в Париж, где пробуду от 10-го октября до конца ноября. Надеюсь, потом я смогу поехать в Петербург — „et ce serait le diable“, как говорят французы — если я, наконец, не повидаюсь с вами.

Проклятая подагра все еще не оставляет меня в покое — опять было несколько сильных припадков — да и теперь еще я принужден разгуливать в туфлях. О, Дон-Жуан! Дон-Жуан! (я разумею вас) — старость преобразная штука.

К счастью, вам это еще незнакомо, вы продолжаете срывать прекраснейшие цветы...

(Конец и подпись отсутствуют)

71

Париж, 48, rue de Douai.
Понедельник — 18 ноября 1872 г.

Дорогой друг!

Не могу удержаться от того, чтобы не поблагодарить вас, хотя и с опозданием, за ваши пожелания ко дню моего рождения — хотя не

скрою, вероятно, в ту самую минуту, когда вы брались за перо, я, как раз, от всей души проклинал этот злополучный день! Дело в том, что меня терзал припадок подагры — на протяжении шести месяцев двенадцатый и самый ужасный. Сейчас я опять могу ползать на костылях — но тринадцатый припадок наверное подстерегает меня. В таких обстоятельствах, могу вам сказать только, что на душе у меня очень скверно.

По счастью в семействе Виардо все обстоит благополучно, — а это, в конце концов, самое главное.

Я так медлил, что письмо мое, вероятно, не застанет вас в Вене — и потому я адресую его в Берлин.

Пользуйтесь жизнью, пока вы тверды на ногах — и благосклонно вспоминайте

о покойнике,

именуемом И. Тургеневым

72

Париж, 48, rue de Douai.
Среда — 1 января 1873 г.

Любезный Пич!

Нет — это слишком — довольно с меня! Утверждают, что я публично, — за своей подписью — заявил, что „я не знаю ни одного порядочного

немца" — и вы, кажется, всему поверили и говорите об этом со смирением, исполненным чувства собственного достоинства!!!

И вы хотите, чтобы я верил в вашу дружбу?!

В качестве друга вы должны бы были тотчас же написать мне: в такой-то и такой-то газете напечатано то-то и то-то" — и я бы немедленно уполномочил вас разоблачить от моего имени эту наглую или, вернее, подлую ложь (ведь за всем этим, вероятно, скрывается г-н Поль). — Но нет; — вы всему поверили и впали в элегический тон, вместо того, чтобы прекратить со мной всякие отношения!

Право, это слишком!

Настоятельно прошу вас сообщить мне что-нибудь положительное относительно моего мнимого заявления, — по крайней мере, я буду знать, что мне предпринять — иначе я потеряю и последний остаток доверия к вашей дружбе.

Узнаю с прискорбием, что у вас не все благополучно. Конечно, жизнь — не шутка. К счастию, все члены семейства Виардо чувствуют себя, напротив того, отлично. Диidi не вышла замуж, усердно работает и делает большие успехи — вероятно, кое-что из ее работ попадет на выставку. Поль тоже делает значительные успехи. Марианна отлично играет и великолепно поет.

Подагра все еще не оставляет меня в покое, как раз нынче — т.-е. в день Нового Года — я опасаюсь шестнадцатого припадка.

Корнелия Рихтер написала мне весьма любезное письмо. Я ответил на него.

Новая моя коротенькая повесть появилась в „Revue des Deux Mondes“, за 1-е декабря.

Получили ли вы из Лейпцига шестой томик („Степной король Лир“ и „Вешние воды“)?

Неистовой писал мне, что в Берлин были отправлены два экземпляра — для вас и для Ю. Шмидта. Поклонитесь Шмидту. Надеюсь, что он не придал значения всему вышеизложенному вздору. Это, пожалуй, уязвит вас, но я и хочу быть язвительным.

Тем не менее — хоть вы и немец — желаю вам всего хорошего — жму вам руку. В мае непременно увидимся, если будем живы.

Поклонитесь всем вашим и прочим друзьям,

Ваш И. Тургенев

Жду скорого ответа.

73

Париж, 48, rue de Douai.
Вторник — 7 января 1873 г.

Любезный Пич,

Ни в 1871 г., ни в 72-м, и ни в каком другом году христианской эры я не писал письма, хотя бы отдаленно схожего с тем, которое вы цити-

руете. Письмо это я будто бы направил в „Gau-lois“ или „Figaro“ это говорится обо мне, ко-
торый от всей души презирает оба журнала,
не знаком ни с одним французским журнали-
стом и сторонится всей этой клики! Во всей
истории нет ни слова правды и только непо-
стижимо, как это она не попалась мне на глаза,
если, по вашим словам, это подхватили все
газеты!

Раздобуду полный комплект номеров „Gau-
lois“ и „Figaro“ за первую половину 1871 года
и посмотрю, действительно ли какой-нибудь
мошенник злоупотребил моим именем, или про-
сто вся история высосана из пальца.

Я готов подписать любое опровержение,
если вы и Ю. Шмидт найдете таковое нуж-
ным.

Неистовому отправлю суровое письмо.

За все мои труды (просмотр корректуры
и т. д.) я не получаю никакого другого воз-
награждения, кроме тех четырех, пяти экзэм-
пляров, которые он должен разослать моим
друзьям.

Даже этого он не сделал!! Эта^{ка} свинья!

Поклонитесь всем вашим и всем приятелям.

Cordialiter жму вам руку — и, без всякой го-
речи, остаюсь преданный вам

И. Тургенев

Париж, 48, rue de Douai.
4 апреля 1873 г.

Любезный Пич!

Много виноват пред вами в том, что в течение двух месяцев не отвечал на ваше письмо. Но я совсем погряз в лени и праздности и писать почти что не в состоянии.

„Белая“ Гейневская бездна давно уготована мне; только когда я о ней думаю, на душе у меня становится прескверно.—Перезрелый плод не хочет упасть и висит, тяжелый и неподвижный, на подгнивающем сукуне. Это прекрасное сравнение, к несчастию, ужасающее верно.

На здоровье свое не могу пожаловаться — ем и сплю хорошо. Но не более того.

Усердно рассматриваю картины — кое-что покупаю (недавно приобрел чудесного Ван-дер-Неера) — это моя единственная страсть.

Меня радует, что Менцель так добр и так прекрасно пишет. Поклонитесь ему!

В семействе Виардо все благополучно; Клавдия прилежно работает, но успевает медленнее — чем это было бы желательно.

В Павле много мальчишества; порою он не-сносен, но из него вырабатывается большой скрипач.

Прежде, чем совсем отказаться от пения, г-жа Виардо „создает“ (здесь это называют „kreieren“) Магдалину в прекрасной оратории Массне. Немцам следует, теперь менее, чем когда-либо, показываться в Париже — я разумею уважающих себя немцев... Ненависть растет и усиливается с каждым днем.

Я уезжаю только 21-го мая — и отправляюсь на 6 недель в Карлсбад, разумеется, через Вену. Охотно разыскал бы вас там. Напишите мне, как это сделать. Людвига Пича вообще отыскать нетрудно — но так как я пробуду в Вене всего 2, 3 дня, то не хотел бы терять время.

Поклонитесь милому Ю. Шмидту. Мы с ним от времени до времени переписываемся. Вскоре напишу ему.

Поклонитесь также жене и всему вашему семейству. Жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

75

Париж, 48, rue de Douai.

6 мая 1873 г.

Любезный Пич!

Вы находитесь теперь, так сказать, в самом центре великого водоворота. „Vos moments sont précieux“, как говорят французы — поэтому буду краток. Хочу лишь известить вас о том, что

я покидаю Париж только 22-го сего месяца и прибуду в Вену только 28-го.

Застану ли я вас там, или вы уже упорхнете, как бабочка, собравшая весь мед с цветка всемирной выставки? В противном случае, я бы охотно остановился в той же гостинице.

Напишите мне несколько слов. Говорят, что найти в Вене помещение весьма затруднительно.

Здешняя выставка открыта со вчерашнего дня. Там много красивого и занимательного.

Г-жа Виардо избавилась от своей роковой простуды — наконец-то! В семействе все благополучно. Дожидаемся первых солнечных дней, чтобы перекочевать в Буживаль.

Итак, быть может, до скорого свидания. Крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

P. S. Мункачи принадлежит замечательная картина на здешней выставке.

76

Париж, 48, rue de Douai.
Вторник, 3 июня 1873 г.

Любезный друг,

послезавтра въезжаю в Баден — пробуду там 2 дня, а потом отправляюсь в Вену. В конце

будущей недели буду там непременно и порадуюсь нашей с вами встрече.

Здесь начали печатать „Вешние воды“ во французском переводе; перевод прескверный — я принужден его исправлять, дошел пока до половины, другую половину мне пришлют в Вену; я дал ваш адрес, со всеми к нему относящимися иероглифами, *poste restante* я не доверяю. Но вы ведь великий непоседа — вы можете совсем упорхнуть или переменить местопребывание — особенно в виду того, что, как вы говорите „Вечно-Женственное“ притягивает вас не так уже сильно. В таком случае напишите мне безотлагательно в Баден-Баден, Schillerstrasse 7, на адрес г-жи Анштетт — дабы я успел внести соответственные изменения.

Во всяком случае, с вашей стороны было бы мило написать мне несколько слов.

Храни вас бог и до свидания.

Ваш И. Тургенев

77

Карлсбад, Oesterreichischer Hof.
Понедельник — 22 июня 1873 г.

Как дела, carissimo Питч? — Познакомились ли с г-жей фон-Вертгеймштейн и г-жей Гартман? — Не забудьте вашего обещания!

Я счастливо сюда добрался, занял хорошую комнату, начал сегодня курс лечения — колено мое поправляется. Погода прекрасная — но Карлсбад кажется мне скучнейшей дырой на всем земном шаре! Ничего не поделаешь, приходится проглотить и эту пилюлю!

Еще раз благодарю вас за всю вашу дружбу и ласку. — Сердечно жму вам руку. (Г-жа Виардо как раз просит меня, в письме, поклониться вам и вашей супруге).

Ваш И. Тургенев

P. S. О Захер-Мазох! Захер-Мазох! „По меньшей мере баронессы”!!

78

Буживаль (près Paris). Maison Halgoud (Seine et Oise).
Пятница — 1 августа 1873 г.

Любезный Пич,

юные дамы, вырывающие друг у друга мой стакан, также как и моя ниспадающая на грудь борода — все это чистейший вымысел. — Точно также я отнюдь не являюсь ближайшим другом графа Строгонова; признаться, я бы вовсе не желал быть вообще его другом: я ни разу у него не был и никогда не принимал его у себя.

Г-н Юлиус Вальтер — точнее г-н Ф. Флеклес — попытался меня пробрать за то, что держусь от него в стороне, это провинциальный Мефистофель в одну двенадцатую листа; острота умие его коренился в словообразованиях; стало быть, оно главным образом грамматического порядка.

Курс моего лечения благополучно закончен. Надеюсь, оно пойдет мне на пользу, а моей подагре во вред. Теперь я опять *ut hinc* и устроен уютно. — Посмотрим, что будет дальше. Г-жа Виардо получила ваше письмо и тотчас же на него ответила — она вам кланяется.

В семействе Виардо все благополучно.

Меня порадовало, что неприятный случай с вашей дочерью не имел дурных последствий.

Супруга ваша имела любезность прислать мне портрет прекрасного кавалера, Захер-Мазоха. Вот рожа! и — „по меньшей мере баронессы!“ Портретом, снабженным этой надписью, я предполагаю украсить мой ватер-клоузет. — К великому моему удовольствию узнал, что беззубая улыбка Рихарда Поля в Баден-Бадене сияет в том же месте.

А госпожа Гартман? Все еще не видали ее?

Вероятно, вы недолго еще пробудете в Вене — по возвращении в Берлин поклонитесь Ю. Шмидту и прочим друзьям. — В последние дни моего

пребывания в Карлсбаде я часто и много виделся с Любке. Это прелестный человек!

Будьте здоровы!

Ваш И. Тургенев

79

Париж, 48, rue de Douai.

1 декабря 1873 г.

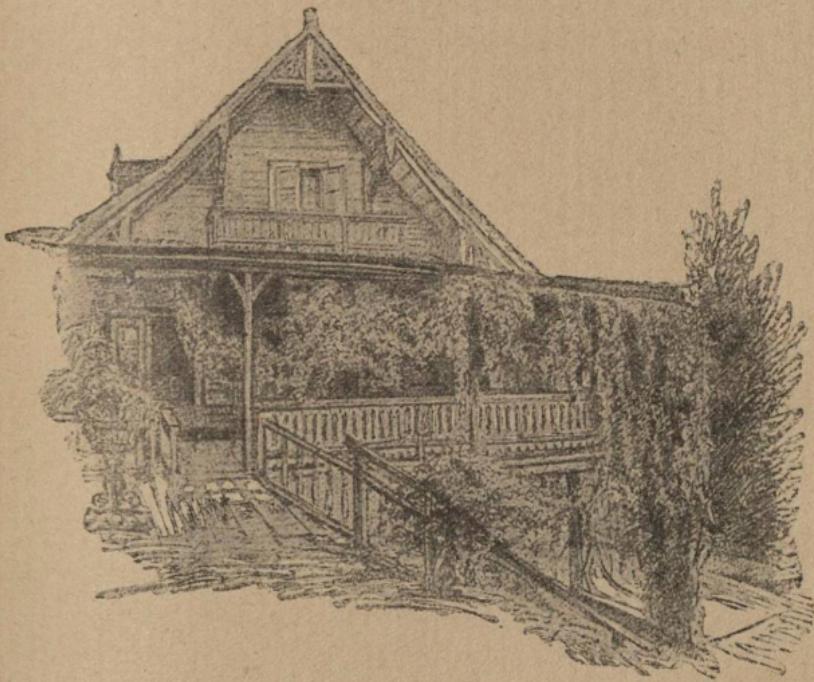
Где вы, любезный Питч, и как живете! —
Давно уже следовало написать вам — но писать
мне всего горше — во всех смыслах. — Чувствую
себя недурно — и что важнее — вся семья
Виардо тоже бодра и здорова.

Дайте мне знать о том, как вам живется в вашем городе Берлине. Здесь нас совсем поработили, а дальше будет еще хуже. Мы идем к совершенно тупой, узкой, вульгарной, солдатской, железной и деревянной республике.—Sic fata voluerunt.

Из Бадена прибыли все мои книги. — Расставляя их, я наткнулся на огромную папку со снимками с произведений Кауэра. — Повидимому, она принадлежит вам; что мне с нею делать? — Должен ли я ее вам переслать?

В Берлин попаду только в конце Января — может быть немного позднее. — Поклонитесь вашей жене и семье, а также всем добрым друзьям. — Сердечно жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

Вилла Виардо в Баден-Бадене

Париж, 48, rue de Douei.
Понедельник 5 января 1874 г.

Любезнейший Пич,

отвечаю с опозданием на ваше дружеское письмо. — Не до того мне было — вы поймете меня, когда услышите, что Ди迪, существо, которое я люблю больше и нежнее всего на свете, стала неделю тому назад невестой.

Удивительно все таки, что на извещение ваше о помолвке вашей дочери (с чем от всего сердца вас поздравляю) я могу отвечать тем же!

Будущего мужа Ди迪 зовут Georges Chamerot — это чудесная, молодая, благородная, деятельная натура — иначе я ни за что не дал бы своего согласия. — Он владелец одной из первых здешних типографий. — Отец и мать — прекрасные люди; — все у них во всех отношениях превосходно и безупречно. — Близость эта — давнишняя (что во Франции большая редкость), так что все это совершилось у меня на глазах. Ди迪 полюбила его лишь в последние полтора месяца — и мне не случалось переживать ничего более очаровательного...

Все мы, так называемые писатели (!), в подобных вещах только слепые подражатели и „à peu près — мастера”.

По счастью, я больше ничего не пишу, и потому не поддаюсь искушению еще раз изобразить все мною виденное... — Зато вбираю в себя все... все...

Вы можете представить себе, как веселы и счастливы все в доме. Свадьба состоится в начале марта — тотчас вслед за этим я еду в Россию и повидаю вас.

Г-жа Виардо сердечно вам кланяется. — Хочу подписаться на „Gegenwart“, чтобы поглядеть, как они меня будут разделять. — Да и вообще это, кажется, прекрасный журнал.

Поклонитесь дружески всем приятелям и родным. Передайте „grande nouvelle“ Эккертом. — Жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

P. S. О каком это франкфуртском послании говорит Шмидт? Вскоре лично напишу ему.

81

Париж, 48, rue de Douai.
Суббота 21 марта 1874 г.

Любезнейший друг!

Вот уже десять дней, как меня мучит подагра в левой ноге, и я не могу пошевельнуться; но это все неважко.

Вот уже две недели, как Диidi стала г-жей Chamerot и от нее веет таким счастьем — и молодостью — и любовью — таким нежно-целомудренным сладострастием, что и описать невозможно: и вот это, действительно, важно.

Я превратился в ярого художественного amateur'a и варвара, так что в числе других картин приобрел лесной пейзаж Диаца, который затмевает собой все существующее! И это тоже не маловажно!

В общем все идет прекрасно: моя литература, собственно говоря, совсем не идет, а все семейство в полном здоровии.

Через пять недель мы с вами непременно увидимся, — если оба будем живы — и если вас можно будет застать в Берлине, что с некоторых пор, кажется, не так уже просто!!!..

Должен ехать в Россию из предосторожности и осторожности. Каламбур этот об'ясню вам устно.

Поклонитесь всему Берлину. — Что касается Юлиана Шмидта, то скажите ему; что я повергаюсь перед ним во прах от стыда, что так долго не писал ему! — Но я, как говорят французы, „ношу его в моем сердце“, его и его любезную супругу.

Поклонитесь также вашей жене. Будьте все здоровы, и до свидания.

Ваш И. Тургенев

P. S. A propos, мой юный принц! Зачем вы вы boltали г-ну Мюллеру-Штрюбингу то, что я рассказал вам о побочной семье Мануэля? — Тот отправляется к Мануэлю и преспокойно заговаривает с ним об этом. Кто вам это сказал? рычит Мануэль. — Пич, отвечает Мюллер. — А кто сказал Пичу? воет Мануэль. — Тургенев, отвечает Мюллер. — Так заткните на веки ваши проклятые глотки, болтуны вы этакие, стонет Мануэль — иначе я скомпрометирован в Лондоне — я мертвый человек — у меня не останется ни одной ученицы! — Мюллер молчит и отправляется пить пиво; — а я — я задаю головомойку моему достопочтенному другу, Lodovico Ariosto Pietschio.

82

Париж, 48, rue de Douai.
Четверг — 2 апреля 1874 г.

Любезный Пич,

В скором времени вы получите книгу моего друга, Г. Флобера „La tentation de St Antoine“ — может быть, вы даже уже получили ее. — Прочтите, и если (в этом я не сомневаюсь) она вам понравится, возьмитесь за нее и пусть из-под тонкого, остроумного вашего пера выльется великолепная статья — за что я вам буду бесконечно признателен. Дайте мне знать, в какой она газете появится.

La casa Виардо — жива и здорова, — моя по-
дагра почти что оставила меня в покое, — через
три недели я выезжаю и — *deo volente* — увижу
вас в Берлине. — А пока будьте здоровы — по-
клонитесь приятелям и всем вашим.

Ваш И. Тургенев

83

Париж. Среда, 22 апреля 1874 г.
50 (*ancien 48*), rue de Douai.

Дорогой друг!

Никак не пойму, почему это вы до сих пор
не получили Флоберовской книги. — Буду, по этому
поводу, браниться с издателем.

Меня порадовало, что мои „*Reliques vivantes*“
вам и Ю. Шмидту понравились. — Что касается
ваших сомнений, то могу сообщить вам следую-
щее: Тот самый патриархальный староста, ко-
торый сообщил мне имя больной (ибо все это
истинное проишествие) — объяснил мне, — не
без иронического юмора, — что Клавдия (это ее
настоящее имя) мочилась только по Воскре-
сеньям, а другие естественные потребности вы-
полняла лишь по большим праздникам, стало
быть шесть или восемь раз в году. (Дело в том,
что я испытал по этому поводу то же недо-
умение, что и вы). — О том, возможно ли это,

можете расспросить какого-нибудь врача. Тот же врач объяснит вам, каким образом оказалось возможным то, что мясо несчастного существа стало твердым, как бронза — так что ни о каком обмане и речи быть не могло! — Правда, я посетил ее летом, в помещении было много воздуха и дверь... двери там не было вовсе — но, та *parole*! Я не почувствовал никакой вони!

Больна она была, повидимому, сотрясением спинного мозга!

Но довольно реализма! Где вы будете через две недели — шестого мая? — Я в этот день буду в Берлине — Hotel de St. Petersbourg, и, разумеется, разыщу вас. — Итак, до скорого свидания.

Сердечно жму вам руку.

И. Тургенев

N. B. Эти „*confidences*“ я все же должен был утаить от публики.

84

Париж, 50 (ancien 48), rue de Douai.
Понедельник 4 мая 1874 г.

Любезнейший Пич!

Пишу вам всего несколько слов, только, чтобы известить вас о том, что, несмотря на самое горячее желание, я не могу провести с вами

Badon
16/IV 18

Claudia Viardot

Клавдия Виардо

день шестого мая в Берлине, потому что только восьмого (в Пятницу) я выезжаю отсюда, девятое и десятое проведу в Бадене и в Берлин прибуду лишь одиннадцатого — где я, разумеется, тотчас же вас разыщу. — Итак, ровно через неделю — если только будем живы! Надеюсь найти вас в добром здравии, а пока сердечно жму вам руку и кланяюсь всем друзьям.

Ваш И. Тургенев

85

Спб. № 53 Гостиница Деймута.
Суббота 30/18 мая 1874 г.

Любезный друг Пич!

Напишите мне несколько слов в ответ на следующие вопросы:

1) Получили ли вы из Парижа рукопись и французскую книгу?

2) Писали ли вы книгопродавцу Безе и столовались ли с ним относительно условий?

В четверг покидаю Петербург и отправляюсь в Москву. — Пишите мне в Москву по следующему адресу:

Г-ну И. Т.

На Пречистенке, дом Тургенева.

Москва (Россия).

Должно быть, вы получите еще от Неистового перевод последней вещицы — „Живые монстры”, Сделайте милость — сравните его с французским текстом.

Мне тут хорошо — в этом водовороте. Дружески кланяюсь всем вашим и всем приятелям.

Ваш И. Тургенев

P. S. По окончании Геркулесовой работы (я подразумеваю Августовы конюшни) отошлите все в Рудольфштадт, в придворную книгопечатню Г. Фребеля.

86

Москва. Суббота —
13/1 июня 1874 г.

Дорогой друг!

Письмо ваше от (?) 74... (Значение этого иероглифа превосходит мое понимание) — получил я только здесь и только сегодня — и спешу ответить. — Через несколько дней отправляюсь я в мое имение, а в Берлин, *deo volente*, попаду только в начале июля — когда вас там, разумеется, уже не будет. — Что сказать вам о злополучном переводе? Даю вам *cartissima blanchissima*, — делайте, что хотите, и как хотите. — Может быть, всего лучше было бы отослать все

это Неистовому обратно, — потому что французский перевод тяжеловат, но точен. — Итак — я провозглашаю вас диктатором — и тем самым ловко снимаю с себя всякую ответственность!!

№ 2 — Мейрера я не позабыл, видался с этим ослом Рененкампфом — и узнал от него, — что Мейрер предварительно получит половину всей суммы. — Разве это еще не имело места? — Завтра напишу Мейреру — пускай известит меня. Может быть, удастся еще что-нибудь наладить проездом через П-бург. — Но влияние мое — увы! — ничтожно — я имел случай убедиться в этом.

№ 3. Тургенев *en question* — это не я и не мой брат, — а известный политико-эконом Николай Тургенев, умерший в 1872 г. в Париже и оставивший после себя семью — жену, дочь и двух сыновей, которые занимают роскошный дом, rue de Lille 97. Paris (Они чрезвычайно богаты). — M-me Клара Тургенева не раз уже говорила мне об этом королевском подарке, и если г-н Д. обратится к ней, то она несомненно ответит ему с радостью и без всяких колебаний.

Живу помаленьку — а все же удивительная вещь — моя *cara patria*!

Семейству Виардо живется также хорошо. Опасаются только *fausse couche* у моей дорогой Ди迪... Это было бы тяжелым ударом!

Поклонитесь всем добрым приятелям — и до свидания. Где и когда? — „То знают лишь звезды — но звезды молчат”...

Ваш И. Тургенев

87

Париж, 50, rue de Douai.
Среда — 7 октября 1874 г.

Дорогой Пич!

Только что получил ваше письмо, написанное в прекраснейшем C-dur, и рад тому, что вам так хорошо. — О себе, — к сожалению, — не могу сказать того же. — Я все еще волочу мои больные ноги, как расслабленный старик. — Приезжайте зимою в Париж; — и верьте, что вас ждет здесь самый горячий прием.

С сегодняшней почтой посылаю вам „*Tentation de St. Antoine*”. Получил ли свой экземпляр Ю. Шмидт? — Я прочел превосходную статью Линдау и, согласно поручению, переслал ее Г. Флоберу.

„Невероятно богатым” я не стал — но, действительно, в руках у меня оказалось денег несколько больше, чем обыкновенно. — Разумеется — я немедленно выбросил их за окошко. И выбросил столько, что у меня не остается достаточной суммы, чтобы предложить ее за картину бедняги Гирембского.

Если хватит двухсот или двухсот пятидесяти талеров, — то заключите сделку! Но если это действительно мастерское произведение, — то оно, разумеется, стоит гораздо дороже!

Все семейство чувствует себя хорошо... Живем в ожидании великого события (относящегося к Диidi).

Статью вашу в „Schlesische Zeitung“ я не получил — пришлите же ее. — „Récits d'un chasseur“ прибыли — большое спасибо! — Мне присылают на просмотр корректурные листы рассказов: переводчик не слишком силен в русском языке: кое-что совсем переврано, но это не на вашей ответственности. — Полагаю, — что с помощью авторской корректуры текст, в конце концов, будет восстановлен.

За сим — будьте здоровы. Поклонитесь вашим и приятелям.

Крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

88

Париж, 50, rue de Douai.
Понедельник — 16 ноября 1874 г.

Дорогой Пич!

Письмо ваше очень меня порадовало. В дружбе вашей я никогда не сомневался. — Но всегда отрадно лишний раз убедиться в этом.

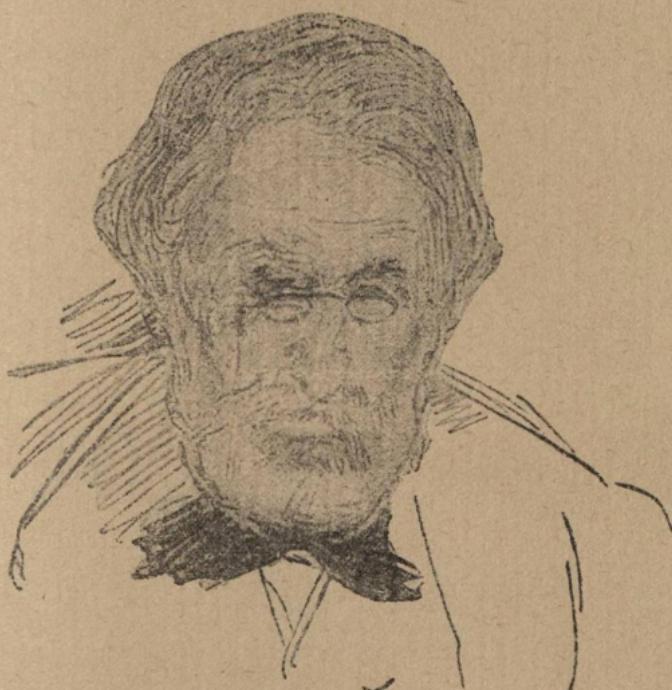
В Париж вы должны приехать непременно! — Г-жа Виардо писала уже Аланже (директору Большой Оперы) — и получила весьма предупредительный ответ. Вы получите место (кстати, это почти столь же легко — или столь же трудно, — как укусить свой собственный локоть). — Открытие состоится, по всей вероятности, в начале января.

Поклонитесь Юлиану Шмидту и скажите ему, — что я давно уже заказал его книгу в одном здешнем книжном магазине — но ее все еще нет здесь. Вышла ли она в Лейпциге? — Как раздобыть его „Essay“ о г-же Штейн? Мне прислали „Deutsche Rundschau“. — Не читал еще повести Шторма — но теперь примусь за нее.

Чорт возьми! До чего дороги у вас в Берлине произведения искусства! Недоступны для нашего брата! — К вашему приезду в Париж будет уже готов портрет г-жи Виардо, писанный моим соотечественником Харламовым. Он обошелся всего в 3000 франков.

Тем не менее я решительно утверждаю: в настоящее время на всем земном шаре нет художника, который был бы способен создать что-либо подобное.

Правда, теперь он уже берет за свои портреты по 10.000 франков. Нам удалось захватить его в момент первого расцвета.

Иван
Сергеевич Тургенев
писатель

И. С. Тургенев

Как раз получил последние корректурные листы „Записок“. О восторг! — Нет, более жалкого переводчика еще не существовало. — Напишу об этом Неистовому! в „Конце Чертопханова“, например, диакон обращается к Б. „Ihr seid ein kluger Mann, Aki Reb!“ — что это за новая талмудическая личность? По-русски сказано: „Аки лев“ — „wie ein Löwe!“ — И sic in infinitum. Настоящая пытка — эти исправления! — И так не слишком приятно совать нос в собственный навоз — а тут еще это проклятое „приблизительно“.

Вот другой пример, — „сажалка“ по-русски значит „eine Lache“ — „une mare“; г-н переводчик этого слова не знает, но полагает, что оно происходит от глагола „сажать“ — „pflanzen“. — Стало быть это дерево. — Но в оригинале „сажалка“ употреблена с эпитетом грязная: итак, „düster“, „dunkel“ — и вот „грязная лужа“ превращена в „тенистое дерево“ и т. д., и т. д. — К чорту Неистового!

Дружески кланяюсь вашим и приятелям.

Ваш верный И. Тургенев

P. S. Всем Виардо живется хорошо, хотя все болеют гриппом; — Диidi очень нервничает — последний месяц!!

Париж, 50, rue de Douai.
Пятница 27 ноября 1874 г.

Бога ради, Pietchie carissime, зачем вы портите себе столько крови? Зачем так горько упрекаете себя из-за „Записок охотника“?!

Узнаю тут человека вечных преувеличений!!

Вы сделали все, что было в ваших силах, я был раздражен господином переводчиком, — теперь все это поглотили волны забвенья. — Мне остается только принести вам мою сердечную благодарность за ваши труды. Итак, вы приезжаете в Париж. — Браво! — Это прекрасная мысль. — Если даже подагра не оставит меня в покое, то и тогда мы с вами устроим маленький, славный *diner*.

Я набросился на „Лесной уголок“... и... и должен признаться, что обманулся в обычной остроте вашего критического взгляда. Друг мой, это штурмовское произведение слабо — „Клянусь в том своею любовью“, как поет Оттавио в Дон-Жуане. — Все в этой повести сухо, необосновано.

Ни одно из трех действующих лиц вас не захватывает, даже собака, которая тоже не лишена литературности; а „поэтичность“ здесь, как масло, намазана. Быть может, я ошибаюсь — но возможно, что ошибаетесь вы.

Здесь все идет обычным порядком, — мы полны ожидания (à propos, что вы скажете о муниципальных выборах?)

Поклонитесь семье и друзьям. Сердечно жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

90

50, rue de Douai.
Вторник — 22 декабря 1874 г.

Любезный друг!

Я не ответил вам своевременно, и вы, наверное, считаете меня небрежным корреспондентом, — но я хотел дождаться чего-нибудь положительного, а этот мошенник Аланжье (говорю о директоре) не дал до сих пор решительного ответа! Открытие последует, повидимому, в конце января. — Как только узнаю что-нибудь определенное, извещу вас.

Позавчера, в воскресенье 20-го, в $7\frac{1}{2}$ ч. утра, имело место важное событие: — на свет появилась, — к несчастью, с большим трудом и мучениями, — чудесное дитя, дочурка. Мать — Дида очень измучена!! Состояние ее пока не внушает опасений, — но до истечения девяти дней — (роковых девяти дней) — души наши, как говорят испанцы, висят на волоске!

Г-жа Виардо сказала мне вчера, что напишет вам нынче.

Неистовый обещает мне раздобыть другого переводчика.— Он немедленно доставит вам экземпляр „Записок“.

Ребенка назвали Jeanne Edmée.

Усердно кланяюсь вашим родным и друзьям.
Сердечно жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

91

Париж, 50, rue de Douai.
Четверг—13 апреля 1875 г.

Любезнейший Пич!

На сей раз я невинен, как новорожденный агнец! Я ответил на ваше письмо — но вы, кажется, ничего не получали. — Ecce signum: в моем письме я просил вас спросить Юл. Шмидта, почему он ни словом не ответил на мой вопрос: знает ли он „Education Sentimentale“ Флобера и желает ли, чтобы я прислал ему эту книгу? — Кроме того я сообщал вам много другого: вообще это было довольно длинное и не безинтересное письмо. — Теперь оно погребено в лоне забвенья.

Сегодня же могу только сообщить, что все в доме, включая и мою незначительную особу,

чувствуют себя прекрасно — и что жизнь складывается для нас превосходно.

Вы, к сожалению, не здоровы! Надеюсь, что предпринятое вами лечение будет иметь счастливый исход. — Однако, вы можете воскликнуть подобно королю Родригу в змеиной яме:

„Ах... я страдаю тем, — чем я больше всего грешен“. И будете еще грешить, чего вам от сердца желаю.

Еще несколько слов: я получил последний номер „Gegenwart“, со статьей обо мне — лестной превыше всякой меры. Одно только совершенно неверно: Отца моего действительно звали Сергеем, — но Николаевичем, — а не Ивановичем. — И он приходился братьям Н. и А. Тургеневым весьма отдаленным родственником, а отнюдь не братом. — Брат Сергея никогда не был военным, но служил по дипломатической части. Он умер в 1827 г. в Дрездене. — Отец же в 1834 г. в Петербурге.

Я не знал никаких семейных традиций. — Юность моя прошла вдали от так называемой светской или городской жизни: раннюю ненависть к рабству и крепостничеству внушило мне безобразие окружающей среды. Если вы полагаете, что исправления не лишни, — то сделайте их от моего имени — и, с богом, отшлите в „Gegenwart“. — Уполномачиваю вас!

За сим будьте здоровы со всем семейством и всеми друзьями! — В Июле я должно-быть буду в Берлине — где вы будете тогда? — Быть может, в Патагонии, или в покоренном Брюсселе!!

Как бы то ни было, сердечно жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

P. S. Если вы считаете, что я должен представить в „Gegenwart“ собственноручное письменное разъяснение, то будьте великодушны, пришлите мне стилистически чистый образец, и я, как это имело место в другом случае — рабски перепишу его.

92

Карлсбад. (Богемия), König von England.
9 июня 1875 г.

Дорогой Пич!

Должен же я был написать вам все-таки до вашего отъезда в Италию! — Я нахожусь здесь вот уже шесть дней и вероятно пробуду еще пять недель. — 18 июля (день рождения г-жи Виардо) я в Буживале, где все семейство восхитительно устроилось. — Они теперь все вместе. — Там же и Ди迪 со своим ангелом — дочуркой. — Всем им живется отлично. — Мне также — не худо.

Узнаю с радостью, что здоровье ваше опять „in integrum“ восстановлено. Теперь все может начаться съзнова! — И начнется!

Потому что вы ведь вечно юный и вечно свежий!

Я свел здесь знакомство с одним драматургом, по имени Мозер, он очень вас любит. Стариk Лаубе тоже здесь, — с виду весьма мрачен, — но добрейшей души человек.

Г-жа Вревская приезжает в Мариенбад, — вероятно, мне удастся ее повидать. — Здесь проживает некая княгиня Барятинская, еще молодое существо с белоснежными волосами. — Вот бы вскружила вам голову! — Удивительная личность! Суха, горда, чувственна, как дьявол, при том целомудрена и поэтична, зла и нежна, — мне редко приходилось встречать подобное mixtum compositum.

Золя 36 лет, Daudet (а не Dodet) около 34-х. Рубинштейн произвел в Париже фурор. — В „Маккавеях“ есть прекрасные партии! — Но зависит ли это от иудейской окраски, — или это его собственное? С этим придется еще подождать. — Смерть молодого французского композитора Бизе — большая утрата. Если где-либо в Германии поставят его „Кармен“ — не премините пойти послушать, — это самое оригинальное, что появилось во Франции со временем „Фауста“ Гуно.

Рассказы, о которых вы говорите, появились на французском языке, в одном томе, — под заглавием „*Etranges Histoires*“ — полагаю, их уже расхватали.

Поклонитесь Юл. Шмидту — он все еще держит меня в неизвестности относительно того, прочел ли он „*Education Sentimentale*“ Флобера. — Вскоре напишу ему.

Сердечно жму вам руку и желаю счастливого пути.

Ваш И. Тургенев

93

Буживаль (близ Парижа) *Les Frènes*.
6 ноября 1875 г.

Любезный друг!

Давно уже хотел написать вам, но куда? „*A Louis Pietsch en Europe*“ — это современем станет возможным, но пока было бы несколько преждевременным.

В Милане вы ведь промелькнули перелетной птицей. — Но теперь, я полагаю, вы вернулись, наконец, в Берлин. — Итак — *en avant, Landgrafenstrasse № 8.*

Многого я, по правде говоря, вам сказать не могу. Хочу подать только признаки жизни. — Ленивый покой, слабость органических функций,

безделье, безутешность, и даже не веселая
безутешность. — Вот главные признаки жизни,
которая через три дня завершит свой 57-ой год.

Исчезни, сновиденье!

Единственное, что еще способно развлечь
нашего брата — это созерцание чужой, молодой,
счастливой жизни. И такая жизнь неизменно
стоит перед моими глазами.

Все члены семейства Виардо живы и здо-
ровы.

С писательством совершенно покончено. —
Мне больше нечего сказать и я больше не хочу
иметь, чтò сказать.

Поклонитесь всем вашим; горячо жму вам
руку.

Мы остаемся здесь еще на несколько дней —
затем наш круговорот снова обернется к 50, Rue
de Douai.

Ваш преданный И. Тургенев

94

Париж, 50, rue de Douai.
Среда, 29 декабря 1875 г.

Любезнейший Пич,

с Новым Годом! — Пусть старый год не
сходит в могилу, пока я хоть отчасти не искуплю
вину моего долгого молчания.

Прошу вас передать мою сердечную благодарность тем прекрасным незнакомкам и друзьям, которые так любезно меня поздравили! — Всему вашему семейству, конечно — привет и поцелуй!

Я порадовался той бодрости и свежести тела и духа, которыми на этот раз проникнута каждая строчка вашего письма.

Вот, наконец, человек, которому хорошо живется, и который это чувствует и говорит! Впрочем, и семье Виардо живется не худо — „sin novedad“ — как говорят испанцы. — Всюду покой и здоровье. Как раз теперь семья представлена полнее, чем когда-либо. Мануэль из Лондона — здесь — Луиза также. Луиза даже остается в Париже — но не в отеческом доме. — Это было несколько затруднительно. Она впрочем, исправилась.

Да и мне не худо. Поэзия и подагра оставили меня в покое. Охота, к сожалению, также, — она совсем не существует во Франции. Я почти не работаю. — Тем не менее в „*Genewart*“ появится мой небольшой рассказ (Заглавие: Часы; ценность: незначительная). — Мне обещали прислать в Париж корректуру на просмотр.

Республика собирается, кажется, пустить во Франции корни. Здесь опасаются, что Бисмарк вырвет их прежде, чем они успеют пу-

стить ростки. — Но я полагаю, что Бисмарк —
a d'autres chats à fouetter.

Быть-может, увижусь с вами в Феврале
или в Марте—если вы только не будете где-ни-
будь витать в это время — а пока — будьте
здоровы.

Крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

95

Париж, 50, rue de Douai.
Среда — 28 января 1876 г.

Любезный Пич!

Получил ваше большое, прекрасное письмо,
с большой прекрасной фотографией. Следовало
тотчас же ответить вам — но ведь я лентяй. —
А теперь сообщу вам следующее:

От роковой железнодорожной катастрофы
пострадала не г-жа Виардо, которая не поки-
дала Парижа, но ее дочь, г-жа Луиза Эритт-
Виардо, ехавшая из Брюсселя в Париж. — Вагон
едва не раздавил ее на смерть — спасло ее
дерево. Когда она (две недели тому назад) при-
была к нам, лицо ее было совершенно синим
и распухшим, одна рука была сильно помята.
чуть ли не сломана. — Теперь она оправилась.
Можно надеяться, что через неделю от всего

происшедшего не останется и следа. — Пока что она живет на rue de Douai.

Всем прочим членам семейства живется хорошо.

Со мной приключился припадок подагры — к счастию не сильный. — Сейчас он почти прошел.

Я написал маленькую вещицу — через несколько дней она появится в „Deutsche Rundschau“. Будьте к ней снисходительны.

Может быть, я напишу теперь кое-что подлиннее — если и не получше — пришла охота. — В Берлин непременно приеду в Апреле — или в Мае.

Харламов написал с меня чудесный портрет; со вчерашнего дня он висит внизу, в галлере. Всем сердцем радуюсь вашей жизнерадостности и тому, что вы все еще продолжаете собирать прекрасные земные цветы и яркие небесные звезды. Да продлится это!

Поклонитесь всем вашим и друзьям. Остаюсь попрежнему преданный вам

И. Тургенев

Получил только что, написанное лапидарным языком, письмо от Менцеля. Он пишет мне о своей исторической картине; я, пожалуй, купил бы ее — не для себя — но в дар одной Московской рисовальной школе; не могли ли

Тургенев

май 1871.

И. С. Тургенев

бы вы — с присущей вам тонкой дипломатичностью узнать приблизительную цену?

96

50, rue de Douai. Париж.
Суббота — 25 ноября 1876 г.

Дорогой Пич!

Грешно, конечно, что я не сразу ответил на ваше дружеское поздравительное письмо — не стану оправдываться — и все же это отнюдь не доказательство всей забывчивости или равнодушия! Нет — я попрежнему люблю вас всем сердцем, и ваше письмо доставило мне истинную радость — но я стал стар, ленив и тяжел на подъем. — К тому же я возился с моей рукописью, она только третьего дня ушла в Петербург — а время то тает, как масло — *et voilà!*

Теперь серьезно и по пунктам!

1) Если бы началась война — в чем я все еще сомневаюсь — я мог бы препроводить вам два письма — одно к военному министру Д. Мильитину — другое к князю Черкасскому, который станет во главе всего госпитального и санитарного дела.

С обоими я знаком — быть может, они будут считаться с моей рекомендацией.

2) В середине января я отправляюсь в С. Петербург — через Берлин — может быть,

совершим путешествие вместе. — Роман мой выйдет только в январе — перевод, вероятно, не раньше февраля.

3) Сюда приехал г-н Маннгардт — и Шторм прислал мне свою повесть „Aquis submersis“. Господин Маннгардт, кажется, очень славный северный немец — а повесть тонкая и поэтичная, только местами несколько томительна.

4) Всему семейству Виардо живется хорошо. Поль с величайшим блеском дебютировал в концерте Мендельсона в Cirque National, перед четырехтысячной публикой. — Г-жа Виардо бодра и здорова.

5) Подагра моя пошаливает. — Печень от времени до времени дает о себе знать. — Мое душевное состояние — серое с желтоватыми пятнами.

За сим поклонитесь семье и друзьям. Крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

97

50, rue de Douai.

Четверг, 28 декабря 1876 г.

С Новым Годом, любезный Пич!

Большое спасибо за ваше письмо — боюсь — этот год окажется для России тяжелым. — В на-

чале Февраля я непременно поеду в Петербург, если хотите и можете, отправимтесь из Берлина вместе.

Посылаю вам „*sous bande*“ книгу, которую вы желали иметь. Отыскать ее было не легко. Прилагаемый вами картон, т. е. фотография, приложенной не оказалась — но теперь я на нее рассчитываю.

У нас все веселы и здоровы; Кати прислала таки г-же Виардо свою милую, дружескую статью о Поле. Вы остались все тем же старым верным другом!

„*A propos de photographies*“ — скажите Юлиану Шмидту, если вы его увидите — „*que je ne te tiens pas quitte*“ — относительно обещанных ему фотографий Золя и Флобера. — Он получит их несмотря ни на что.

Штурму я написал и вежливейшим образом поблагодарил за его „*Aquis submersus*“ которую он прислал в весьма изящном издании.

Повесть нежна и тонка, но, бога ради, можно ли, например, заставлять мальчика, как раз перед тем, как он должен утонуть, петь о рая и ангелах! — Первая попавшаяся детская песенка произвела бы куда большее впечатление. Когда немцы повествуют, они неизменно впадают в две ошибки: недостаточность мотивировки — и проклятая идеализация действительности. — Берите действительность во всей ее простоте

и поэтичности — а идеальное приложится. — Нет; немцы могут покорить весь мир; — но писать они разучились, да по правде сказать, как следует никогда и не умели. — Когда немецкий писатель рассказывает что-нибудь трогательное, он не может удержаться, чтобы не указать одним перстом на свои заплаканные глаза, а другим подать читателю знак, дабы тот не оставил без внимания и самый предмет его растроганности!

В Петербурге мороз достиг до 40° — тут у нас оттепель. Каково в Берлине?

Поклонитесь всем друзьям и всем вашим;
жму вам руку и остаюсь

преданный вам И. Тургенев

98

50, rue de Douai. Париж.
Воскресенье — 4 февраля 1877 г.

Любезный Пич!

Все мои письма начинаются извинениями — и это не составит исключения. — Мне бы следовало гораздо раньше поблагодарить вас за благополучно прибывший снимок с картины Менцеля. — Запоздало лишь выражение благодарности — сама она давно вам принесена.

Вещь эта очень мне понравилась. — Она серьезна и правдива — это произведение истинного мастера.

Меня радует, что вам пришелся по вкусу мой короткий полу-фантастический, полу-физиологический рассказ. Боюсь, что большой роман покажется вам скучным, из-за бесконечной дробности фельетонной публикации.

„Et par si tuove!“ воскликаю я с Галилеем. — Положим, мальчик в рассказе Шторма и мог бы спеть подобную песню, но в таком случае он не должен был ее петь — потому что повелевает ведь автор — и слова Гете „Намерение явно“... останутся вечной истиной. — О, немецкие писатели — осторегайтесь указующего перста — как бы прекрасен этот перст ни был — как бы изящны ни были его движения!

В семействе Виардо все обстоит благополучно. Вчера у нас тут состоялся бал, затянувшийся до шести часов утра. Диidi и Марианна были, разумеется, les reines du bal. — В числе гостей было несколько очень красивых русских дам.

Очень сожалею, что у вас не все благополучно — и что вами овладело дурное настроение! — Эту сорную траву нужно вырвать как можно скорее — иначе мы, старики, пропали!

Поклонитесь Юлиану Шмидту. — Я посылаю ему „Assomoir“ Золя. Это совершенно дикая

книга, — в ней слово „*merde*“ встречается „en toutes lettres“, по крайней мере, с дюжину раз — но во всем чувствуется огромный талант. — Для немцев это черезчур крепко. — Я тоже читал ее со смешанным чувством отвращения и восхищения; в конце концов отвращение взяло верх. — Но это, как говорят французы, — „un signe du temps“; успех она имеет огромный.

Поклонитесь всем приятелям и вашей семье;
крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

P. S. 15-го марта я, si vivo — приеду в Берлин.
Г-жа Виардо сердечно вам кланяется.

99

Париж, 50, rue de Douai.
Понедельник, 12 марта 1877 г.

Бога ради — Как? — Что? — Вы, вечно юный, гибкий, неуязвимо-несокрушимый — вы сломали руку? — И, в довершение всего, поскользнувшись на полу собственной комнаты, а не свалившись с испанского балкона, к которому привешена шелковая лестница, или со спины дикого, необъезженного скакуна? — Но шутки в сторону. — От души жалею вас, бедный друг, — я и сам „*non ignarus mali*“. — Я трижды ломал себе руку — это весьма неприятно — но через 6 недель все

проходит — и я надеюсь, что в скором времени вы будете снова полновластно распоряжаться своим аполлоновским телом. У всех здесь вырвался вздох огорчения, когда я поделился с ними роковым известием, — все посылают вам самые горячие „compliments de condoléance“. У нас тут все обстоит благополучно — „sin novedad“, как говорят испанцы.

Жаль мне, что вы по каплям читаете мой роман; во-первых это, во всяком случае, плохой метод, — во-вторых — между нами говоря — перевод весьма посредственный. — Переводчик владеет тем мертвым русским языком, который можно найти в словаре; о живом языке он имеет слабое представление — а там, где он не понимает, он просто перескакивает. Французский перевод, появившийся в „Temps“ — превосходен; и вы, и Юлиан Шмидт, получите по экземпляру, как только он выйдет отдельной книгой. Не читайте его до тех пор!

Несмотря ни на что, я приеду в Берлин — и еще в Апреле! (à propos — первая поездка г-жи Виардо в Россию состоялась в 1843 г.). Фрейлейн Герстер приглашена в Париже, в Большую Оперу! — Итак, нам удастся послушать это чудо! Я, разумеется, не забыл восхитительный голос Фрейлейн Буссе. — Такие вещи не забываются.

Поклонитесь ей от меня — если только она меня еще помнит — и скажите ей, что я все еще

слышу ее высокое А (Было ли это действительно А? — Не все ли равно) — в песне Фески.

Поклонитесь всем прочим друзьям своим — и поправляйтесь — *cito*, *citius*, *citissime*. — С осторожностью, но от всего сердца жму вашу большую руку и остаюсь.

Ваш старый друг И. Тургенев

100

Буживаль. *Les Frènes-châlet*.
Понедельник — 17 сентября 1877 г.

Милый друг!

Простите, что я не сразу ответил вам. — Я слишком подавлен — вы знаете чем. — Это и послужило причиной тому, что я тайком про брался через Берлин. — Я все предвидел заранее, все объяснения — и тогда уже избегал встречаться с людьми.

Начало вашего письма очень грустно: будем надеяться, что с вашей астмой обстоит не так уж худо и что скоро вы снова явитесь перед нами „юным и несокрушимым“.

У нас все благополучно. — Марианна горячо благодарит вас за ваши пожеланья. — Они переживают сейчас „Turteltaubengirrperiode“ ¹⁾. — Свадьба

¹⁾ Период голубиного воркования.

состоится в конце октября. К тому времени все семейство возвратиться в Париж.

Письма и проч. затерялись в Hotel du Louvre! — кто знает, в чьи руки они попали. — Не огорчайтесь по поводу этих ста франков.

Поклонитесь семье и приятелям. Когда мне станет лучше, напишу вам снова.

Ваш И. Тургенев

P. S. Пришлите мне вашу книгу, которую я разумеется, непременно прочту, как до сих пор читал все ваши книги. Мои „Воспоминания” отдельной книгой не выходили. — Я составил несколько небольших заметок, озаглавленных: „Международные и житейские воспоминания”, в качестве предисловия к полному собранию моих сочинений на русском языке. Я рассказываю в них о моих встречах с Белинским (великим нашим критиком), с Пушкиным, Гоголем и др. — и — разумеется, говорю как можно меньше о себе самом. — Юлий Эккарт, в своей последней книге, извлек кое-что оттуда: осталось вряд-ли могло бы вам пригодиться. — Охотно поручил бы вам перевод какой-нибудь маленькой вещи, но так как я наверное не напишу больше ничего ни большого, ни малого, то мне вам и обещать нечего.

Буживаль. Les Frères.
8 октября 1878 г.

Милый друг!

Как вы и предполагаете, я нахожусь здесь уже несколько недель — в Берлине же я, к сожалению, мог задержаться только на несколько часов, так как хотел присутствовать на третьем русском концерте.

Я нашел все семейство в добром здоровье. Глубоко сожалею, что того же нельзя сказать о вашем. В России мне пришлось пережить не мало необычайного — о чем мы с вами, по приезде вашем в Париж, дружески побеседуем (мне все кажется, что я по-немецки неправильно выражаюсь, — но это не важно)!

Вы правильно пересказали мой „Сон“; меня только немного удивляет, что вы нашли его заслуживающим внимания любезных читателей. Но, страшный друг мой, вы обрушили на меня целую лавину похвал! Отныне я не смогу раскрыть рта без того, чтобы не подумать: „внимание! сейчас ты должен проявить свои чары“! Право же таким чародеем я себя не считаю.

Я бы с великим удовольствием уполномочил вас перевести мой „partage“ на немецкий язык:

но эта вещица уже переведена и вскоре появится в „Illustrierte Hefte“ Вестермана.

Итак, до скорого свидания! Дружески жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

102

50, rue de Douai, Париж.

Четверг, 9 января 1879 г.

Любезный Пич!

На этот раз шутки в сторону, я должен говорить с вами серьезно. Слушайте же! Из Веймара пришло известие, что если опера Луизы не прибудет туда в ближайшие же дни, то уже нельзя будет поставить ее 8-го марта (день имени великой герцогини) и им придется остановиться на чем-нибудь другом. Рукопись (вместе с переведенным текстом) должна непременно попасть в Париж прежде, нежели она будет отослана в Веймар. Луиза должна приспособить немецкий вариант к своей музыке, кое-что, быть может, придется изменить, все надо будет переписать—между тем, рукопись не только еще не прибыла в Париж—но Дон все еще не подтвердил ее получение и не ответил ни слова ни на одно из трех настоятельных писем г-жи Виардо. Но ведь эти Геркулесовы столпы...

как бы это назвать? бесцеремонность. Таким образом, бедняжка—Луиза теряет единственный случай увидеть свое произведение на сцене — ей, при ее невезении, не хватало еще этого удара!

Именем нашей старой дружбы, заклинаю вас, покажите и прочтите это письмо Дону — и если и тогда ничего не произойдет, то я, по крайней мере, буду знать, что мне думать о немецкой аккуратности, немецкой дружбе и прочем.

Больше мне нечего сказать. Будьте здоровы!

Преданный вам И. Тургенев

103

50, rue de Douai, Париж.

Вторник, 14 января 1879 г.

Дорогой Пич!

Вы дурно истолковали мое письмо. Все резкие выпады относились не к вам,— вы во всей этой истории невинны, как агнец — они относились, конечно, к Дону, которому вы должны были показать письмо. Если вы беспристрастно взглянете на вещи — вы, надеюсь, признаете, что он вел себя самым недопустимым образом. Ему бы ничего не стоило дать отрицательный ответ и вернуть рукопись. Теперь же, несмотря

на все желание великого герцога, Лассена и театральной дирекции, все дело пойдет, вероятно прахом — и Луиза, выражаясь изысканным языком Бисмарка (*vide* Буш) — получит щелчок, от которого бедняжка не оправится.

Но, довольно, *Sapienti sat*. У вас столь же мало оснований сомневаться в моей дружбе, как у меня в вашей.

Ваш И. Тургенев

104

Hotel St. Petersburg, Unter den Linden 31, Берлин.

Настоящим предоставляю писателю господину Людвигу Пичу в Берлине исключительное право ставить на немецкой сцене и в немецкой переработке написанную мною двухактную драму „Нахлебник“ и передаю ему мои авторские права на нее во всем законном объеме.

Иван Тургенев

Берлин, 18 февраля 1879 г.

105

Буживаль, Les Frènes, Chalet (Seine et Oise).

Среда, 12 ноября 1879 г.

Большое спасибо, любезнейший Пич, за ваше милое письмо и за пожелания счастья: госпожа Виардо правильно называет вас — *le vieux fidèle*.

197

Я рад, что „en gros“ вам живется хорошо; да и я не могу пожаловаться. К сожалению, все семейство Виардо либо нездоро, либо выздоравливает: один старый Виардо, несмотря на свои 80 лет, непоколебимо крепок—как гранитный утес: когда мы вместе гуляем, меня принимают за его отца.

В последнее время меня обстреливают письмами журналисты; они хотят от меня чего-нибудь нового, а у меня нет ни нового, ни старого. Хвала и благодарение господу, я больше не пишу. Я написал редактору „Tageblatt“ в Берлин, чтобы относительно перевода „Pain d'autrui“ он обратился к вам — но, во-первых, я сомневаюсь в том, что вы закончили перевод; а во-вторых, в том, годится ли драматическая вещь для фельетона. Даю вам, конечно, полную свободу—делайте с ней, что хотите. Если же этот субъект захочет заплатить, что тоже очень сомнительно—тем лучше для вас!

Жаль бедную Кати... Если увидите ее, поклонитесь и всем прочим приятелям.

В декабре я еду в Россию — разумеется, через Берлин; и уж конечно, увижу вас.

А пока будьте здоровы, всего лучшего вам желает

Ваш старый И. Тургенев

P. S. О, небо! Чуть не забыл о политике...
Вы хотите знать мое мнение об отношениях

Германии и России? Ну, вот мое мнение: и пяти лет не пройдет, как между обоими этими народами завяжется опустошительная война — и начнет Германия. Но так как я безусловно уверен в том, что умру в 1881 году (вероятно, в октябре), то для меня все это совершенно безразлично.

106

50, rue de Douai, Париж.
Понедельник, 8 декабря 1879 г.

Вот вам, почтеннейший мой друг, полное объяснение.

1) Телецкий — петербургский чиновник, ничего не смыслящий ни в сельском хозяйстве, ни в его установившейся терминологии, но он хочет и будет управлять.

2) По старому обычаю (да и теперь еще), вся возделываемая земля имения делится на три равные части; одна часть засевается рожью — вторая овсом, гречихой и т. д.—третья под паром (*en jachères*)—и каждый год их меняют. Это первобытное земледелие; держится, однако, до сих пор — и носит название трехпольной системы. К этому прибавьте лес и луга, где ксят сено — и наконец, непригодную к обработке землю (плохая, или же сады, парки; — вообще, засеянная земля).— Каждая из этих трех частей по-рус-

ски называется клином — и когда спрашивают, сколько десятин (Acker) в имении — то отвечают, сколько их есть в клину. Если, например, говорят 100, то это значит, что во всем имении приблизительно 400 десятин — 300 в трех клинах — и около 100 (таково обычное отношение) под лугами, садами, лесом и непригодной к обработке земли. — Сверх того, до самого последнего времени угодия были разделены на много отдельных частей (*terres morcelées*), и только хорошие имения обладали „круглой границей“ — т.-е. были цельными, что по-французски переведено *d'un seul tenant* — Телецкий этого, конечно, не понимает. Слово „клин“ перевели как *sol*. Стало быть, если Егор отвечает — 275 *dessiatines* dans chaque *sol* — то это значит в общем больше 800; Телецкий и этого не понимает — и затем поражен численностью десятин. Когда же дальше он говорит о земле, находящейся под паром (*en friche*), то Егор думает, что он хочет знать, сколько есть непригодной к обработке земли — и отвечает приблизительно — потому что — по патриархальному обычанию — земля эта, как необработанная, не измерялась.

Думаю, что теперь я изложил вам это также обстоятельно — как и знаменитый спор об одеколоне (помните?) и за сим, да хранит вас бог.

Ваш И. Тургенев

(Seine et Oise) Буживаль, Les Frênes.

Четверг, 11 ноября 1880 г.

Мой милый друг!

Большое спасибо за ваше письмо. Из всех далеких друзей меня поздравили только вы да одна русская девушка — ярая нигилистка. Еще раз спасибо!

С понедельника вся семья Виардо в Париже. Я здесь совсем один: хочу попробовать, не заставит ли меня одиночество взяться за работу — но вряд ли.

Здоровьем своим я доволен. Катался даже верхом, чего не случалось уже 20 лет. Ди迪 и ее муж (замечательно красивая парочка) скакали, конечно, все время впереди — я плелся за ними на грунной лошади. Ди迪 уверяет, что я походил на отставного вюртембергского генерала. Всей семье живется недурно; дети Ди迪 очаровательны. Госпожа Виардо написала музыку — кое-что превосходно. Поль с большим успехом концертировал в Испании. Марианна прелестнее, чем когда бы то ни было — но все еще не замужем.

Жаль бедного судьи — и его жены. Поклонитесь всем старым приятелям... начиная с Кати.

Я чувствую большую симпатию к этому кроткому существу—хотя, может быть, она и вправе сомневаться в этом.

А жизнь-то вообще... верна себе: сладостна для молодых и для тех, кто остается молодым—горька для старых и для тех, кто родился старым. Мне это безразлично—вы ведь, знаете, вероятно, что в начале октября 1881 года я наверное умру.—Это несомненно.

Кланяюсь вашим—и дружески жму руку вам. Стряхните же свой ревматизм! Как? Piet-schius grandiflorus, Аполлон Шпрее—и ревматизм?! Будьте здоровы!

Ваш старый друг И. Тургенев

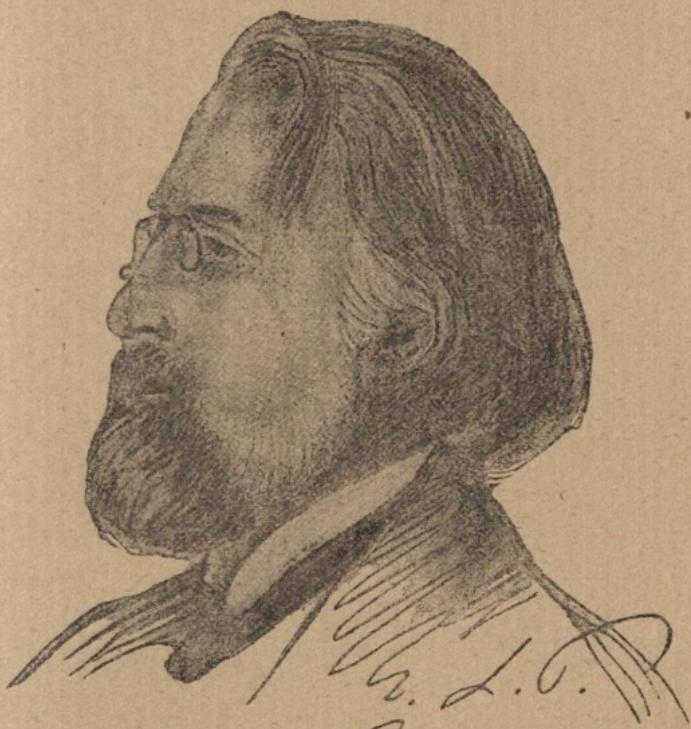
108

50, rue de Douai, Париж.
Суббота, 21 ноября 1880 г.

Мой милый друг!

Когда я вам краткости ради телеграфировал, что разрешаю вам перевести мой „Essai sur Pouchkine“, я удивлялся про себя: неужели же Пич научился и русскому языку? Потому что французского „Essai sur Pouchkine“ нет—но в мае я произнес в Москве довольно длинную русскую речь о Пушкине, по случаю открытия ему памятника.

202

Iwan Turgenjev Berlin 15. 15 Sept. 66.
E. L. C.

И. С. Тургенев

О том, чтоб эта речь была переведена на французский язык, я ничего не слыхал! Позже — в июле — она появилась в „Вестнике Европы“ в Петербурге. Как? Вы, мой старый друг и благодетель, думаете, что я мог написать хоть одну строчку на другом языке, кроме русского?! Так вы меня позорите?! Для меня человек, который считает себя писателем и пишет не только на одном — притом своем родном языке — мошенник и жалкая, бездарная свинья. Кроме того, речь эта имеет значение только для России — для иностранца в ней нет ничего интересного.

Поэтому оставим лучше этот „Essai“ в покое. Теперь я снова в Париже и в конце этого года еду в Петербург. В Берлине, конечно, повидаю вас. За сим сердечный привет!

Ваш И. Тургенев

109

Paris, 50, rue de Douai.
23 января 1881 г.

Дорогой Пич,

у меня к вам следующая просьба. Зайдите к госпоже Эккерт — и прежде всего передайте ей от меня сердечный поклон: — затем спросите ее, не нашелся ли среди бумаг ее мужа scenario

205

к большой пятиактной опере — „Мирович”? —
Дело в том, что вполне законченное немецкое scenario написано мной — и Эккерт в моем присутствии перевел с французского это (или этот scenario? — я собственно не знаю, *masculini* или *neutri generis* это слово). — Тогда он еще верил в возможность написать оперу. К сожалению, намерение его не было приведено в исполнение — и теперь эта вещь не имеет никакой цены для госпожи Эккерт. — Не будет ли она так любезна передать этот листок вам — а вы переслали бы его мне. — Я был бы вам очень признателен — может быть, из этого еще удастся что-нибудь сделать. Один мой приятель, молодой французский композитор, ищет текста для оперы и, может быть, этот Мирович покажется ему подходящим. — Вы ведь это сделаете, не правда-ли? — во всяком случае, наведите справку.

Я едва только оправился от сильнейшего приступа подагры. — Три недели я пролежал в постели и чувствую еще слабость в ногах. — Надеюсь все-таки через шесть недель быть проездом в Берлине и повидать вас, госпожу Эккерт и всех остальных друзей.

Вся семья здесь чувствует себя хорошо: все они кланяются — дружески жму вам руку и остаюсь

ваш старый (очень старый) И. Тургенев

Буживаль, Villa Les Frènes.
Понедельник, 31 октября 1881 г.

Дорогой Пич!

Сегодня высылаю Дернбургу („National-Zeitung“) французские корректурные листы моей фантастической повести. — За одно прошу его передать вам для просмотра немецкие корректурные листы... Было бы еще лучше, если бы вы взяли на себя перевод. Вещица невелика — и конечно, „National-Zeitung“ должна вам заплатить. — Что касается моего гонорара, то об этом и говорить не стоит — господин Дернбург даст мне что-нибудь или нет — в зависимости от того, как он заплатит вам.

Я останусь здесь еще несколько недель, затем поеду в Париж. Семья Виардо перекочует еще раньше. — Хочу попробовать, не удастся ли поработать в одиночестве.

Поклонитесь семье и друзьям — крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

(Seine et Oise) Буживаль, Les Frênes, —
Четверг, 10 ноября 1881 г.

Мой дорогой друг!

Только что получил я ваше письмо, и от души благодарю за его сердечность.— Теперь я здесь совсем один — все семейство вернулось в Париж — хочу попробовать, могу ли я еще работать. — Мне жаль, что не вы переводите итальянскую легенду; вещь, впрочем, незначительная. — Но обещаю вам, что, когда закончу более крупное произведение, никто, кроме вас, его переводить не будет.

Месяц тому назад я послал Юл. Шмидту роман Толстого, но не знаю, получил ли он его и прочел ли? — Может быть, он ему совсем не понравился? — Во всяком случае, спросите его об этом и, если возможно, прочтите сами. Мое суждение о нем непоколебимо: это грандиознейший современный эпос. — Перевод, к сожалению, очень слаб... Женская и любительская работа!

Сегодня я получил поздравительную телеграмму от общества немецких и русских художников: узнаю в этом вашу руку. Но то, что относится уже не к вашей руке, а к вашей руко-

писи, т. е. почерк ваш стал чудовищно неразборчив! — Что, бога ради, должны обозначать эти каракули: ¹⁾ название улицы в Брюсселе, на которой живет ваша дочь?! — Пришлите мне разгадку этих иероглифов — возможно, что еще в этом году я на неделю поеду в Голландию — тогда я, конечно, буду проездом в Брюсселе и повидаю вашу прелестную Марию.

Поклонитесь семье и приятелям. — Крепко жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

112

Париж, 50, rue de Douai, —
19 ноября 1881 г.

Дорогой Пич!

У меня к вам следующая просьба! Как вы знаете, я послал редактору „National-Zeitung“, по его желанию, корректурные листы французского перевода моей итальянской повести — немецкий перевод должен был появиться 15-го ноября. Но, оказывается, до сих пор ничего не появилось, а господин редактор даже не сообщил мне, получил ли он повесть. Вероятно, он нашел ее не подходящей; да мне и

¹⁾ Следует нечто неразборчивое.

безразлично, переведена она или нет; но появился другой субъект из Петербурга и просит разрешения на перевод. — Я ответил ему, что уже дал другому такое разрешение — (N.B. Собственно говоря, переводчик вовсе не нуждается в этом, — и каждый свободно может переводить эту вещь с французского на немецкий). А так как еще ничего не появилось в печати, то он вправе с божьим благословением поступать, как ему вздумается. — Сделайте милость — сообщите всю эту историю господину редактору „National-Zeitung“, если вы вообще считаете — que le jeu vaut la chandelle.

Вот уже несколько дней, как я снова в Париже. — Всему семейству живется сносно — мне тоже. Дружеский поклон от

Вашего И. Тургенева

113

50, rue de Douai, Париж.
3/15 февраля 1882 г.

Carissime Пич!

Со мной приключилось нечто весьма забавное — должен вам об этом рассказать. — Получаю я недавно январский номер „Magazin für die Literatur des Auslandes“ — со статьей господина Бира о моей ничтожной особе. — (Прилагаю ее). — Оказывается, что вся аргументация остро-

210

умного и глубокомысленного критика — (который считает, что выявил мне самому неизвестную сущность моей писательской деятельности) — основывается на том — чего я никогда не писал. — А именно — на рассуждении, привешенном к концу повести — „Первая любовь“ — и написанном из соображений морального свойства моим французским переводчиком (между нами: Виардо)... в подлинном русском издании и следа этого нет. — Я не протестовал. Может быть, это следовало сделать, — но вы ведь знаете, как мало я заботусь о моих вещах после их опубликования. — К сожалению, это постороннее рассуждение — и на этот раз уже определенно против моего желания — перешло и в немецкий перевод. — Вы, конечно, знаете, как мало свойственны мне такого рода заключения... Все эти дополнительные умствования и запоздальные размышления напоминают мне кудахтанье курицы после того, как она снесла яйцо — они совершенно бесполезны и только сбивают с толку читателя. Но какой великолепный образчик глубокомысленных критических кривотолков! — Такое не каждый день встретишь.

Как вы думаете, стоит ли сообщить обо всем этом редакции „Magazin“? Хотя бы для того, чтобы попросить немецких читателей игнорировать этот назидательный хвостик?

Здесь все идет хорошо. — Со дня на день
ждем разрешения Марианны. — В конце апреля
я выезжаю из Парижа в Берлин, где, конечно,
увижусь с вами. — А пока поклонитесь семье и
друзьям и примите сердечное рукопожатие
от вашего И. Тургенева

114

Париж, 50, rue de Douai.
Суббота, 6 мая 1882 г.

Дорогой Пич!

Я заболел, лежу — но не в Лондоне, а попросту в Париже, откуда и не выезжал. — Болезнь моя неизлечима (*Angina pectoralis*, осложненная подагрой). Я здесь в хороших руках — но твердо знаю все, на что могу надеяться: может быть, я не всегда должен буду лежать, может быть даже — при улучшении — я смогу и сидеть; но о том, чтобы ходить, стоять (не говоря уже о том, чтобы всходить по лестнице) — и речи быть не может. Одно плечо мне уже искарили *pointes de feu* — завтра это возобновится — но лишь принципа ради. Надежды на выздоровление нет. — Со мной, как с личностью, все кончено; а тело может еще немного побарахтаться.

Ни о каком путешествии, конечно, больше и речи нет. Я буду рад увидеть вас и дочь вашу здесь.

212

Недель шесть тому назад я написал вам длинное письмо с вырезкой из журнала. Вероятно, вы не получили его — ведь, обычно вы ... ¹⁾ корреспондент.

Кланяюсь вашим и приятелям — и остаюсь душевно преданный вам И. Тургенев

115

50, rue de Douai.
Понедельник, 22 мая 1882 г.

Pietschio carissime!

Госпожа Виардо только что сказала мне, что господин Фойгтлендер не привез с собой фрака; но здесь в Париже никак нельзя появиться не во фраке не только на какой-нибудь soirée — но и в некоторых театрах (как Grand Opéra или Théâtre Français), особенно же немцу. — Не обманывайте себя: ненависть здесь еще очень велика. Но зато здесь так легко и дешево взять на прокат отличный фрак (и брюки)! Поль укажет вам, где. Я считал нужным предупредить вас.

До скорого свидания

ваш И. Тургенев.

¹⁾ Неразборчивое слово: *heiliger?* (святой).

(Seine et Oise) Буживаль, Les Frènes.
30 июля 1882 г.

Милый мой друг!

Вот, что могу ответить на ваше теплое и сердечное письмо. Болезнь моя определилась, как хроническая — и ни один врач не может сказать мне, сколько она протянетсѧ.— К сожалению, и я должен с ней сжиться.— Ходить и стоять я могу лишь очень недолго—не больше пяти минут (и то лишь с помощью машинки, которую мне приставляют к левой clavicule—как это по-немецки?); иначе боль делается очень неприятной. Кроме того я ощущаю постоянную рвущую боль, похожую на зубную, в правой лопатке; ночью обыкновенно она становится невыносимой—и я принужден прибегать к вспрыскиваниям опиума. Но аппетит у меня хороший и лихорадки нет. Только самое короткое время могу я выносить сотрясение при езде; больше того—при письме. В результате: ни о работе, ни о поездке и думать нечего — и так может тянуться годы. Предоставляю решать вашей проницательности, может ли жизнь при таких обстоятельствах казаться особенно привлекательной.

Завтра нас покидает Марианна с мужем и ребенком; через несколько дней и Клавдия с семьей. Они вернутся только через шесть недель: — пока в Буживале останутся одни старики. Погода все еще отвратительная.

Дружеский поклон всем вашим и прочим друзьям. — Cordialiter жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

117

(Seine et Oise) Буживаль, Les Frénes
Воскресенье, 17 сентября 1882 г.

Любезный Пич!

Получил ваше письмо из Стокгольма и немедленно сообщил его содержание семейству Виардо. Оно постепенно начинает съезжаться; вчера вернулась Марианна с мужем: скоро приедет Клавдия со своей семьей. Все бодры и здоровы; — и мне тоже лучше — выпиваю двенадцать стаканов молока в день, — что к сожалению делает меня еще нравственнее, чем я был по природе. О большей подвижности тела пока, конечно, и думать нечего — я все еще представляю собой неподвижное „нечто“ — „le patriarche des Mollusques“. В Париж поеду только в конце октября; один бог знает, что со мной будет дальше! После долгого бездействия я написал

короткий и достаточно безумный рассказ. Я еще не перевел его госпоже Виардо — так что не знаю, удачен ли он.

Надеюсь, и вы, и все ваши здоровы. Стали ли вы уже дедом?

Дружеский поклон всем приятелям, а вам крепко жму руку.

Ваш И. Тургенев

118

(Seine en Oise) Буживаль, Les Frênes.
Воскресенье, 8 октября 1882 г.

Дорогой друг!

Мой новый рассказ появится в Петербурге, в „Вестнике Европы“ — 1/13 января 1883 года; одновременно и в Париже в „Nouvelle Revue“ появится французский перевод его. За неделю до этого — стало быть, 5-го января, вы получите в листах французскую корректуру; за перевод, таким образом, можете взяться тотчас же. Рассказ имеет приблизительно пятьдесят (печатных) страниц. Только от вас зависит, что с ним сделать. Мне не нужно никакого гонара.

Здесь собралось теперь все семейства Виардо; и стар, и млад, все здоровы и жизнерадостны. Здоров и я: — только то, что ни стоять, ни ходить, ни выезжать не могу — и совсем

обратился в неподвижную устрицу. Но я не испытываю болей (при условии неподвижности!), сплю ночью довольно спокойно—и потому доволен. „Ясная безутешность”—вот больше, чем когда бы то ни было, мой девиз. Чего еще хотеть такому старику, как я?

Остаюсь здесь до конца ноября,—О дальнейшем и не думаю.

Кланяюсь всем вашим и приятелям — сердечно жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

119

(Seine et Oise) Буживаль, Les Frènes.
Четверг, 19 октября 1882 г.

Дорогой друг!

Вот ответ на ваш вопрос—в рассказе моем, озаглавленном „Nach dem Tode“¹⁾ (но до появления его в печати в России это должно оставаться тайной) 48 страниц „Revue des deux monds“ (45 строк в странице—50 букв в строке). Сообразуйтесь с этим. Надо надеяться, что французскую корректуру вы получите 20-го декабря; до 15-го января немецкий перевод не должен появляться. Все это *conditiones sine qua*

¹⁾ Клара Милич.

поп выставленные моим русским издателем — и от точности их исполнения зависит выплата гонорара. Итак: *cave canem!*

Поздравляю с „счастливым“ летом — и желаю вам, чтоб так продолжалось и впредь. Вся семья здоровья и кланяется.

Крепко жму вам руку.

Преданный вам И. Тургенев

120

Париж, 50, rue de Douai.
Пятница, 8 декабря 1882 г.

Дорогой Пич!

Посылаю вам тщательно просмотренные корректурные листы моего рассказа. 15-го января он появится в Петербурге и в Париже. — Таким образом, у вас для перевода достаточно времени. — Две „*conditiones sine qua non*“ следующие: — 1) Немецкий перевод не должен появляться до 15 января. — 2) Содержание, заглавие и т. д. вашего перевода вы должны держать в тайне. Во всем прочем перевод в полном вашем распоряжении. — „*Berliner Tageblatt*“ запрашивал меня об этом. — Я направил редакцию к вам.

Здесь все благополучно; оратория Дювернуа „Сарданапал“ имела большой успех. — Я все еще не могу ни ходить, ни стоять — но в общем

здрав.—Кланяюсь вашим и друзьям.—Сердечно
жму вам руку.

И. Тургенев

P. S. Известите меня двумя словами о полу-
чении корректурных листов.

121

Париж, 50, rue de Douai.
25 декабря 1882 г.

Дорогой Пич!

Вы правы, я сделал большую ошибку со стереоскопом.— В оригиналe этого теперь, к сожалению, исправить нельзя. — Но в переводе вы легко можете это сделать. Например, вместо того, чтоб самому изготавлять стереоскопический снимок, Аратов может раздобыть его у фотографа — (Клара артистка, и могла сняться в Москве — в той же позе, что и на фотографии) или же сестра, вместо фотографии, дает Аратову стереоскопический снимок. — Даю вам, как говорится, *carte blanche*.

Что касается листков из дневника — то это длинная история. — За последние четыре года я не написал ничего значительного или длинного, но набросал на отдельных листках целый ряд маленьких стихотворений в прозе (ведь, к сожа-

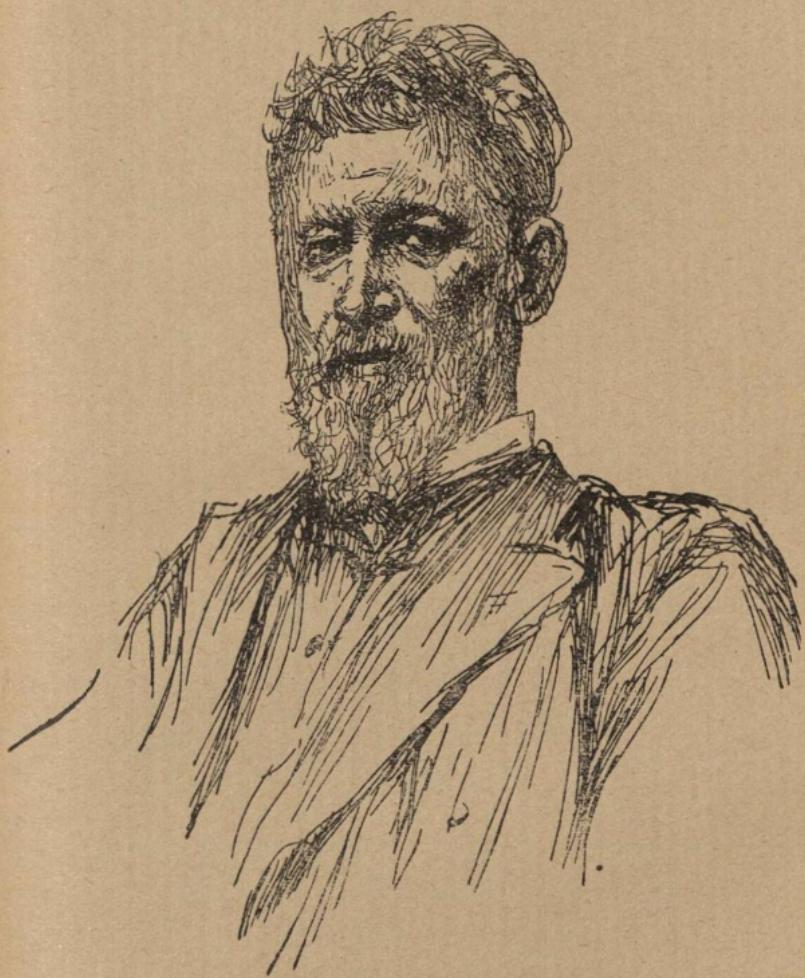
219

лению, я не поэт). — О напечатании их я никогда не думал.— Но до моего русского издателя дошли какие-то слухи о них — и он убедил меня уступить ему для его журнала около пятидесяти этих *Senilia* (таково, собственно, их название), конечно, строжайшим образом очистив их от всего личного и автобиографического.— Около тридцати из них были— с помощью госпожи Виардо — переведены на французский и появились здесь в „*Revue politique et littéraire*“.— Вижу, что „*Petersburger Zeitung*“ дает их перевод. Я никогда не придавал им особенного значения и мало говорил о них.— Эти маленькие наброски годятся лишь для немногих; — для широкой массы — особенно в России — они трывн-трава.— Если хотите, могу послать вам французский перевод — он, по крайней мере, очень точен. Собственно говоря, это ничто иное, как последние тяжкие вздохи (вежливо выражаясь) старика.

Со мной все по старому — только небольшое ухудшение за последние дни.— Жаль мне, что и вам, сияющему юношеству, приходится вкусить горького плода старости.— Но я от всего сердца радуюсь вашему семейному счастью.

Всем моим живется здесь хорошо; а это главное.— Шлю привет и пожелания счастья к новому году! Жму вам руку. Будьте здоровы!

Ваш И. Тургенев

Людвиг Пич

Париж,—23 февраля 1883.
50, rue de Douai.

Любезный Пич!

Моя старая болезнь очень ухудшилась; я даже не могу сам писать. Операция, хотя и болезненная, не может этому помочь. Мне вырвали не абсцесс из внутренностей, но опухоль (неврому) из живота, и на этом месте красуется теперь изящный рубец в 16 см длины. Но моя старая болячка, нервные судороги в груди, в полной силе. Постоянно ощущаю боли. Я не могу ни ходить, ни стоять, ни ездить, ни спать, ни писать. Великолепная перспектива!

Мне от души жаль, что и вам приходится возиться с убогим. (Фрейлейн Арнгольт, впрочем, утверждает, что такого слова — „*Gebreste*“ — на немецком не существует). В старости чувствуешь шип розы, которую в юности сорвал или не успел сорвать. Терпение! кричу я вам, как кричу это самому себе. Это горькое зелье, впрочем, так же целебно, как и прочие лекарства.

Что касается моих „Стихотворений в прозе“, то в Лейпциге у Дункера вышел их перевод, сделанный В. Генкелем и озаглавленный „*Senilia*“. — Перевод довольно верный, но, конечно,

не без неизбежных ошибок. На первой же странице о лошадях сказано, что они „ржут”, вместо „фыркают и жуют” — но повторяю, это ведь неизбежно.

Право, вы должны бы были послать мне экземпляр вашего перевода „Nach dem Tode”; ну, да это неважно.

Жаль, что умер Дом. Вагнер покончил с жизнью при первом же приступе неизлечимой болезни — и это только лишний раз подтверждает его неизменное счастье. Я знаю людей, завидующих ему.

Всему здешнему семейству живется, слава богу, хорошо, а это самое главное.

Поклонитесь семье и друзьям и выздоравливайте поскорее — жму вам руку.

Ваш И. Тургенев

P. S. Господин Тургенев заставил меня заключить слово „Gebreste” в ковычки, так как я сказала ему, что не знаю такого выражения.

Дружеский привет Г. Арнгольт

**ДВА ПИСЬМА ПОЛИНЫ
ВИАРДО К ЛЮДВИГУ ПИЧУ**

1

Les Frènes.
8 сентября 83 г.

Ах, друг мой, слишком, слишком много страдания для одного сердца! не понимаю, как мое еще не разорвалось! Наш горячо любимый друг совершенно потерял сознание, почти за два дня до смерти. Он не страдал — жизнь медленно остановилась, после двух вздохов — мы все были возле него — он умер, не приходя в сознание, как мой милый Луи.

Величественное спокойствие смерти снова сделало его прекрасным. В первый день брови его еще были сдвинуты судорогой страдания, что, при неподвижности лица, придавало ему выражение строгости и энергии. Но на второй день он снова стал нежным и добрым — в иные минуты казалось, вот-вот улыбнется... Боже мой, какая мука!

С него сняли маску и сфотографировали его — если карточка будет удачной, я пошлю вам ее.

Религиозный обряд был совершен вчера в русской церкви. Было много любопытных, но мало друзей, так как парижское общество теперь в отъезде. Тело перевезут в Россию через несколько дней. Он выразил желание быть погребенным в России рядом со своим другом Белинским.

Врачи предполагали, что состояние больного еще сможет продлиться некоторое время, но почти внезапный упадок сердечной деятельности привел в несколько минут к концу.

Пожалейте меня, дорогой друг, сохраните мне всю вашу дружбу; мне так необходима поддержка и нежность моих друзей.

Полина Виардо

Это я послала вам телеграмму.

Две недели тому назад я потеряла моего племянника Мануэля. Теперь я в трауре до конца моей жизни!

2

23 сентября 83 г.
Les Frères.

Мой дорогой друг,

в Висбадене ли вы еще? надеюсь, теперь вы уже в Берлине: через несколько дней на

Берлин повезут в Россию тело незабвенного друга; мои милые сыновья Георг и Альфонс встретят его в Берлине и проводят от Кенигсберга до Петербурга. Мне было бы приятно, если б вы находились в это время в Берлине и позаботились бы о них в те дни, что они проведут там. Протелеграфирую вам до того.

Ах, друг мой, как тяжело мне становится жить! Я словно песчинка в море! Так одинока, так печальна, так несчастна! так бесконечно одна! Дети мои так добры и ласковы со мной, что я прилагаю огромные усилия и скрываю от них свое горе — это очень больно — я томлюсь по одиночеству с моим дорогим мертвцем — и когда я совсем одна, тогда я предаюсь горькой сладости воспоминаний — и это тоже страшно больно! но тогда я становлюсь собой, тогда я чувствую, как крепко связывают меня еще с жизнью те, кого я люблю! я ничем не могу заняться — беру книгу и не понимаю, что читаю, я не могу заниматься композицией, мысли исчезли, ничто не интересует меня — мне хотелось бы видеть вокруг только старые знакомые лица — но не эти молодые и счастливые. Если у вас будет случай приехать в Париж, не забудьте навестить вашего бедного печального друга.

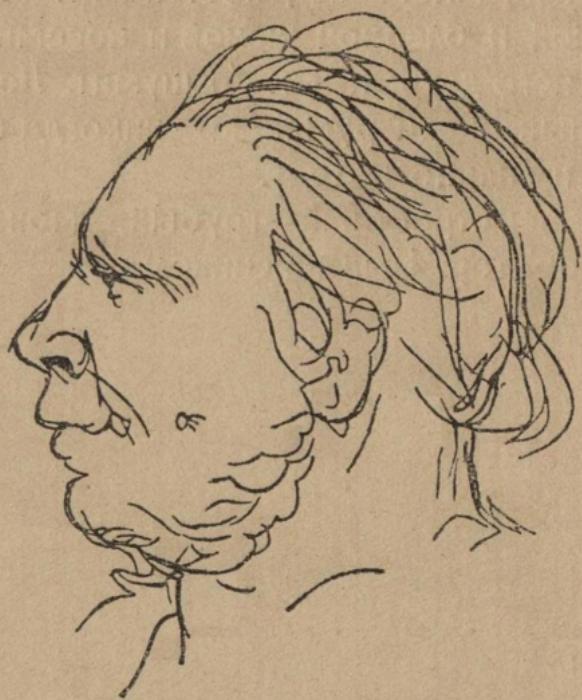
В России идут большие приготовления к достойной встрече Тургенева. Вам бы следовало

проехать туда вместе с моими сыновьями. Куда направить это письмо? во всяком случае, посылаю в Берлин.

Прощайте, друг мой — не забывайте меня.

Полина Виардо

ИГРА В ЗАГАДОЧНЫЕ КАРТИНКИ

1. 20 июля 1863 г.

1) При большем образовании, чем то, что он получил, он мог бы стать великим героическим актером; в случае народных мятежей, опасный оратор с почти поэтическим вдохновением и такой же суровой резкостью.

2) Нотариус — дерзок — неприятен, в обычной жизни неряшлив и груб, много ест и пьет.

3) Англичанин — рабочий, сангвиник, могучего сложения, много animal spirits, умный ремеслен-

ник, отважен, много ест, пьет и спит—обладает болезненной и бледной женой и восемью похожими на него детьми; много шумит. Лоб у него очень белый, щеки румяные — никогда не носил перчаток и сильно потеет.

4) Человек страстный—грубый,—может быть, хороший оратор. Был мясником.

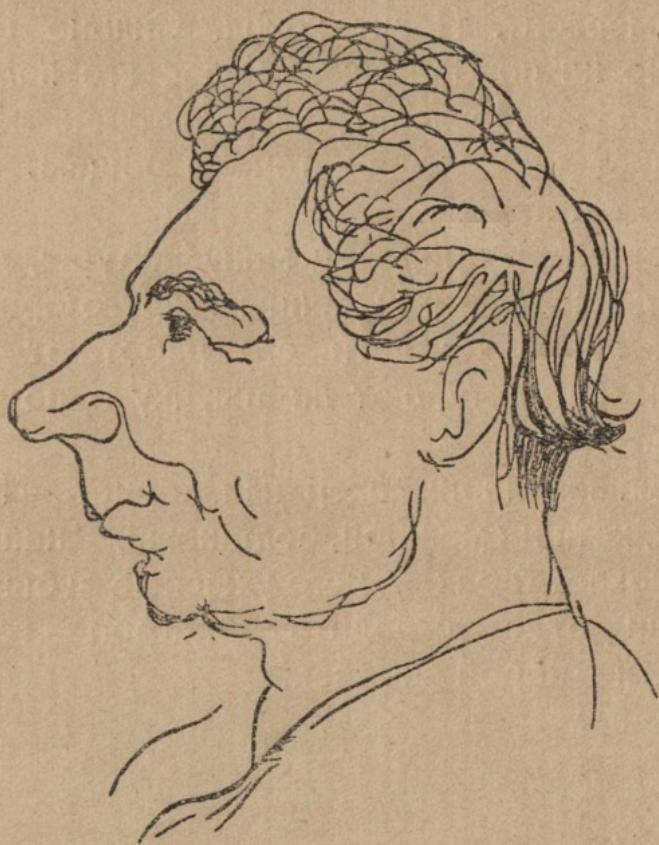
2. 20 июля 1863 г.

1) Старый учитель, играет немного на скрипке, не то никак не мог жениться, не то был женат на драконе, старшем, чем он сам; детей нет; жалок и робок, затерт, но добродушен и приветлив, скуп.

2) Зол — неопрятен — скуп; умен — образован; старый ученый.

3) Скупец — мелочен во всем — эгоист. — Чем бы он ни занимался, это ростовщик. Его избегают, и потому он живет один. Подозрителен — недоброжелателен — скверный человек.

4) Школьный учитель или пономарь, от нищеты впавший в идиотизм. — Слишком долго и слишком сильно голодал. — Та же нищета помешала развиться заложенным в нем низким страсти. — Скуп и развратен — завистлив и нескромен. — Любит красивые церемонии и службу с архиепископом.

3. 20 июля 1863 г.

- 1) Чиновник — глуповат, нюхает табак — пьет
- 2) Превосходный парень! Несколько ограничен, но обладает прекрасным характером. Галантный поклонник женщин, часто надоедающий им своей настойчивостью. Он мог бы быть

средним комическим актером, но, может быть, он коммерсант. Носит хохол. Сильно потеет, особенно на подбородке.—Голос его полон сопрано. Холост. По манерам вульгарен, хотя и претендует на высший тон. В общем, очень счастлив — и любим.

3) Вероятно, продавец мануфактуры, добродушен, с очень ограниченным кругозором. Но в делах пройдоха; дети его работают в его деле или же поступают на выучку в позументный магазин.

4) Бывший парикмахер или хорист. — Милый человек, хотя и смешной, болтливый, — напыщенный —нюхает табак, у него ужасные зубы; страдает или будет страдать подагрой — говорит сальности — порой забавен.

ПРИМЕЧАНИЯ

2 *). Письмо вызвано смертью младшей дочери Пича — Гедвиги, скончавшейся от дифтерита.

Луиза: — старшая дочь Полины Виардо, жена генерального консула Эритт (Héritte) в Южной Африке, брак с которым оказался впоследствии весьма несчастным. Воспоминания Луизы Эритт-Виардо о Тургеневе были напечатаны в газете «Фигаро» от 18 ноября 1922 г. под заглавием «Une famille de grands musiciens». Отрывок из этих воспоминаний помещен в переводе в сборнике «Тургенев и его время», I, 311 — 312. В одном из своих писем к Фету — от 4 февраля 1870 г. — Тургенев дает характеристику этой старшей дочери Виардо (Фет, «Мои воспоминания», II, 211 — 212), он снова пишет о ней Пичу в письме от 28 января 1876 г. (№ 95).

Большое произведение: «Дым».

Небольшой эскиз: «Призраки», напечатанные в 1 — 2 кн. «Эпохи» 1864 г. (цензурное разрешение книжки 20 марта 1864 г.). См. Н. К. Пиксанов, «История призраков». «Тургенев и его время», I, 164 — 192.

3. Вернэ: вероятно Виктор Вернэ, артист французской труппы в Петербурге (1797 — 1873).

4. Рейтер, Фриц: немецкий писатель (1810 — 1874), автор романов и рассказов на различных народных диалектах Германии.

Госпожа Анштетт: квартирная хозяйка Тургенева в Бадене.

*). Цифры обозначают нумерацию писем.

Коневка: известный художник-силуэтист.

Боденштетовский перевод: «Рассказы Тургенева» в переводе Боденштета (т. I, 1864).

Постройка дома: дом Тургенева в Баден-Бадене, Тиргартенштрассе, 3.

5. Дочь Тургенева: Пелагея (впоследствии Полина Брюйер), рожденная 26 апреля 1842 г. от связи молодого Тургенева с вольнонаемной белошвейкой Евдокией Ермолаевной Ивановой. Благодаря г-же Виардо была перевезена 8 лет во Францию, где получила образование и вышла замуж. См. Н. М. Гуттляр, «Тургенев и его дочь Полина Брюэр». — «Ив. Серг. Тургенев», Юр. 1907, гл. V, стр. 117—129.

6. Менцель: Адольф-Фридрих, знаменитый живописец.

7. Коссак, Эрнст: берлинский критик и фельетонист.

8. Беназет: арендатор игорного дома в Бадене.

Поль, Лаллеман: баденские журналисты.

Аглая: Оргени, ученица Полины Виардо, примадонна Берлинской оперы, впоследствии преподавательница пения в Дрездене.

Бегас: Рейнгольд, скульптор, сын известного исторического живописца Карла Бегаса.

9. Подарок к 9-му ноября: ко дню рождения Тургенева.

Фрейлейн фон-Пелльниц: ученица Полины Виардо.

Лирические переводы: из Пушкина и Лермонтова.

10. Большой роман: «Дым».

Шторм, Ганс-Теодор: известный немецкий писатель (1817—1888).

Корнелия Мейербер: дочь композитора, с 1866 г. в замужестве за художником Густавом Рихтером.

11. Гетзель: крупный парижский издатель, выпускавший и переводы произведений Тургенева.

13. Шредер (Мария) и Деконэ: ученицы П. Виардо; первая, под фамилией Шредер-Ганфтенгель выступала впоследствии в Штуттгарте и Франкфурте.

Это дело: речь идет о проекте конституции с парламентом, избранным всеобщим голосованием.

Петербургская история: покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. Под «мужиком» имеется в виду объявленный в III отделении «спасителем царя» мелкий петербургский обыватель — Комиссаров.

Небольшая повесть: вероятно «История лейтенанта Ергунова».

15. Редер: директор Берлинской оперы.

17. Фрейлейн Маркс — владелица Баден-Баденской читальни.

18. Экземпляр рассказов: «Рассказы Тургенева» в переводе Боденштета (Мюнхен, 1864—1865).

20. Доктор Шмидт: Юлиан Шмидт, известный историк литературы, один из немецких друзей Тургенева; вызвал в свое время некоторыми статьями резкую полемику со стороны Лассалля. Главнейшие труды Шмидта «Geschichte der deutschen Litteratur von Leibnitz bis auf unsere Zeit» и «Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit» (1870—1877). Шмидт считал Тургенева «величайшей поэтической силой нашего времени» и посвятил ему ряд исследований: «Iwan Turgenjew» («Preussische Jahrbücher» 1868, XXII); «Turgenjew und Pisemsky» («Charakterbilder aus der Zeitgenossischen Litteratur», 1874, IV); «Iwan Turgenjew» («Westermans Monatshefte», 1877, X, том 11; «Der russische Nihilismus und Iwan Turgenjew» («Preussische Jahrbücher» 1880, IV). Одна из этих статей появилась в русском переводе в сборнике «Иностранный критика о Тургеневе». Спб., 1884, и перепечатаана в юбилейной критической антологии П. П. Перцова «О Тургеневе», М. 1918.

22. Оперетки: заглавия опереток Тургенева и Полины Виардо — «Trop de femmes», «Le dernier sorcier», «L'Ogre» (заглавие четвертой пока не установлено). Немецкий перевод «Последнего колдуна» помещен М. О. Гершензоном в «Русских Пропилеях», III. См. также в нашей работе: «Театр Тургенева» (П., 1924), гл. VII: «Либретто комических опер».

Диди: (Клавдия) дочь Полины Виардо и Тургенева (как это явствует из 80-го письма к Пичу), впоследствии замужем за Шамеро. Тождественность Диди и Клавдии устанавливается письмом Тургенева к Ю. Ф. Абазе от 18 апреля 1875 г., в котором между прочим говорится о г-же Виардо: «...sa famille s'est accrue par la naissance d'une petite fille — la fille de Claudio, mariée à M-r C. Chamerot». «И. С. Тургенев» (изд. Центрархива), 1923, стр. 42.

Desirréé: знаменитая бельгийская певица Дезире Арто, выступавшая впоследствии в Берлине и Париже.

24. Леснард: относится к постановке опереток.

Абекен: один из высших чиновников прусского министерства иностранных дел; по свидетельству Пича, Абекен получил во Франции прозвание «la plume de Bismarck». О нем также в письме 34.

25. Обатома: книга Пича, «Aus Welt und Kunst» (1866).

Фрейтаг: Густав, знаменитый немецкий драматург и романист (1816—1895).

26. Поль де Сен-Виктор: один из замечательнейших французских стилистов, автор книг «Hommes et Dieux», «Les deux masques», «Barbares es bandits» и др. Некоторые из этих работ переведены на русский язык, а наиболее известная его книга переведена Максимилианом Волошиным («Боги и Люди», М., 1914).

Штар — немецкий писатель (1805—1876).

27. Гейзе: Пауль, знаменитый немецкий писатель; по свидетельству Пича, Гейзе был горячим поклонником Тургенева и выступал с восторженными статьями о нем задолго до признания русского писателя немецкой читающей публикой.

29. Лессинг: Карл-Фридрих, известный пейзажист и автор исторических картин. См. о нем также в письме 35.

История литературы Шмидта: «Geschichte der deutschen Litteratur seit Lessings Tod» (1865—1867).

30. Кракамиче: главный персонаж оперетки Тургенева «Le dernier sorcier».

Эккерт: Карл, берлинский придворный капельмейстер, приятель семьи Виардо.

Лейтенант: «История лейтенанта Ергунова».

Эккарт: вероятно Юлиус ф. Эккарт, издатель «Рижской газеты».

33. Мое предисловие: речь идет о предисловии к роману Ауэрбаха, «Дача на Рейне». Оно появилось в «Вестнике Европы» 1868 г. и перепечатано в полн. собр. соч. Тургенева. Вскоре после смерти Тургенева Пич заявил в печати, что это предисловие было написано им, Пичем, и только переведено на русский язык Тургеневым. Заявление это встретило энергичные протесты со стороны Стасюлевича, напр. («Вестн. Европы», 1884, V, 419—424), и не было принято. Письма Тургенева к Пичу вполне подтверждают правильность утверждения немецкого критика.

Фрейлейн Буссе—ученица Полины Виардо, в замужестве Рютгер.

Кауэр: ветоятно Карл Каэр, один из членов известной семьи скульпторов из Крейцнаха.

Поль: Рихард, музыкальный критик, редактор курортного листка в Баден-Бадене.

Марианна: третья дочь госпожи Виардо, впоследствии концертная певица и композиторша.

Статья Шмидта: появилась под заглавием «Iwan Turgenjew» в «Preussische Jahrbücher», 1868, т. XX; перепечатаана в книге Пича, «Bilder aus dem geistigen Leben», 1870.

35. Рифсталль: Вильгельм, берлинский пейзажист.

Вольтман: Альфред, историк искусства, профессор политехникума в Карлсруэ.

Рассказ: «Несчастная».

36. Кавелин: Константин Дмитриевич (1818—1885), известный публицист и ученый.

Анненков: Павел Васильевич, ближайший друг Тургенева и его неизменный литературный советник. См. Н. М. Гуттар, «Тургенев и Анненков». — «Ив. Серг. Тургенев»,

Юр., 1907, гл. XVI, стр. 347—368.—Н. Клевенский, «Литературные советники Тургенева». Сборн. «Творческий путь Тургенева» под ред. Н. Л. Бродского, П. 1923, 226—243.

Ханыков: Николай Владимирович, известный ориенталист (1822—1878).

Рассказ: см. прим. к письму 35.

Беседа с Ауэрбахом: см. прим. к письму 33.

37. Начало письма перечеркнуто и не поддается чтению.

Oder pour le roi de Prusse:—слова перечеркнуты Тургеневым.

38. «Breslauer Zeitung»: на полях исправлено Людвигом Пичем на «Schlesische Zeitung».

40. Лассен, Эдуард: композитор, придворный капельмейстер в Веймаре.

Речь Вирхова: повидимому, речь, произнесенная 1-го декабря 1868 г.

Неистовый: издатель Конрад Бере.

Der Bien muss: повидимому, неправильно разобранная немецким редактором фраза.

41. Путешествие: в Афины и Константинополь.

44. Septemberabend: заглавие одной из статей Людвига Пича.

45. Nouvelles moscovites: французское заглавие сборника рассказов Тургенева.

47. Штанговские фельетоны: написанные Пичем, путевые статьи о Константинополе и Афинах во время поездки, устроенной Штанговским Обществом Путешествий. В 1870 г. появились отдельной книгой под заглавием: «Orientfahrten».

48. Госпожа Пич: Мария Пич, жена тургеневского корреспондента, который в это время находился в Египте, при открытии Суэцкого канала.

50. Старый Девриен: Эдуард, директор придворного театра в Карлсруэ с 1852 по 1870 г.

Верлат: бельгийский живописец, жанрист (1824—1890).

Левальд: берлинский адвокат, см. письмо 52.

-
-
51. Дом: Эрнст, главный редактор юмористического журнала «*Kladderadatsch*».
53. Повесть: «Степной король Лир».
54. Рафф: Иоахим, композитор, впоследствии директор французской консерватории.
55. Мюллер-Штюбинг: друг Тургенева со времени его юношеского пребывания в Берлине. Ему Пич обязан знакомством с Тургеневым. См. «Как я стал писателем», I, 199.
57. Кати: жена капельмейстера Эккерта, см. письмо 30.
58. Супруг Лукки: барон фон-Раден, муж артистки с 1865 г.
61. Микобер: герой диккенсовского «Давида Копперфильда».
63. Памятник Шиллеру: работы Рейнгольда Бегаса, открытый в 1871 г.
64. Повесть: «Вешние воды».
65. «Младший ребенок», см. письмо 64.
66. «Звонко поющая повесть» — см. письмо 64.
67. Реньо: французский исторический живописец.
69. Падилла: знаменитый баритон, муж Дезирэ Арто.
70. Античный раскрашенный флакон из терракотты в виде маленького сфинкса, восхищавший Тургенева.
72. Господин Поль: см. прим. к письму 34.
- Поль — сын Полины Виардо, известный скрипач и композитор.
- Корнелия Рихтер: см. прим. к письму 10.
- Новая коротенькая повесть: «Конец Чертопханова». См. «Rev. de deux Mondes», 1872, XII.
77. Вертгемштайн и Гартман: видные представительницы венского общества.
78. Граф Строгонов: вероятно Сергей Григорьевич, член государственного совета (1794—1882).
- Дочь: Мария Пич, впоследствии жена художника Людвига Фойтлендера.
- Любке: известный историк искусства.

79. Кауэр: см. прим. к письму 33.

81. Диаз: французский живописец из школы Рарбизонцев.

Мануэль: Гарсиа, брат Полины Виардо, известный певец и преподаватель пения.

По свидетельству Пича, «в начале 70-х годов новая страсть развилась у Тургенева, страсть, которая проявляется при продолжительном пребывании в Париже более, чем где-либо,— к собиранию коллекций картин и мелочей. Он сделался одним из постоянных посетителей отеля Друо и магазинов мелких артистических вещей в Париже. Его небольшая квартира скоро наполнилась отборными произведениями старой голландской и современной французской живописи, в особенности великих пейзажистов Диаза и Руссо. Коллекция бронзовых и фарфоровых вещиц из Китая и Японии каждый год пополнялась новыми дорогими экземплярами». («Иностранная критика о Тургеневе», 84).

86. Мейрер: вероятно берлинский художник, преподаватель берлинского училища прикладного искусства.

87. Гирембский: вероятно Gierymski, польский художник, скончавшийся 16 сентября 1874 г. в Рейхенгалле.

88. Повесть Шторма: «Waldwinkel» появилась в «Deutsche Rundschau», 1874, октябрь.

Харламов, Алексей Алексеевич, русский художник-портретист, живший с 1870 г. в Париже; Тургенев высоко ценил его и даже считал «величайшим современным портретистом». Харламову принадлежит один из известных портретов Тургенева.

95. Маленькая вещица: рассказ «Часы».

96. Война: между Россией и Турцией.

Мангарт: исследователь немецкой народной поэзии.

98. Короткий рассказ: «Сон», напеч. в «Новом Времени», 1877, №№ 1—2.

Роман: «Новь».

99. Фрейлейн Герстер: Этелька, ученица г-жи Виардо: после недолгого пребывания на оперной сцене—известная преподавательница пения в Берлине.

100. Я слишком подавлен: началом русско-турецкой войны, к исходу которой Тургенев относился пессимистически.

Ваша книга: изданная Пичем в 1878 г. в Лейпциге книга «Марокко».

101. Мой «Сон»: речь идет не о рассказе Тургенева под этим заглавием, а об одном из «Стихотворений в прозе», очевидно «Конце света» с подзаголовком «Сон». По свидетельству Пича, речь идет о рассказе, напечатанном впоследствии в «Senilia». — «Многие даже из ближайших его друзей не знают, что в это время, когда Тургеневым все более и более овладевала старческая тоска, он написал много поэтических видений, воспоминаний и аллегорий глубоко пессимистического содержания; он называл эти произведения «Senilia», сновидения старца. Многие из них он действительно видел во сне, как, например, фантастический рассказ «Старуха», в котором так наглядно изображается неизбежность смерти. Однажды, летом в Берлине, проводя вечер с Юлианом Шмидтом и мною, он нам рассказал этот сон. У нас выступил холодный пот. Я записал тогда же слышанный мною рассказ и напечатал его в фельетоне «Schlesische Zeitung» под заглавием «Сон» («Иностранная критика о Тургеневе», стр. 178).

102. Опера Луизы: «Линдоро», опера Луизы Виардо, поставленная в Веймаре.

103. Лассен: композитор, придворный капельмейстер в Веймаре.

105. «Pain d'autrui»: «Нахлебник» был переведен на немецкий язык Пичем и его дочерью Джени; многократно поставлен на различных немецких сценах. См. об этом: Л. П. Гроссман, «Театр Тургенева».

110. Дернбург: редактор литературного отдела берлинской «Nationalzeitung», отец будущего министра колоний.

Фантастическая повесть: «Песнь торжествующей любви» («Nationalzeitung», 1881, ноябрь).

111. Роман Толстого: «Война и Мир».

113. Статья Бира: Роберт Бир, романист и критик.

114. Подробная история болезни Тургенева по письмам писателя и воспоминания о нем изложены Л. С. Утевским в статье «Смерть Тургенева». (Тург. сборн., ред. А. Ф. Кони. П. 1921, и отдельн. изд., П. 1924).

115. Фойгтлендер: муж младшей дочери г-жи Виардо, Марии (см. прим. к письму 78).

117. Короткий рассказ: «Клара Милич».

«Двенадцать стаканов молока»: молочный режим был предписан Тургеневу известным парижским врачом Жакку и затем подтвержден доктором Л. Б. Бертенсоном. Этот способ лечения вызвал некоторое улучшение в состоянии больного. В период облегчения болезни была написана «Клара Милич».

120. Дювернуа: Виктор-Альфонс, автор многочисленных опер, ораторий и проч.

121. Ошибка со стереоскопом: по свидетельству Пича, он указал Тургеневу на следующую техническую неправильность в «Кларе Милич»: Аратов, после смерти певицы, делает по имеющейся фотографии ее стереоскопический снимок.

122. Это последнее письмо Тургенева к Пичу написано его секретаршей и только подписано Тургеневым. Он скончался через полгода: 22 августа (3 сентября) 1883 г.

«Болезнь ухудшилась»: в начале января 1883 г. парижским хирургом Сегоном была сделана Тургеневу операция удаления невромы из нижней части живота; несмотря на удачный исход операции, основная болезнь резко ухудшилась.

Вагнер: Рихард Вагнер скончался 13 февраля 1883 г.

ПИСЬМА ПОЛИНЫ ВИАРДО.

За два дня до смерти: бессознательное состояние началось в субботу 20-го августа, смерть наступила в понедельник 22-го авг. в час дня.

Фотография воспроизведена в «Тургеневском сборнике» под ред. А. Ф. Кони, П., 1921.

Игра в загадочные картинки заключалась в том, что один из участников рисовал профиль, по которому остальные должны были определить характер и жизненное положение нарисованного лица. В игре принимали участие Пич (его ответы написаны в оригинале по-немецки), Тургенев, г-жа Виардо и одна из ее дочерей или Дезирэ Арто (французские ответы).

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

(эскизы карандашом Людвига Пича).

	Стр.
Тургенев за чтением (1868)	2
Полина Виардо (1864)	11
Вечерний прием в доме Виардо (на переднем плане Тургенев) (1865)	33
Марианна Виардо	39
Марианна Виардо (1866)	45
Клавдия (Диди) Виардо (1864)	51
Тургенев в роли «Людоеда» (1868)	59
Вид из дома Тургенева в Баден-Бадене (1867)	65
Desirée Artot (1868)	73
Музыкальное утро в доме Виардо (у рояля Полина Виардо) (1867)	83
Мария Бурд, ученица Полины Виардо (1867)	89
Désirée Artôt (1868)	101
Представление «Лоэнгрина» в Баден-Бадене (на переднем плане справа Вильгельм I Прусский) (1868)	107
Тургенев за карточным столом (1864)	117
Полина Виардо (1864)	125
Дочь Полины Виардо (1870)	131
Вилла Виардо в Баден-Бадене (1867)	153
Клавдия Виардо (1870)	161
Тургенев читает вслух «L'auberge au grand sanglier» (1867)	169
Тургенев на прогулке	183
Тургенев (1867)	203
Людвиг Пич. Набросок Геркомера (1891)	221
Игра в загадочные картинки	233, 235,
	237

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ

МОСКВА, Кузнецкий пер., 4, кв. 25, тел. 2-50-45

ЛЕНИНГРАД, Мойка, 42, кв. 25, тел. 175-11

ИСТОРИЯ, МЕМУАРЫ, ЛИТЕРАТУРА, КРИТИКА И ИСКУССТВО.

Р. К.

A. В. Богданович. — Три последних самодержца: Александр II, Александр III, Николай II	4 —
N. Л. Бродский и N. Н. Сидоров. — Три литературно-художественных сборника:	
1. От вольтерьянца до марксиста (печатается)	— —
2. Русский рабочий в отражениях художественной литературы XIX—XX вв. (печатается)	— —
2. Деревня XIX—XX в. в русской художественной литературе (печатается) . . .	— —
Вильгельм II. — Мемуары	1 20
Ф. А. Волькенштейн. — В царских судах	2 50
A. У. Гемфри. — История рабочего представительства в Англии, Пер. с англ. с примечаниями и приложениями В. Цедербаум	— 75
B. И. Горев. От Томаса Мора до Ленина. 5-е издание.	— 60
L. П. Гроссман. — Этюды о Пушкине	— 90
C. М. Дубнов. — Евреи в России и Западной Европе в 3-х частях	3 —
На веленевой бумаге в переплете	10 —
Проф. Г. Леви. Экономическая жизнь Соединенных Штатов Америки. Перевод Я. И. Рамма (печатается).	— —
Литературная энциклопедия. — Словарь литературных терминов. В 2-х томах под	

редакц. проф. Н. Л. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Б. Лунина, В. Л. Львова - Рогачевского, акад. М. Н. Розанова и В. Е. Чешихина-Ветрин- ского (заканчивается печатанием)	— —
В. Л. Львов-Рогачевский. Новейшая русская лите- ратура. 3-е исправленное и дополненное из- дание	2 60
Ф. Нитти. — Вырождение Европы	1 —
Общественно - историческая энциклопедия. — Под редакц. И. Н. Бороздина и Б. И. Горева. В 4-х томах (печатается)	— —
И. Пуни. — Современная живопись	4 —
И. Полтавский. Героическое в русской революции. Под редакц. Б. И. Горева. В 2-х томах, богато иллюстрированных (печатается)	— —
Путеводитель по Государственному Румянцев- скому Музею	2 25
А. С. Суворин. — Дневник	3 —
А. Франс. — Книги и люди. Литературные очерки .	1 25
О. Шпенглер. — Закат Европы, т. I (распродано) .	2 50
Россия наших дней. — Сборник статей на немецком языке	2 50

ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ш. Андерсон. — Уайнсбург, Огайо	1 35
Б. Биргель. — Ракетой на луну (печатается) . . .	— —
А. С. Грин. — Алые паруса	— 40
Г. Даниловский. — Мария Магдалина. 2-е издание .	1 10
О. Генри. — Постскриптумы	— 75
Д'Эм. — Душа джунглей. Перевод с французского .	1 20
Д. Конрад. — Приливы и отливы (повести) . . .	— 90
Альберик Каюэ. — Молитвенник любви. Роман. Пе- ревод с франц. с предисловием П. Бурже . . .	— 50
В. Лидин. — Мышиные будни	— 75

	Р.	к.
В. Лидин. Морской сквозняк	—	90
Д. Лондон. — Сердца трех. 3-е издание	1	50
Ш. Л. Филипп. — Мари Донадье. Пер. с франц.	—	90
А. Франс. — Книга моего друга	—	80
Его же. — Красная лилия (печатается)	—	—
Стендаль — Новеллы, хроники и эпизоды. С худож. илюстрациями	15	—
Хаггард. — Бенита. Роман (печатается)	—	—
Честертон. — Жив - человек. Перевод с англ.	1	—
М. Шагинян.—Своя судьба. Роман	1	20
Ее же. — Приключения дамы из общества. Роман	1	20
В. Язвицкий.—Побежденные боги. Роман	—	70

BIBLIOTEKA TURGENEVA

37473